Bibl. ad VI. 1939: 4125
A-16333

Профессоръ В. Ѳ. Чижъ.

19 9/XI
Кружокъ студентовъ юристовъ
Юрьевъ — Д

ТУРГЕНЕВЪ

КАКЪ ПСИХОПАТОЛОГЪ.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu
47866

Оттискъ изъ журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Библіотека
О-ва Студ. Юристовъ
Юрьевъ,
№ 109

МОСКВА.
Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., соб. домъ.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 15 декабря 1899 г.

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU
1292 36538

Тургеневъ какъ психопатологъ.

Тургеневъ, какъ великій художникъ, изображалъ не только нормальныя душевныя явленія, но и патологическія; послѣднія играютъ значительную роль въ жизни человѣчества и потому необходимо должны обращать на себя вниманіе великаго художника, стремящагося нарисовать полную картину, изобразить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Шекспиръ съ геніальною прозорливостью на нѣсколько столѣтій опередилъ, въ пониманіи патологическаго, свое время; онъ понялъ, что патологическія душевныя явленія отнюдь не составляютъ исключительнаго, неинтереснаго явленія, какъ то думали въ его время, а нѣкоторые думаютъ и теперь; онъ отвелъ значительное мѣсто въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ именно этимъ явленіямъ. Этимъ онъ доказалъ вѣрное пониманіе значенія патологическихъ душевныхъ явленій въ жизни; послѣднія, дѣйствительно, занимаютъ въ ней, какъ это теперь уже многимъ ясно, далеко не послѣднее мѣсто.

Въ послѣднее время особенно итальянскіе ученые обратили вниманіе на выдающееся значеніе патологическихъ душевныхъ явленій въ соціальной жизни; вырожденіе, какъ причина большого числа преступленій, какъ причина алкоголизма, заслуживаетъ всесторонняго изученія. Если еще и не доказано, что геніальность обусловлена вырожденіемъ, то все-таки значеніе вырожденія въ области художественной дѣятельности уже отчасти понято. Громадная роль патологическихъ душевныхъ явленій въ общественной жиз-

ни, въ наукѣ, въ искусствѣ становится намъ все яснѣе и яснѣе.

Если въ прошломъ вѣкѣ, даже такіе великіе художники, какъ Гете, могли игнорировать душевныя болѣзни, пользоваться сумашествіемъ, какъ случайнымъ обстоятельствомъ, въ общемъ ходѣ своихъ романовъ и драмъ, то современные романисты уже не имѣютъ права не замѣчать патологическихъ душевныхъ явленій, или отводить имъ ничтожную роль.

Самъ Тургеневъ понималъ вполнѣ ясно, что сумашествіе вовсе не случайное обстоятельство, которымъ романистъ можетъ пользоваться по произволу, и весьма вѣрно говоритъ: „Онъ съ ума сходитъ, какъ вообще въ операхъ всегда сходитъ съ ума примадонны и теноры въ затруднительныя минуты... Это сумашествіе очень удобно для дюжинныхъ композиторовъ“ *). „Удобное“ для дюжинныхъ писателей „сумашествіе“, конечно, никого интересовать не можетъ; очевидно, что оно изображалось только для „удобства“ автора; нечего и говорить, что такіе авторы не затрудняли себя вѣрнымъ и точнымъ изображеніемъ „сумашествія“. Въ произведеніяхъ Тургенева, вѣрно понимавшаго злоупотребленія писателей сумашествіемъ, мы должны искать не только вѣрнаго изображенія сумашествія, но и правильной оцѣнки значенія патологическихъ душевныхъ явленій въ жизни вообще. Тургеневъ, также какъ и Шекспиръ, долженъ намъ указать, въ чемъ состоитъ вліяніе, значеніе патологическихъ явленій, какую роль эти явленія играютъ въ жизни.

Конечно, каждый писатель, въ зависимости отъ своего темперамента, образованія, среды и т. п. обращаетъ по преимуществу свое вниманіе на тѣ или другія явленія, болѣе интересуется одними и менѣе—другими. Поэтому и на патологическія душевныя явленія каждый художникъ обращаетъ свое вниманіе въ зависимости отъ своего темперамента, образованія и т. п., и мы не вправѣ требовать отъ Тургенева, чтобы эти явленія въ его произведеніяхъ были изображены столь же подробно и разнообразно, какъ это

*) Смерть Ляпунова. Томъ XII, стр. 367. Изд. Маркса.

сдѣлалъ Достоевскій. Мы вправѣ однако желать, чтобы Тургеневъ, какъ великій художникъ, поскольку онъ изображаетъ эти явленія, вѣрно указалъ на ихъ значеніе, вѣрно ихъ изобразилъ. Въ произведеніяхъ Тургенева мы находимъ описанія патологическихъ душевныхъ явленій только въ разсказахъ: „Клара Миличъ“, „Пѣснь торжествующей любви“, „Отчаянный“, „Разсказъ отца Алексѣя“, „Странная исторія“. Эти описанія мало обращали на себя вниманіе, и даже послѣдніе три разсказа признаются болѣе слабыми произведеніями Тургенева. Вообще, принято думать, что Тургеневъ, въ противоположность Достоевскому, не обращалъ вниманія на патологическія душевныя явленія. Тѣмъ болѣе необходимо изучить вышеуказанные разсказы Тургенева, чтобы выяснить, насколько вѣрно понималъ нашъ геніальный реалистъ патологическія душевныя явленія, насколько вѣрно онъ ихъ изображалъ. Если бы дѣйствительно Тургеневъ пользовался сумашествіемъ только для „удобства“, мы имѣли бы право утверждать, что Тургеневъ не далъ намъ полнаго изображенія жизни, пропустилъ весьма важныя явленія.

Изученіе изображеній или описаній патологическихъ душевныхъ явленій въ произведеніяхъ Тургенева составляетъ обязанность русскаго психіатра; только психіатръ можетъ выяснить, насколько вѣрно изображалъ душевно-больныхъ нашъ великій писатель, и объяснить вышеназванные разсказы. Такое изученіе произведеній Тургенева необходимо для полнаго пониманія созданнаго этимъ геніальнымъ романистомъ. Было бы грустно, если бы въ нашей литературѣ не было такого анализа произведеній Тургенева. О патологическихъ душевныхъ явленіяхъ въ драмахъ Шекспира написано около сорока изслѣдованій, и еще въ прошломъ году появилась на эту тему цѣлая книга Лера *). Въ томъ же году Мебіусъ опубликовалъ изслѣдованіе „О патологическомъ у Гёте“ **).

*) Laehr: Die Darstellung krankhafter Geisteszustände in Shakespeares Dramen. 1898.

**) Ueber das Pathologische bei Göthe. 1898.

Я почелъ своей обязанностью изучить въ этомъ направленіи произведенія Тургенева, тѣмъ болѣе что моя работа „Достоевскій, какъ психопатологъ“, обратила на себя вниманіе читателей.

Въ настоящей работѣ я придерживался слѣдующаго плана: отъ простыхъ психопатическихъ явленій переходить къ болѣе сложнымъ. Поэтому я и начинаю съ анализа разсказа „Отчаянный“, въ которомъ описано вырожденіе; затѣмъ перехожу къ „Кларѣ Миличъ“, такъ какъ въ этомъ разсказѣ описаны вырожденіе и обманы чувствъ. „Разсказъ отца Алексѣя“—это исторія болѣзни душевно-больного, страдавшаго обманомъ чувствъ и идеями бреда. „Пѣснь торжествующей любви“ и „Странная исторія“—два разсказа, въ которыхъ изображены явленія гипноза и внушенія. Настоящая работа, такъ же, какъ и „Достоевскій какъ психопатологъ“, имѣетъ между прочимъ своею цѣлью ознакомить неспеціалистовъ съ патологическими душевными явленіями, и потому я счелъ необходимымъ привести въ этой статьѣ нѣкоторыя свѣдѣнія по психіатріи, необходимыя для пониманія затронутыхъ вопросовъ.

Я не могъ опубликовать этой работы раньше, потому что только въ прошломъ году появилось общедоступное изданіе произведеній Тургенева.

I.

„Отчаянный“—это небольшой разсказъ, не обратившій на себя вниманія критики и публики; несомнѣнно, что онъ не принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Тургенева и ни по основной идеѣ, ни по разработкѣ этой идеи не могъ вызывать особаго интереса. Авторъ очень кратко описалъ прокутившаго свое состояніе дворянина и затѣмъ опустившагося до такой степени, что онъ собиралъ по большимъ дорогамъ милостыню, которую и пропивалъ въ обществѣ нищихъ. Какъ великій художникъ, Тургеневъ живо чувствовалъ, что такой несчастный пьяница не можетъ быть героемъ большой повѣсти или романа; онъ не можетъ

интересовать психолога, такъ какъ всѣ его психическіе процессы всецѣло обусловлены его физической организаціей. Отчаянный не можетъ жить той сложной и богатой душевной жизнью, которая приковываетъ вниманіе художника; авторъ только слегка, нѣсколькими штрихами, очертилъ отчаяннаго, но онъ нарисовалъ такой вѣрный, поразительно точный портретъ „высшаго вырождающагося“, что психіатръ, постоянно наблюдающій такихъ лицъ, можетъ только восхищаться необычайной точностью рисунка.

Такихъ прокутившихся и опустившихся до крайней степени пьяницъ, какъ отчаянный, къ сожалѣнію, не мало; всякій встрѣчался съ такими несчастными, многимъ приходилось имѣть съ ними дѣло; между тѣмъ какія превратныя сужденія о такихъ пьяницахъ имѣютъ не только неспеціалисты, но даже врачи и юристы! Мы должны быть благодарны Тургеневу за то, что онъ въ этомъ маленькомъ разсказѣ объяснилъ намъ, что за люди—отчаянные, объяснилъ, почему вся ихъ жизнь такъ отличается отъ той, которой живетъ окружающее ихъ общество. Больше того, что сказалъ намъ объ отчаянномъ Тургеневъ, сказать о немъ и нельзя; сказаннаго вполнѣ достаточно, такъ какъ намъ данъ не только поразительно вѣрный портретъ, но и вполнѣ объяснены причины, порождающія отчаянныхъ. Этотъ небольшой разсказъ заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія, потому что онъ намъ объясняетъ весьма не маловажное соціальное явленіе, и, изучивъ этотъ разсказъ, можно имѣть ясныя и вѣрныя представленія о вырожденіи.

Убѣжденіе, что пьянство и лѣность — послѣдствія дурного воспитанія, такъ прочно и непоколебимо, что и теперь большая преступность потомства преступниковъ объясняется именно дурнымъ воспитаніемъ. Весьма почтенные изслѣдователи, напримѣръ, Motet *), H. Lolly **), утверждаютъ, что большая преступность оставленныхъ родителями дѣтей и сиротъ обусловлена ихъ дурнымъ воспитаніемъ.

*) Société des prisons. 1879.

**) Le combat contre le crime.

Указанія Kurella *) и мои **) на чисто-біологическія причины преступности такихъ дѣтей не обратили на себя вниманія. Какъ Kurella, такъ и я объясняемъ большую преступность заброшенныхъ дѣтей тѣмъ, что родители ихъ обладали ненормальной организаціей, что между прочимъ и выразилось ихъ безучастіемъ къ собственнымъ дѣтямъ. Нормальные, здоровые люди крайне рѣдко оставляютъ на произволъ судьбы собственныхъ дѣтей. Я счелъ необходимымъ указать на всеобщее убѣжденіе о значеніи воспитанія и вліянія среды, какъ причинъ порочныхъ и преступныхъ наклонностей, для того, чтобы оттѣнить необычайную наблюдательность Тургенева, еще въ 1881 г. понимавшаго вѣрнѣе причины преступности, чѣмъ теперь большинство ученыхъ.

Отецъ отчаяннаго, Миши Полтева, „былъ настоящій, старозавѣтный помѣщикъ, богобоязненный, степенный человѣкъ, достаточно по тому времени образованный“. Мать Миши была „бывшая институтка“; „она не дурно играла на фортепіано, говорила по-французски“, была „существомъ вполнѣ честнымъ“, „ее постоянно поглощали заботы объ единственномъ своемъ сынѣ Мишѣ, котораго она воспитывала сама съ большимъ рвеніемъ“. Слѣдовательно, Миша выросъ въ самыхъ лучшихъ для того времени условіяхъ и получилъ прекрасное воспитаніе.

Какъ великій художникъ, Тургеневъ зналъ, что не воспитаніе создаетъ отчаянныхъ, а чисто органическія причины. Отецъ Миши былъ „немного, правду сказать, придурковатый, да къ тому же страдавшій падучей болѣзнью... Это тоже старозавѣтная дворянская болѣзнь...“

Мать Миши была „очень нервическая и болѣзненная особа“ она „охотно восторгалась, еще охотнѣе предавалась меланхоліи и даже слезамъ. Словомъ, характера была безпокойнаго“. Такимъ образомъ Миша былъ обремененъ тяжкой патологической наслѣдственностью; лишь рѣдко, въ видѣ

*) Kurella: Naturgeschichte des Verbrechers. S. 150—153.

**) Медицинское изученіе преступника. Труды V съѣзда Общества Русскихъ врачей. 1894.

исключенія, дѣти такихъ родителей пользуются полнымъ здоровьемъ; обыкновенно они страдаютъ душевными и нервными болѣзнями. Вырождающіеся именно происходятъ отъ такихъ родителей.

Необходимо остановиться на бѣгломъ замѣчаніи Тургенева: падучая—старозавѣтная, дворянская болѣзнь. Мы не имѣемъ и не можемъ имѣть цифръ для провѣрки справедливости этого замѣчанія, но, насколько намъ извѣстны причины душевныхъ и нервныхъ болѣзней, я думаю, что Тургеневъ въ этой бѣгло брошенной фразѣ выказалъ глубокое и вѣрное сужденіе. Даже нѣкоторые психіатры увѣрены, что съ цивилизаціей возрастаетъ число душевно-больныхъ; одинъ весьма почтенный психіатръ объяснялъ увеличеніе въ Россіи числа душевно-больныхъ измѣненіями условій жизни, произведенными великими реформами Царя-Освободителя. Между тѣмъ никто не доказалъ, что число душевно-больныхъ увеличивается, да и нельзя этого доказать. Съ развитіемъ цивилизаціи улучшается призрѣніе душевно больныхъ, и потому большее число душевно-больныхъ ищутъ помощи и призрѣнія. Я вполнѣ вѣрю Тургеневу, что эпилепсія — старозавѣтная дворянская болѣзнь; эпилептики-крестьяне въ дѣтствѣ погибали отъ недостаточнаго ухода, почему между дворянами и оказывалось больше эпилептиковъ.

У Миши Полтева мы находимъ слѣдующіе признаки вырожденія: „крупные, бѣлые и по-звѣриному заостренные зубы“, „нѣсколько выпуклые, влажные глаза“, „рѣзкій и даже дикій, почти звѣрскій смѣхъ“ (когда онъ смѣялся, „въ глазахъ пробѣгали нехорошія искры“), „розовое, свѣжее лицо“ и удивительную выносливость.

Психіатры мало обращали вниманія на глаза, то есть, на ихъ выраженіе, и потому второй и четвертый изъ упомянутыхъ признаковъ нуждаются въ особомъ разъясненіи.

Я уже нѣсколько лѣтъ изучаю выраженіе глазъ, ихъ блескъ у нервно и душевно-больныхъ; мнѣ было очень пріятно найти подтвержденіе моихъ наблюденій у столь хорошаго наблюдателя, какъ Тургеневъ. Тургеневъ подмѣтилъ,

что у вырождающихся, у невропатовъ глаза поражаютъ своими особенностями. Такъ, у Тѣглева (Стукъ... стукъ... стукъ...), человѣка ненормальнаго, „не совсѣмъ обыкновенны были только глаза, небольшіе, съ зелеными зрачками и зелеными рѣсницами; правый глазъ былъ чуть-чуть выше лѣваго, и на лѣвомъ глазу вѣко поднималось меньше, чѣмъ на правомъ, что придавало его взору какую-то разность—и странность, и сонливость". У княгини Р. („Отцы и дѣти"), истерички *), „глаза были не велики и сѣры, но взглядъ ихъ быстрый и глубокій, безпечный до удали и задумчивый до унынія—загадочный взглядъ. Что-то необычайное свѣтилось въ немъ". Базаровъ былъ плохой наблюдатель, какъ это видно по слѣдующему его замѣчанію: „ты проштудируйка анатомію глаза: откуда тутъ взяться, какъ ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизмъ, чепуха, гниль, художество". Жаль, что многіе, также какъ и Базаровъ, просто отрицаютъ то, чего они не понимаютъ.

Я не могу описать тѣ аномаліи глаза, которыя характерны разнымъ формамъ душевныхъ болѣзней, потому что эти аномаліи не поддаются описанію; но что аномаліи глазъ у вырождающихся существуютъ,—безспорно. Разсказываютъ, что извѣстный психіатръ Морель, увидѣвъ малолѣтняго короля баварскаго Людвига II, предсказалъ, по его глазамъ, что онъ будетъ душевно-больнымъ.

Меня особенно поражаетъ наблюдательность Тургенева, когда онъ описываетъ удивительную выносливость Миши; онъ „прострѣлилъ себѣ руку. Пуля пролетѣла насквозь... а недѣлю спустя рана зажила совершенно". „Вообще, здоровье у него было удивительное, неслыханное. Онъ до самой смерти сохранилъ почти дѣтскую свѣжесть лица. Болѣзней онъ не вѣдалъ, несмотря на всѣ излишества; крѣпость его организма ни разу не пошатнулась. Гдѣ бы другой непремѣнно занемогъ опасно, или даже умеръ бы, онъ

*) Черемшанскій (Крафтъ-Эбингъ. Учебникъ психіатріи, стр. 584) полагаетъ, что княгиня Р. страдала циркулярнымъ помѣшательствомъ; я думаю, что она истерична; въ сущности разногласіе тутъ не большое.

только встряхивался, какъ утка на водѣ, и расцвѣталъ пуще прежняго".

Ломброзо и его послѣдователи обратили вниманіе на это мало понятное свойство вырождающихся, которое называется „неранимость". Нѣкоторые врожденные преступники поражаютъ своею неранимостью; они легко переносятъ тяжелыя пораненія. На нихъ не вліяетъ замѣтно самая ужасная гигіеническая обстановка. Профессоръ Оршанскій и я замѣтили, что у невропатовъ сифилисъ лишь очень рѣдко производитъ органическія заболѣванія нервной системы. Вообще, несомнѣнно, что нѣкоторые выраждающіеся отличаются „неранимостью" или повышенною сопротивляемостью всѣмъ вреднымъ воздѣйствіямъ. Пока эта особенность ихъ организаціи необъяснена; потомъ я еще вернусь къ этому вопросу.

Замѣчательно, что Тургеневъ не случайно приписалъ Мишѣ неранимость: такимъ же поразительнымъ здоровьемъ и такою же неранимостью обладаетъ его „Степной Король Лиръ". Харловъ былъ вырождающійся, что доказывается тѣмъ, что онъ страдалъ періодической меланхоліей, припадки которой прекрасно описаны авторомъ. Онъ обладалъ необычайною силой, „никогда и боленъ не бывалъ". Громадная физическая сила, какъ вполнѣ вѣрно отмѣтилъ Тургеневъ, нерѣдко бываетъ признакомъ вырожденія; я пользовалъ душевно-больную мать всемірно извѣстнаго атлета. Неранимость Харлова такъ прекрасно описана въ предпослѣдней главѣ этой повѣсти, что нѣтъ надобности напоминать о ея проявленіяхъ.

Итакъ, Тургеневъ еще въ 1870 г. („Степной Король Лиръ" написанъ въ 1870 г.), то-есть ранѣе Ломброзо *), установилъ, что неранимость, желѣзное здоровье суть признаки вырождающихся. Еще разъ нужно повторить, что великій художникъ даже въ чисто-спеціальныхъ вопросахъ можетъ давать полезныя указанія ученымъ.

*) L'uomo delinquente впервые было напечатано въ Atti dell Instituto Lombardo въ 1871—1876 гг.

Теперь перейдемъ къ физіолого-психологическимъ признакамъ вырожденія у Миши.

Миша, еще до совершеннолѣтія, сейчасъ же послѣ смерти родителей продалъ за безцѣнокъ свое имѣніе и началъ дико, безумно кутить. Всю свою жизнь онъ всегда пьянствовалъ и, когда не на что было пить, выпрашивалъ милостыню и пропивалъ ее.

Авторъ отмѣчаетъ, на первый взглядъ, не важное, но въ сущности весьма серьезное обстоятельство: Миша „примѣрнымъ юношей оставался до 18-лѣтняго возраста, до самой смерти родителей"; продавъ за безцѣнокъ имѣніе, Миша сразу сталъ неистово кутить; въ два мѣсяца онъ прокутилъ всѣ деньги. Дядя Миши, разсказывающій его исторію, весьма основательно говоритъ: „И въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ этотъ смирный и скромный мальчикъ превратиться въ пьянаго шалопая". Дѣйствителѣно, здоровый нормальный мальчикъ не можетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ превратиться въ „пьянаго шалопая". Во-первыхъ, нормальный мальчикъ не имѣетъ потребности въ спиртныхъ напиткахъ, не можетъ безъ продолжительнаго пріученія пить много и и безпрерывно. Во-вторыхъ, „смирный и скромный" мальчикъ всегда начинаетъ пить подъ руководствомъ болѣе опытныхъ пьяницъ. Миша, какъ вырождающійся, имѣлъ потребность въ спиртныхъ напиткахъ; неудержимая потребность въ алкоголѣ у такихъ лицъ появляется очень рано, и потому они еще до совершеннолѣтія дѣлаются пьяницами и притомъ сразу.

Удивительно, какъ эти несчастные начинаютъ сразу пить много и постоянно. Какъ только они получаютъ возможность пить, они подъ вліяніемъ своей неудержимой потребности дѣлаются пьяницами. Пьянство, какъ болѣзнь, или, правильнѣе говоря, проявленіе болѣзни отличается отъ пьянства, какъ порока, именно тѣмъ, что больные начинаютъ пить очень рано, сами ищутъ кутежа, а здоровые понемногу привыкаютъ къ пьянству и послѣ многихъ лѣтъ употребленія спиртныхъ напитковъ становятся пьяницами.

Миша, начавъ пить очень рано, уже не могъ обходиться безъ спиртныхъ напитковъ; онъ *не могъ* не пить, потому что у него была органическая потребность въ алкоголѣ; его организмъ требовалъ спиртныхъ напитковъ.

Дядя нѣсколько разъ спрашивалъ: „какой это злой духъ толкаетъ, заставляетъ пить запоемъ, рисковать жизнь и т. п. У него всегда былъ одинъ отвѣтъ: тоска! Да отчего—тоска? Какъ, помилуйте! Придешь, этакимъ образомъ, въ себя, очувствуешься, станешь размышлять о бѣдности, о несправедливости, о Россіи... Ну—и кончено! Сейчасъ тоска, хоть пулю въ лобъ! Закутишь поневолѣ".

Миша вполнѣ вѣрно объяснилъ свое пьянство тоской; нѣкоторые вырождающіеся имѣютъ то мрачное настроеніе духа, которое называется тоской. Алкоголь—могущественное анэстезирующее средство; онъ притупляетъ всѣ непріятныя чувствованія, и въ этомъ его и морфія демоническая власть надъ всѣми несчастными, каковы бы ни были причины ихъ несчастія. Тоска, горе, физическія страданія заглушаются спиртными напитками и морфіемъ, и потому несчастные, вслѣдствіе болѣзни или внѣшнихъ обстоятельствъ, нуждаются въ алкоголѣ и морфіи.

Весьма естественно, что Миша объяснялъ свою тоску не патологической организаціей, а болѣе возвышенными мотивами. Мы такъ привыкли мотивировать свои психическія состоянія именно психологически и притомъ самыми возвышенными причинами, что не только больные, но и здоровые всегда объясняютъ свои психическія состоянія чисто психологическими причинами. Человѣкъ, заболѣвающій меланхоліей, стремится объяснить свое мрачное настроеніе, подыскиваетъ ему причины и или находитъ въ своемъ прошломъ какой либо проступокъ, объясняющій это настроеніе, или же ждетъ въ будущемъ несчастія, какъ причины своего мрачнаго настроенія. Онъ, наконецъ, приходитъ къ заключенію, что онъ страдаетъ за то, что не уплатилъ долга, или что онъ въ такомъ дурномъ настроеніи, потому что его торговлѣ угрожаетъ банкротство. Врачъ совершенно напрас-

но будетъ увѣрять его, что мрачное настроеніе обусловлено патологическимъ измѣненіемъ въ питаніи мозга,—такое объясненіе такъ непривычно, чуждо, обычно принятымъ сужденіямъ, что больной не можетъ его усвоить. Какъ можетъ больной понять и усвоить мысль о зависимости настроенія отъ состоянія организма, если онъ всю свою жизнь читалъ, слышалъ, думалъ, что психическія состоянія мотивированы психологически? Недавно я читалъ въ одномъ нашемъ лучшемъ журналѣ подробное разсужденіе о причинѣ пьянства Альфреда де Мюссе; авторъ весьма самоувѣренно объяснилъ пьянство этого поэта его политическимъ индифферентизмомъ. Что же удивительнаго въ томъ, что Миша объяснилъ свою тоску сильнымъ сочувствіемъ къ дѣламъ отечества? Онъ ошибался такъ же, какъ и авторъ статьи о Мюссе. Еще не скоро настанетъ то время, когда люди вполнѣ поймутъ зависимость души отъ тѣла, отвыкнутъ искать возвышенные мотивы для своихъ душевныхъ состояній и своего поведенія.

Конечно, для Миши „бѣдность“, „несправедливость“ и т. п. не имѣли никакого значенія; въ продолженіе всей своей жизни онъ ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать для уменьшенія страданій ближнихъ. Какъ мало для него значили „бѣдность и несправедливость“, можно судить по слѣдующему. „Въ теченіе своихъ странствованій... онъ добрался также до своего родового гнѣзда“; угрозой скандала онъ заставилъ владѣльца этого имѣнія пригласить его къ себѣ и хорошенько угостить. Спервоначала Миша, правда, взялъ съ него слово, что онъ крестьянамъ „всякія льготы опредѣлитъ“, но уже часъ спустя онъ пьяный плясалъ галлопадомъ; а еще часъ спустя безпробудно заснувшій Миша, уложенный въ телѣгу, отправился въ городъ за двадцать пять верстъ—и оказался тамъ подъ заборомъ.

Вырождающіеся весьма различно реагируютъ на алкоголь; одни могутъ пить непостижимо много, другіе, наоборотъ пьянѣютъ отъ очень небольшого количества. Извѣстно, что отношеніе къ алкоголю есть самая чувствительная проба

въ томъ смыслѣ, что на вырождающихся алкоголь какъ количественно, такъ и качественно дѣйствуетъ иначе, чѣмъ на здоровыхъ. Они пьянѣютъ не отъ тѣхъ дозъ, отъ которыхъ пьянѣютъ здоровые и опьяненіе у нихъ проявляется иначе, чѣмъ на здоровыхъ. Миша „былъ очень слабъ на вино".

Патологическое пьянство Миши проявлялось и той обстановкой, въ которой оно происходило. Здоровый кутила пьетъ хорошіе напитки въ подходящемъ обществѣ, въ хорошей обстановкѣ, почему, конечно, всюду и процвѣтаютъ рестораны и трактиры. Если здоровый пьяница, по своему общественному положенію, не можетъ пить въ подходящей ему компаніи,—напримѣръ, стоящій на виду чиновникъ, онъ пьетъ одинъ, вечеромъ, окончивши свои дѣла. Совсѣмъ иначе пьютъ вырождающіеся; имъ не нужна ни подходящая веселая компанія, ни хорошая обстановка. Они какъ бы ищутъ самаго низьменнаго общества, самыхъ грязныхъ кабаковъ. Напримѣръ, одинъ извѣстный ученый по временамъ пріѣзжалъ въ гости къ своему брату, занимавшему видное мѣсто въ провинціи; оба брата были вырождающіеся, очень талантливые люди. Сначала ученый пилъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ дома, но затѣмъ исчезалъ; жена брата, женщина энергическая, давала знать полиціи, которая и находила несчастнаго ученаго въ одномъ изъ грязнѣйшихъ кабаковъ предмѣстья; конечно, ни денегъ, ни часовъ не оказывалось; приличное платье исчезало, и полиціи трудно было признать въ пьяницѣ, одѣтомъ въ лохмотьяхъ, чиновнаго ученаго.

Миша пьянствовалъ всюду, гдѣ только могъ; послѣ того какъ дядя подарилъ ему пять рублей, Миша кутилъ такъ: „Человѣкъ двѣнадцать нищихъ, съ сумами черезъ плечо, шли по два въ рядъ, подпѣвая и подскакивая, а впереди ихъ отплясывалъ Миша, топая въ ладъ ногами и приговаривалъ: Начики - чикалды, чукъ и т. д... Это моя команда, армія моя—все нищенки, Божьи люди, друзья-пріятели! Каждый изъ нихъ по вашей милости чарочку пропустилъ — и вотъ теперь мы всѣ радуемся и веселимся"...

Конечно, я понимаю, что сближеніе съ подонками обще-

ства можетъ происходить подъ вліяніемъ самыхъ высокихъ мотивовъ; но вѣдь Миша и не могъ, и не хотѣлъ поучать нищихъ или изучать ихъ; ему просто было пріятно пьянствовать вмѣстѣ съ ними.

Мы не знаемъ дѣйствительной причины такого страннаго влеченія вырождающихся пьяницъ, но весьма вѣроятно, что такое общество соотвѣтствуетъ тому душевному состоянію, которое у нихъ происходитъ отъ пьянства; они понижаются настолько, что именно это общество имъ становится подходящимъ, равнымъ. Нищета, особенно душевная, сближаетъ, уравниваетъ людей самыхъ различныхъ общественныхъ положеній. Вслѣдствіе болѣзни они становятся всѣ равны: слабоумный аристократъ нисколько не тяготится обществомъ слабоумныхъ чернорабочихъ, какъ это давно извѣстно психіатрамъ. Въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ необходимо устраивать отдѣльныя помѣщенія для больныхъ лучшаго общества; но слабоумные отлично уживаются вмѣстѣ, къ какому бы классу общества они ни принадлежали. Такъ, окончательно опустившіеся отъ пьянства вырождающіеся не тяготятся низшимъ обществомъ; такъ, пьянствующіе до полнаго отупѣнія вырождающіеся во время такого пьянства ищутъ общества имъ равныхъ въ этотъ періодъ ихъ болѣзни.

Такъ какъ Миша пилъ вслѣдствіе органической потребности, онъ не могъ даже при самомъ искреннемъ желаніи прекратить пьянство; какъ бы ни желалъ такой пьяница начать новую жизнь, какой бы зарокъ онъ ни давалъ, онъ не можетъ не пить. Тургеневъ прекрасно описываетъ неудачную попытку исправленія Миши. Дядя предложилъ Мишѣ поселиться въ его домѣ, на всемъ готовомъ, „подъ однимъ только условіемъ не пить вина“. „Миша даже испугался отъ радости... и вдругъ припавъ къ моему плечу, началъ цѣловать меня“... „Смотри же,—замѣтилъ я ему,—помни условіе—вина не пить“. „Да будь оно проклято! — воскликнулъ онъ. Зато теперь клянусь, клянусь, я исправлюсь, я докажу“. „Въ первые два дня своего пребыванія подъ моимъ кровомъ

Миша не только оправдалъ мои ожиданія, но превзошелъ ихъ"... „Правда, за столомъ бѣдный Миша какъ-то особенно торопливо облизывался всякій разъ, какъ только взглядывалъ на бутылку". „Но уже начиная съ третьяго дня, онъ какъ-то затихъ... не то грустное, не то задумчивое выраженіе стало пробѣгать по его лицу, да и самое лицо поблѣднѣло и будто похужѣло". „На четвертый день онъ уже совсѣмъ умолкъ... за столомъ онъ ничего не ѣлъ, глядѣлъ на тарелку и каталъ шарики". „На пятый день... Миша одичалъ, сторонился отъ людей... И куда дѣлся розовый цвѣтъ его лица! Оно словно землею перекрылось". „На шестой день... вдругъ слышу за собою глухой и злобный голосъ... я оглянулся: у двери стоитъ Миша со страшнымъ, потемнѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ... Отпустите меня... сейчасъ... а то я бѣдъ надѣлаю, домъ подожгу, или кого зарѣжу.—Миша весь затрясся.—Не могу я такъ жить!—закричалъ онъ во всю голову... А кучеръ, съ которымъ отправился Миша, вернувшись, доложилъ мнѣ, что довезъ его до перваго кабака на шоссе и что тамъ „они и застряли", стали угощать всѣхъ безъ разбора и скоро пришли въ безчувствіе".

Все это описано такъ вѣрно и точно, что можетъ считаться страницей изъ образцовой *исторіи болѣзни.*

За годъ до смерти Миша женился на дочери дьячка; по словамъ его вдовы, пить „ужъ онъ совсѣмъ бросилъ съ тѣхъ поръ, какъ со мной спознался... Только здоровье его было какое?! Потерянное совсѣмъ. Какъ бросилъ пить, такъ сейчасъ болѣзнь его и обнаружилась"... „Остался ли у васъ, ребеночекъ,—спросилъ я, наконецъ. Она вздохнула.—Нѣтъ, не остался".

Нужно удивляться вѣрности всего сказаннаго Тургеневымъ.

Можетъ показаться невѣроятнымъ, что Миша—этотъ вырождающійся пьяница—совершенно пересталъ пить подъ вліяніемъ жены. Однако я знаю нѣсколько случаевъ полнаго исправленія вырождающихся любящими, кроткими же-

нами, а такова была именно жена Миши. Я зналъ вырождающагося кутилу и скандалиста, неоднократно и совершенно безполезно лѣчившагося въ заведеніи для душевнобольныхъ; черезъ годъ послѣ свадьбы я не узналъ этого „нравственно-слабоумнаго“ (такъ діагносцировали психіатры его болѣзнь). Это былъ совершенно приличный, правда, глуповатый и безхарактерный, мелкій чиновникъ. Какъ достигаютъ такихъ поразительныхъ результатовъ эти *кроткія*, любящія женщины я не знаю, но фактъ для меня несомнѣненъ.

Несчастный Миша поздно встрѣтился съ дочерью дьячка; онъ пилъ такъ долго, что внутренніе органы серьезно пострадали отъ злоупотребленія спиртными напитками, и потому его организмъ уже не могъ перенести лишенія алкоголя.

Патологическая организація Миши проявилась и въ его образѣ жизни, въ неспособности къ труду, въ невозможности приспособиться къ средѣ.

Прокутивъ свое имѣніе, онъ отправился въ монастырь; но монашеская жизнь ему уже черезъ два мѣсяца надоѣла; онъ выпросилъ у родныхъ деньги и поступилъ юнкеромъ на Кавказъ; черезъ два года онъ, не дослужившись до офицерскаго чина, бросилъ военную службу. Затѣмъ онъ жилъ подаяніями родныхъ, милостыней, выпрашиваемой на большихъ дорогахъ и, наконецъ, на содержаніи своего тестя-дьячка.

Чтобы добыть средства къ существованію, Миша „до того дошелъ, что въ Т—мъ дворянскомъ собраніи выставилъ на столѣ кружку съ надписью: „Всякій, кому покажется лестнымъ щелкнуть по носу столбового дворянина Полтева (подлинные документы при семъ прилагаются), можетъ удовлетворить свое желаніе, положивши рубль въ сію кружку“... Часть вырученныхъ такимъ образомъ денегъ онъ тутъ же роздалъ другимъ голышамъ“...

Миша былъ бродяга, неспособный трудомъ зарабатывать себѣ хлѣбъ. Школа Ломброзо обратила вниманіе на бро-

дягъ, и такіе почтенные ученые, какъ Benedikt *), Kurella **), Cavaglieri ***) установили, что неспособность къ труду бродягъ обусловлена ихъ патологической организаціей; бродяги—это неврастеники, вырождающіеся, нервно и душевно-больные. Вслѣдствіе своей патологической организаціи они не могутъ работать, ихъ нервная система не переноситъ, не выдерживаетъ того умѣреннаго, но постояннаго напряженія, которое необходимо для работы. Ни нужда, ни наказанія не могутъ заставить ихъ работать, и до настоящаго времени неизвѣстны средства для уменьшенія бродяжничества, какъ это доказывается цифрами, собранными Cavaglieri.

Миша, какъ вырождающійся, сынъ эпилептика и „нервической“ матери, не могъ работать; онъ предпочиталъ нищету работѣ, хотя по протекціи онъ бы могъ получить легкое, не требующее большого труда, мѣсто. Для того чтобы добыть денегъ на выпивку, онъ безъ всякихъ колебаній совершилъ преступленіе, — иначе нельзя назвать его способъ добыванія денегъ въ Т. дворянскомъ собраніи. Фактически у насъ бродяжничество—не преступленіе, и Мишу не считали преступникомъ за его образъ жизни, но собираніе рублей за щелчки по дворянскому носу возмутило дядю Миши и должно считаться преступленіемъ.

Вполнѣ понятны мотивы тѣхъ озорниковъ, которы щелкали Мишу по носу, и, къ сожалѣнію, всюду и всегда нѣкоторымъ вполнѣ здоровымъ людямъ доставляетъ удовольствіе издѣвательство надъ человѣческою личностью. Я зналъ одного великаго ученаго, не снимавшаго шляпы въ своей лабораторіи; но его ассистенты должны были безъ шляпъ выбѣгать на дворъ при приближеніи его кареты, высаживать изъ кареты и провожать его до кареты при отъѣздѣ. Здоровый молодой человѣкъ предпочтетъ заработать тяже-

*) Die Vagabondage und ihe Behandlung. 1891.

**) Naturgeschichte des Verbrechers. Ss. 206—212.

***) Criminalité et vagabondage. Compte rendu des travaux de la IV Congrès d'Anthropologie criminelle. 1896.

лымъ трудомъ деньги на выпивку, и потому, только вслѣдствіе вырожденія, неспособный къ труду Миша могъ предпочесть публичные щелчки по носу работѣ.

Миша не могъ приспособиться къ какой-либо средѣ, не могъ быть членомъ современнаго ему общества; онъ не могъ быть ни помѣщикомъ, ни монахомъ, ни солдатомъ, ни офицеромъ, ни приживальщикомъ, ни чиновникомъ.

Конечно, причины, почему человѣкъ не можетъ приспособиться къ окружающей его средѣ, современнымъ ему условіямъ жизни, весьма различны; выдающіеся люди не удовлетворяются окружающей ихъ средой, потому что она ниже ихъ; они или гибнутъ въ борьбѣ, или создаютъ сами для себя подходящую среду. Воспитаніе можетъ быть причиной того, что человѣкъ очень долго не можетъ приспособиться къ средѣ, не можетъ жить такъ, какъ живутъ люди его круга.

Самая частая причина неумѣнья приспособиться къ окружающей средѣ — это вырожденіе. Dallemagne *) вполнѣ правъ, утверждая, что соціальный признакъ вырожденія есть „соціальная неприспособляемость“. Общество есть, по словамъ Dallemagne, „пробный камень“ для вырождающихся, такъ какъ именно по отношенію къ нему они обнаруживаютъ недоразвитіе альтруистическихъ чувствованій. Такіе вырождающіеся суть существа антисоціальныя, или асоціальныя, такъ какъ они не могутъ участвовать въ общей жизни, общей работѣ. Миша былъ паразитомъ, жившимъ на счетъ своихъ родныхъ, на счетъ угощавшихъ его водкой и дававшихъ ему милостыню и, наконецъ, на счетъ тестя. Конечно, было бы смѣшно предполагать, что Миша потому не могъ занять опредѣленное общественное положеніе, что былъ выше своей среды; его фразы о „бѣдности и несправедливости“ имѣли такое же значеніе, какъ анархизмъ Равашоля. Эти громкія фразы не мѣшали писать ему письма съ просьбами о подаяніи, „адресованныя ко всѣмъ возмож-

*) Stigmates biologiques et sociologiques de la criminalité.

нымъ лицамъ, начиная съ митрополита и кончая берейторами и повивальными бабками".

Тургеневъ такъ полно въ этомъ разсказѣ описалъ вырождающагося, что не упустилъ даже слѣдующей весьма характерной подробности. „Миша особенно успѣвалъ у женщинъ: онъ умѣлъ возбуждать ихъ сожалѣніе. И не думайте, чтобъ онъ былъ или воображалъ себя Ловеласомъ... О, нѣтъ, въ этомъ отношеніи онъ былъ очень скроменъ... только онъ въ своихъ поступкахъ съ прекраснымъ поломъ былъ очень деликатенъ".

Я помню, что мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы пьяный бродяга могъ нравиться женщинамъ, но потомъ въ моей психіатрической дѣятельности я неоднократно убѣждался въ вѣрности наблюденій Тургенева. Просто непонятно, какъ могутъ нравственно-слабоумные, т.-е. наиболѣе антипатичные больные, нравиться порядочнымъ женщинамъ. Я помню, какъ жена одного чиновника психіатрическаго заведенія такъ заинтересовалась нравственно-слабоумнымъ паціентомъ этой больницы, что его пришлось перевести въ другое заведеніе; гувернантка дѣтей одного врача-психіатра, жившаго въ самой больницѣ, завела любовную переписку съ нравственно-слабоумнымъ. Я къ величайшему моему изумленію нашелъ въ 12-мъ часу ночи на уединенной скамейкѣ сада больницы служившую въ этой больницѣ лѣкарскую помощницу и нравственно-слабоумнаго, призрѣвавшагося въ этомъ заведеніи. Эта вполнѣ приличная дѣвушка окончила гимназію, Рождественскіе курсы, отлично знала, что предметъ ея любви былъ душевно-больной, надѣлавшій много безобразій; она была настолько порядочна, что сейчасъ же оставила службу. Я привелъ эти примѣры, потому что эти три особы хорошо знали, что имѣютъ дѣло съ душевно-больными, тѣмъ не менѣе не могли быть благоразумными; если такіе больные пользуются свободой, ихъ успѣхъ у женщинъ менѣе удивителенъ.

Я не берусь объяснить, почему они такъ нравятся женщинамъ; вѣроятно, это объясняется ихъ розовымъ,

свѣжимъ лицомъ и привычкой безцеремонно лгать и льстить.

Вполнѣ правдиво Тургеневъ говоритъ о равнодушіи Миши къ женщинамъ. Marandon de Montyel *) утверждаетъ, въ чемъ я съ нимъ вполнѣ согласенъ, что у всѣхъ вырождающихся половая жизнь ненормальна. Мои собственныя наблюденія привели меня къ заключенію, что самая частая ненормальность половой жизни у вырождающихся—это ея слабое развитіе. Я вполнѣ могу подтвердить вѣрность наблюденій Тургенева: не только у Миши былъ прекрасный цвѣтъ лица, удивительное крѣпкое здоровье и слабость половыхъ потребностей, но и вообще у тѣхъ вырождающихся, которые имѣютъ розовый свѣжій цвѣтъ лица, отличаются неранимостью, половая жизнь играетъ ничтожную роль. Этотъ вопросъ очень спеціаленъ, и потому я не могу здѣсь разбирать его съ должной полнотой; я долженъ ограничиться лишь окончательнымъ выводомъ, выработаннымъ мною по этому вопросу. Удивительно свѣжій цвѣтъ лица, крѣпкое здоровье и неранимость у этихъ вырождающихся стоитъ въ непосредственной связи съ недоразвитой или недостаточной половой жизнью и даже зависятъ именно отъ этой ненормальности половой жизни. Давно было замѣчено, что большая скромность въ половыхъ отношеніяхъ сохраняетъ здоровье; лица, которыя вслѣдствіе ненормальности своей организаціи очень скромны, сохраняютъ весь тотъ запасъ силъ, который такъ расточительно расходуютъ нормальные люди.

Я счелъ необходимымъ сослаться на собственныя наблюденія по этому вопросу, потому что, сколько мнѣ извѣстно, никто имъ не занимался; я думаю, весьма интересно, что Тургеневъ и въ этомъ вопросѣ опередилъ науку.

Дядя, разсказывающій похожденія Миши, называетъ его отчаяннымъ; также называли его и товарищи: „дряблый онъ

*) Annales medico-psychologiques. 1897, p. 128.

тряпка и отчаянный какой-то—просто оглашенный"; дерзокъ онъ былъ до сумасбродства: „не было такого безумнаго пари, отъ котораго бы онъ отказался". Такъ онъ, побившись на пари на десять рублей, прыгнулъ въ оврагъ, рискуя искалѣчить себя; предлагалъ играть съ нимъ въ карты съ тѣмъ, что въ случаѣ проигрыша онъ прострѣлитъ себѣ лѣвую руку. Вмѣстѣ съ этимъ Миша былъ трусъ; „въ сраженіяхъ онъ имѣлъ видъ унылый и вялый, не то скучалъ, не то смущался". Разсказчикъ думаетъ, что „храбрости въ немъ особенной не замѣчалось"; „дѣлать зло другимъ, убивать, драться онъ не могъ, быть можетъ, оттого, что сердце у него было доброе, а, можетъ быть, оттого, что воспитаніе его испортило". Весьма естественно, что разсказчикъ, какъ дядя, желалъ объяснить трусость Миши его добрымъ сердцемъ, но для посторонняго ясно, что его поведеніе въ сраженіяхъ объяснялось не добрымъ его сердцемъ, а трусостью; драться съ непріятелемъ опасно, и свистъ пуль пугаетъ самыхъ храбрыхъ. Скобелевъ, какъ, впрочемъ, и всѣ герои, откровенно сознавался, что онъ очень боялся быть раненымъ или убитымъ въ сраженіи, но напрягалъ всю силу воли, чтобы не обнаружить своего душевнаго состоянія.

Понятно, что Миша, у котораго воля и вообще высшія чувствованія: самолюбіе, любовь къ отечеству и т. п, были неразвиты, во время сраженія имѣлъ видъ унылый. Онъ не могъ быть офицеромъ той славной кавказской арміи, которая такъ прекрасно описана Л. Толстымъ. Наша кавказская армія всегда побѣждала фанатически храбрыхъ защитниковъ своей религіи и родины именно потому, что наши офицеры и солдаты, вполнѣ сознавая всѣ опасности, спокойно дрались, руководясь чувствомъ долга, а наши враги дрались въ состояніи аффекта; всегда и всюду побѣждаетъ воля, руководимая высшими мотивами.

Разсказчикъ недоумѣвалъ, какъ Миша, при его отчаянности, былъ трусомъ; но для насъ такое совмѣщеніе отчаянности съ трусостью вполнѣ понятно. Изученіе врожденныхъ

преступниковъ привело Ломброзо и его школу къ выводу, что многіе преступники трусы, а вмѣстѣ съ тѣмъ—отчаянные, то есть изъ-за пустяковъ рискуютъ своею жизнью.

Трусость преступниковъ вполнѣ объясняется слабостью ихъ воли, недоразвитіемъ высшихъ чувствованій; преступникъ, бродяга не можетъ быть храбрымъ потому, что не можетъ владѣть собою, не имѣетъ высшихъ чувствованій, которыя у нормальнаго человѣка побѣждаютъ естественный животный страхъ.

Гораздо труднѣе объяснить ту дерзость, отчаянность, которую проявляютъ преступники столь часто; Миша, чтобы выиграть десять рублей, нужные ему на выпивку, прыгаетъ въ оврагъ и тамъ весело пьетъ вино, вывихнувъ плечо; преступникъ, чтобы добыть деньги на кутежъ, совершаетъ преступленіе, весело прокучиваетъ деньги, хотя рискуетъ быть арестованнымъ и строго наказаннымъ. Когда публичныя казни были очень часты и за воровство вѣшали, преступники обкрадывали публику, глазѣвшую на казнь. Врожденный преступникъ самый дерзкій, то есть постоянно рискующій изъ-за маленькаго наслажденія въ ближайшемъ будущемъ серьезно пострадать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, поддается чувствованію страха въ минуту опасности, то есть оказывается трусомъ

Эту отчаянность врожденныхъ преступниковъ еще Despine *) объяснилъ ихъ непредусмотрительностью и неблагоразуміемъ; онъ вполнѣ вѣрно указывалъ, что преступники отличаются отъ нормальныхъ людей именно тѣмъ, что не могутъ предвидѣть и оцѣнить ожидающія ихъ опасности. Но, конечно, это еще не объясненіе названной особенности психической организаціи преступниковъ, такъ какъ Despine не указалъ, отчего зависитъ такая неспособностъ преступниковъ предвидѣть непріятность въ будущемъ. Ломброзо обратилъ вниманіе на пониженную чувствительность къ боли и неранимость нѣкоторыхъ врожденныхъ преступниковъ;

*) Psychologie naturelle. 1868.

онъ полагалъ, что именно вслѣдствіе этой малой чувствительности и неранимости они такъ дерзки; кто слабо чувствуетъ боль, тому ничего не страшно; но тогда почему эти же преступники трусы, то есть поддаются чувствованію страха въ самый моментъ опасности. Oelzelt-Newin *) и я **) пытались объяснить эту отчаянность трусовъ недостаткомъ фантазіи, малымъ объемомъ сознанія; нѣкоторые вырождающіеся не могутъ думать о будущемъ, не могутъ представить себѣ даже неизбѣжныхъ послѣдствій своихъ отступковъ. Какъ дикари они всецѣло живутъ мотивами настоящаго; дикарь не можетъ работать, когда онъ сытъ, потому что не можетъ себѣ представить тѣхъ страданій, которыя ему угрожаютъ вслѣдствіе его бездѣятельности; когда все съѣдено, то есть подъ вліяніемъ голода, онъ работаетъ, чтобы добыть пищу. Такъ же непредусмотрительны и врожденные преступники; они живутъ всецѣло мотивами настоящаго; ему хочется сегодня кутить—и онъ или прыгаетъ въ ущелье, или забирается на чердакъ, откуда ему можетъ быть придется спрыгнуть, прыгаетъ на ходу съ поѣзда, рискуетъ завтра быть посаженнымъ въ тюрьму или, какъ конокрадъ, быть убитымъ крестьянами. Что будетъ потомъ, объ этомъ эти несчастные не думаютъ; все ихъ сознаніе поглощено желаніемъ кутежа, выпивки, игры въ карты и т. п. Кромѣ настоящаго мотива, то есть желанія кутить, или злобы мести, сладострастія, вообще грубыхъ животныхъ желаній, въ душѣ многихъ,—конечно, не всѣхъ,—преступниковъ нѣтъ другихъ представленій и чувствованій; прошлое и будущее для нихъ не существуетъ, почему и перенесенныя и грядущія страданія не могутъ быть мотивами ихъ дѣятельности, не могутъ повліять на ихъ рѣшенія.

Особенно поразительно, что Миша могъ спокойно играть въ карты, зналъ, что въ случаѣ проигрыша онъ долженъ будетъ прострѣлить руку. Именно врожденные преступники могутъ беззаботно кутить въ ожиданіи ареста.

---

*) Ueber sittliche Dispositionen. 1892.

**) Объ измѣреніи умственныхъ способностей. «Сѣверный Вѣстникъ» 1895.

Извѣстно, что преступники—страстные игроки, и нѣтъ той жертвы, которой не принесетъ преступникъ для удовлетворенія этой страсти. Такимъ же страстнымъ игрокомъ былъ Миша. Такъ же, какъ и вообще врожденные преступники, онъ былъ расточителенъ.

Въ этомъ маленькомъ разсказѣ Тургеневъ съ полной точностью и достаточною подробностью изобразилъ вырождающагося врожденнаго преступника—бродягу. Болѣе сказаннаго авторомъ о такомъ субъектѣ мы вообще ничего не знаемъ, и едва ли возможно описать его подробнѣе. Тургеневъ объяснилъ намъ, отъ чего зависѣло вырожденіе Миши, указалъ физическіе или тѣлесные признаки вырожденія, разсказалъ намъ о физіолого-психологическихъ признакахъ вырожденія: неудержимой потребности къ алкоголю, неспособности къ труду, неспособности приспособиться къ средѣ, слабости половой жизни, непредусмотрительности, трусости, страсти къ играмъ. Больше объ этихъ жалкихъ выродкахъ и сказать нечего.

Какое значеніе имѣетъ этотъ разсказъ Тургенева, какова была цѣль автора, и насколько онъ ея достигъ?

Разсказъ начинается такъ: „Насъ было человѣкъ восемь въ комнатѣ—и мы разговаривали о современныхъ дѣлахъ и людяхъ. Не понимаю я этихъ господъ!—замѣтилъ А.:—они отчаянные какіе-то... право, отчаянные... Ничего подобнаго еще никогда не бывало.—Нѣтъ, бывало, вмѣшался П.:—отчаянные люди водились и прежде, только не походили они на нынѣшнихъ отчаянныхъ“.—Въ подтвержденіе своихъ словъ П. разсказалъ о своемъ племянникѣ Мишѣ; онъ закончилъ свой разсказъ словами: „онъ (Миша) не походилъ на нынѣшнихъ отчаянныхъ, хотя, полагать надо, иной философъ и нашелъ бы родственныя черты между нимъ и ими. И тамъ, и тутъ жажда самоистребленія, тоска, неудовлетворенность... А съ чего это все берется, предоставляю судить именно философу“.

Разсказъ написанъ въ 1881 г.

Тургеневъ оказался пророкомъ и, сколько мнѣ извѣстно, первый правильно объяснилъ удивившія весь міръ безумный

убійства анархистовъ. Намъ ничего неизвѣстно о нашихъ террористахъ, но даже такіе соціалисты, какъ Ferri, убѣждены, что Caserio, Henri и т. п.—вырождающіеся. Школа Ломброзо уже занялась изученіемъ политическихъ преступниковъ и объяснила намъ, что „жажда истребленія, тоска, неудовлетворенность“ нѣкоторыхъ анархистовъ зависятъ отъ ихъ патологической организаціи.

При спокойномъ состояніи общества, такіе вырождающіеся, какъ Миша, почти безвредны; они пьянствуютъ, не работаютъ, иногда развращаютъ лицъ, готовыхъ на преступленіе,—Миша за рубль позволялъ себѣ щелкать по носу; но въ эпохи броженія, во время политическихъ и соціальныхъ кризисовъ, они могутъ играть роль. Они могутъ свою тоску объяснять неудовлетворительностью общественнаго строя и со свойственною имъ непредусмотрительностью рисковать своей жизнью для достиженія совершенно неосуществимыхъ идеаловъ. Жизнь для нихъ, вслѣдствіе ихъ патологической тоски, не имѣетъ большой прелести; сознаніе ихъ очень узко и всецѣло поглощено ограниченнымъ кругомъ представленій; они не могутъ всесторонне обсудить послѣдствій своихъ поступковъ, не могутъ понять неосуществимости своихъ стремленій. Тургеневъ, дѣйствительно, вѣрно указалъ на „жажду самоистребленія“: какъ Миша прострѣлилъ себѣ руку, поѣхалъ къ немирному Абдулу-Хану только для того, чтобы узнать отъ него, настоящій ли персидскій клинокъ въ его шашкѣ, рискуя свободой и даже жизнью, такъ и нѣкоторые анархисты рискуютъ своею свободой и жизнью для самыхъ дикихъ цѣлей: напримѣръ, анархистъ, ранившій сербскаго посланника въ Парижѣ, желалъ убить одного буржуа.

Конечно, всѣ причины удивительныхъ преступленій нѣкоторыхъ анархистовъ намъ еще неизвѣстны, но van Hammel *) весьма убѣдительно доказалъ, что между анархистами — не мало вырождающихся, больныхъ.

---

*) L'anarchisme. III-me Congrès d'Anthropologie criminelle. 1896.

II.

„Клара Миличъ“, по моему мнѣнію, одно изъ лучшихъ произведеній Тургенева; оно такъ поэтично, что трудно вѣрится, что его написалъ шестидесятичетырехлѣтній старикъ. Я до сихъ поръ помню то сильное впечатлѣніе, которое на меня произвело чтеніе этой поэтической повѣсти. Я въ 1882 году уже достаточно зналъ психіатрію, чтобы вполнѣ оцѣнить всѣ достоинства этого произведенія; меня особенно поразило, что въ этомъ, на первый взглядъ неправдоподобномъ, разсказѣ всѣ детали безусловно вѣрны.

Сколько извѣстно, Тургеневъ опоэтизировалъ Клару Миличъ; говорили, что артистка, трагическая смерть которой изображена въ этомъ разсказѣ, вела себя крайне безразсудно и ничего поэтическаго въ ея любви не было. Я не повѣрилъ цѣлой фабулѣ повѣсти и вообще мало вѣроятно, чтобъ артистка отравилась отъ такой невинной любви. Но если мы не будемъ сравнивать Клару Миличъ съ той артисткой, которая описана въ этой повѣсти, и будемъ смотрѣть на разсказъ какъ на чистую фантазію автора, мы должны будемъ согласиться, что все разсказанное Тургеневымъ *могло быть*, что ничего невѣроятнаго въ этомъ произведеніи нѣтъ.

Для правильнаго пониманія Клары Миличъ необходимо позабыть о разсказахъ и слухахъ по поводу этой повѣсти и не сравнивать повѣсти съ тѣми слухами, которые циркулировали въ обществѣ о любви и самоубійствѣ артистки К.

Герой этой повѣсти, Аратовъ — высшій вырождающійся, психопатъ, также какъ и Миша Полтевъ, и потому я послѣ разбора „Отчаяннаго“ приступаю къ анализу „Клары Миличъ“. Такимъ образомъ легче будетъ сравнить этихъ двухъ вырождающихся, установить, въ чемъ они похожи другъ на друга и чѣмъ отличаются. Вырожденіе, какъ и всякое отступленіе отъ нормы, проявляется весьма различно, и вырождающіеся, хотя имѣютъ много общаго, весьма непохожи другъ на друга. Мы даже не можемъ установить главныхъ

типовъ вырождающихся, и намъ приходится довольствоваться такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ, какъ „высшій вырождающійся“. Этотъ терминъ введенъ французскими психіатрами, такъ называющими вырождающихся, одаренныхъ удовлетворительными и даже хорошими умственными способностями. Высшіе вырождающіеся мало похожи другъ на друга; это именно психопаты, не поддающіеся общей характеристикѣ, и потому поучительно сравнить двухъ вырождающихся, столь мало похожихъ другъ на друга, какъ Миша и Аратовъ, и выяснить, что при всемъ ихъ кажущемся несходствѣ у обоихъ основныя свойства характера обусловлены патологической наслѣдственностью и патологической организаціей.

Отецъ Аратова былъ, по словамъ сосѣдей, „чудакъ преестественный“: „онъ занимался химіей, минералогіей, энтомологіей, ботаникой и медициной; лѣчилъ добровольныхъ паціентовъ травами и металлическими порошками собственнаго изобрѣтенія, по методѣ Парацельсія. Этими самыми порошками онъ свелъ въ могилу свою молоденькую, хорошенькую, но ужъ слишкомъ тоненькую жену, которую любилъ страстно и отъ которой имѣлъ единственнаго сына. Тѣми же металлическими порошками онъ порядкомъ попортилъ здоровье также и сына, которое, напротивъ, желалъ подкрѣпить“... „Человѣкъ онъ былъ, что называется, добрѣйшій, но нрава меланхолическаго, копотливый, робкій, склонный ко всему таинственному“.

Дѣти эксцентриковъ, оригиналовъ, чудаковъ, какъ это извѣстно психіатрамъ, нерѣдко бываютъ душевно-больные, вырождающіеся, предрасположенные къ нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ; къ тому же здоровье Аратова въ дѣтствѣ было попорчено „металлическими порошками“. Мы знаемъ, что болѣзни, отравленія, неблагопріятныя гигіеническія условія въ раннемъ дѣтствѣ бываютъ причинами вырожденія.

Аратовъ курса въ университетѣ не кончилъ не по лѣности, не по недостатку средствъ, „а потому, что, по его по-

нятіямъ, въ университетѣ не узнаешь больше того, чему можно научиться и дома". Значитъ, психопатическая организація Аратова проявилась поздно, когда ему было около двадцати лѣтъ. Ранѣе онъ ничѣмъ не отличался отъ сверстниковъ и вообще развивался правильно. Конечно, молодые люди не доканчиваютъ своего образованія по очень многимъ причинамъ, но голыя цифры сообщаютъ намъ, какъ мало лицъ не заканчиваютъ высшаго образованія. Громадное большинство этихъ лицъ оставляютъ университетъ по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ. Я не зналъ ни одного студента, не окончившаго курса только потому, что въ университетѣ нечему учиться, хотя могу допустить, что очень талантливый юноша можетъ по этой причинѣ перейти въ другое учебное заведеніе, поступить въ иностранный университетъ, вообще искать лучшаго образованія. Но не закончить курса безъ всякой причины можетъ только психопатъ, вырождающійся; именно эти лица не заканчиваютъ своего образованія, ни въ одномъ дѣлѣ не достигаютъ возможнаго для нормальнаго человѣка совершенства. Они обыкновенно не доходятъ до конца, не выучиваются основательно чему-либо, имъ все скоро надоѣдаетъ; они бросаютъ, не закончивши, одно дѣло, начинаютъ другое, почему не достигаютъ совершенства въ какой-либо спеціальности.

Оставивши университетъ, Аратовъ математическими науками не занимался, а завелъ фотографическій аппаратъ, но и въ этомъ нетрудномъ искусствѣ большихъ успѣховъ не сдѣлалъ; онъ даже не научился хорошо увеличивать фотографическія карточки: по крайней мѣрѣ, не сумѣлъ увеличить фотографическую карточку Клары Миличъ.

„Онъ дичился своихъ товарищей, почти ни съ кѣмъ не знакомился... и жилъ очень уединенно"; „на службу поступить не разсчитывалъ".

Также какъ и Миша, Аратовъ не могъ работать, зарабатывать себѣ хлѣбъ, не могъ приспособиться къ средѣ. Каждый нормальный, а тѣмъ болѣе талантливый человѣкъ, стремится къ какому-нибудь занятію; конечно, многіе обманываютъ

себя и занимаются пустяками, но только больной молодой человѣкъ можетъ ничего не дѣлать, и Аратовъ именно ничего не дѣлалъ, „погруженный въ книги“. Такая бездѣятельная, праздная жизнь просто тягостна для молодого человѣка; Аратовъ былъ такъ мало подготовленъ, что научно онъ работать не могъ и, какъ видно изъ разсказа, ничего не дѣлалъ. Читать книги безъ опредѣленнаго плана, безъ опредѣленной цѣли здоровый молодой человѣкъ не можетъ. Къ счастію для Аратова, онъ имѣлъ небольшія средства и потому не нуждался въ подачкахъ, какъ Миша, но онъ все-таки былъ тунеядецъ, даже не старавшійся быть полезнымъ кому-либо въ мірѣ.

Также какъ и Миша, Аратовъ не могъ приспособиться къ средѣ, занять положеніе въ обществѣ; онъ лишенъ былъ тѣхъ присущихъ нормальнымъ людямъ соціальныхъ чувствованій, которыя побуждаютъ и богатыхъ, и бѣдныхъ жить вмѣстѣ съ другими, искать ихъ одобренія. Аратову общество не было необходимо, какъ намъ; ему были чужды общественные интересы, у него не было друзей, товарищей, у него не было честолюбія, не было любви къ ближнимъ. У него былъ только одинъ знакомый Купферъ, который „и завтракалъ, и обѣдалъ у него частенько и, даже будучи человѣкомъ небогатымъ, занималъ у него небольшія суммы“.

Также какъ и у Миши, у Аратова половая жизнь была ненормальна, хотя въ этомъ отношеніи между ними была большая разница.

„Онъ чуждался женщинъ, хотя сердце имѣлъ очень нѣжное и плѣнялся красотою... Онъ даже пріобрѣлъ роскошный англійскій кипсекъ и (о позоръ!) любовался „украшавшими“ его изображеніями разныхъ восхитительныхъ Гюльнаръ и Медоръ...“

Я зналъ многихъ средняго и пожилого возраста любителей соблазнительныхъ картинъ; но здоровымъ молодымъ людямъ такія картинки просто противны. Только уже истощенные болѣзнями или злоупотребленіями, люди могутъ любоваться такими картинками; это хотя дурно, но нор-

мально. Если молодой человѣкъ настолько интересуется такими картинками, что даже покупаетъ „роскошный кипсекъ“, то съ большою вѣроятностью можно предполагать, что онъ или совершенно неспособенъ къ половой жизни, или, по крайней мѣрѣ, малоспособенъ; такіе молодые люди, насколько мнѣ извѣстно, не могутъ „любить“ нормальной, здоровой любовью.

Этими и оканчивается сходство Аратова съ Мишей.

Аратовъ „вѣрилъ, что существуютъ въ природѣ и въ душѣ человѣческой тайны, которыя можно иногда прозрѣвать, но постигнуть — невозможно; вѣрилъ въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вліяній, иногда благосклонныхъ, но чаще враждебныхъ... и вѣрилъ также въ науку, въ ея достоинство и важность“.

Вѣра въ науку уживается съ вѣрой въ присутствіе нѣкоторыхъ силъ и вліяній въ душѣ крупныхъ ученыхъ, людей вполнѣ нормальныхъ, и я вовсе не расположенъ каждаго образованнаго мистика считать психопатомъ. Нельзя объяснить, какъ уживается вѣра въ науку съ вѣрой въ сверхъестественное, но вѣдь вообще мы многаго объяснить не можемъ.

Когда въ 1892 г. я былъ въ Лондонѣ на психологическомъ конгрессѣ, на меня производила своеобразное впечатлѣніе толпа барынь расфранченныхъ и съ ясными признаками истеріи и вырожденія, составлявшая аудиторію на секціи по гипнотизму“ *). Ни одинъ психіатръ не будетъ оспаривать, что между образованными мистиками много вырождающихся. Постоянное недовольство собою и всѣмъ окружающимъ, зависящее отъ патологическаго состоянія нервной системы, чувство собственнаго безсилія—невольно влекутъ этихъ вырождающихся ко всему таинственному, сверхъестественному; имъ нужны „силы и вѣянія“, и они ихъ обыкновенно находятъ.

О физической организаціи Аратова Тургеневъ говоритъ

*) В. Чижъ: «Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ.—Вопросы Психологіи», 1892 г.

достаточно; у него были волосы пепельнаго цвѣта, выпуклыя, дѣтскія губы и большіе, зеленовато-сѣрые глаза съ поволокой. „Здоровьемъ онъ также похвастаться не могъ. Очень онъ былъ впечатлителенъ, нервенъ, мнителенъ, страдалъ сердцебіеніемъ, иногда одышкой".

Аратовъ могъ, при благопріятныхъ условіяхъ, прожить, не заболѣвъ душевною болѣзнію всю жизнь и достигнуть глубокой старости, какъ и многіе высшіе вырождающіеся, какъ, напримѣръ, Барсуковъ въ разсказѣ „Два пріятеля". Этотъ вырождающійся „вступилъ въ морскую службу и скоро обратилъ на себя вниманіе начальства, но внезапно вышелъ въ отставку, женился, поселился въ деревнѣ и понемногу такъ облѣнился и опустился, что, наконецъ, не только никуда не выѣзжалъ—не выходилъ даже изъ комнаты"... „Его круглое лицо съ большими карыми глазами, тонкимъ, правильнымъ носомъ и румяными губами, поражало своею почти юношеской свѣжестью... Онъ никогда не смѣялся, но иногда, весьма рѣдко, хохоталъ истерически и всякій разъ потомъ чувствовалъ себя дурно". Онъ ничѣмъ не занимался и не тяготился своею праздностью, однако жилъ благополучно и дождался внуковъ.

Вырождающихся много, очень много; мы даже приблизительно не знаемъ, какой процентъ населенія они составляютъ. Одни изъ нихъ или потому, что одарены болѣе психопатической организаціей, или вслѣдствіе неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, заболѣваютъ душевными болѣзнями, другіе совершаютъ преступленія; нѣкоторые вслѣдствіе благопріятныхъ для здоровья условій мирно живутъ на чужой счетъ.

Тетя Аратова, Платоша, малообразованная, но умная старушка, основательно боялась близкаго знакомства своего болѣзненнаго племянника съ женщинами; она предчувствовала, что всякій романъ кончится дурно для Аратова. Она хорошо знала своего племянника. „Великимъ подспорьемъ всего его существованія, неизмѣннымъ товарищемъ и другомъ была ему его тетка, та Платоша, съ которой онъ едва ли

мѣнялся десятью словами въ день, но безъ которой онъ не могъ бы ступить шагу". Дѣйствительно, не только любовь, но даже вниманіе со стороны женщины для Аратова могло имѣть роковыя послѣдствія. Если на него производили впечатлѣніе соблазнительныя картинки, то разговоры, вниманіе молодой, красивой, оригинальной артистки должны были сразу измѣнить всю его жизнь. Любить нормальной любовью онъ не могъ, но чувствовать обаяніе женщины онъ могъ. Онъ долженъ былъ ненормально волноваться, смотря на молодую женщину, слушая ея пѣніе и декламацію; тѣмъ большее волненіе вызвали взгляды Миличъ, обращенные на него.

Онъ встрѣтился съ Кларой Миличъ на вечерѣ у нѣкой грузинской княгини; „забившись въ уголъ, онъ то быстро пробѣгалъ по всѣмъ лицамъ гостей, какъ-то даже не различая ихъ, то упорно глядѣлъ себѣ на ноги". Онъ скоро „улизнулъ, унося въ душѣ смутное и тяжелое впечатлѣніе, сквозь которое, однако, прибавилось нѣчто ему самому непонятное, но значительное и даже тревожное". Хотя онъ и не обратилъ вниманія на Клару Миличъ, но образъ ея настолько запечатлѣлся въ его душѣ, что когда черезъ шесть недѣль онъ увидѣлъ ее на эстрадѣ въ концертѣ, онъ вспомнилъ, что видѣлъ ее у княгини, и не только видѣлъ, но даже замѣтилъ, что она нѣсколько разъ съ особенной настойчивостью посмотрѣла на него своими темными, пристальными глазами". Вполнѣ понятно, что столь чувствительный и столь слабосильный въ половомъ отношеніи Аратовъ въ продолженіе этихъ шести недѣль смутно волновался настолько, что даже Платоша „перетревожилась".

Миличъ на концертѣ ясно выказала свою симпатію къ Аратову, „глаза ея такъ же смѣло и прямо вперились въ Аратова".

Послѣ концерта „Аратовъ не въ силахъ былъ выкинуть изъ головы своей эту „черномазую цыганку", пѣніе и чтеніе, и самая наружность которой ему не нравились. Онъ недоумѣвалъ, онъ сердился на себя".

Онъ получилъ неподписанную записку съ приглашеніемъ на свиданіе; онъ догадался, что это пишетъ Миличъ, и пошелъ на свиданіе.

На этомъ свиданіи Аратовъ велъ себя именно какъ вырождающійся, способный чувствовать, способный, хотя и неясно, желать, но неспособный любить. Нормальный человѣкъ или не пошелъ бы на свиданіе, или, явившись, объяснилъ бы Миличъ, что она ему не нравится, или воспользовался бы этимъ свиданіемъ, чтобы завязать знакомство,— однимъ словомъ, что-нибудь да сдѣлалъ бы. Аратовъ наговорилъ глупостей: „Я явился на ваше приглашеніе, милостивая государыня, для того только, чтобы разъяснить, чтобы узнать, вслѣдствіе какого страннаго недоразумѣнія вамъ было угодно обратиться ко мнѣ, человѣку вамъ чужому, который потому только и догадался, какъ вы выразились въ вашемъ письмѣ, что писали именно вы,—потому догадался, что вамъ въ теченіе того литературнаго утра захотѣлось выказать ему слишкомъ... слишкомъ явное вниманіе!“

Такъ неприлично держитъ себя съ женщиной 25-лѣтній „погруженный въ книги“ бывшій студентъ. Вернувшись домой, онъ „сердился... и на нее и на себя“. Онъ даже потомъ, обдумавъ свое поведеніе, не могъ понять возмутительно пошлой своей выходки. У Аратова были слабо, недостаточно развиты нравственныя чувствованія; поэтому онъ не могъ понять, что прійти на назначенное женщиной свиданіе только для того, чтобы наговорить ей дерзостей, можетъ или необразованный, или развращенный пошлякъ. Его конечно нельзя обвинить за то, что онъ не понялъ истинныхъ чувствованій Миличъ; онъ не зналъ людей и жизни, но онъ долженъ былъ знать, что оскорблять беззащитную женщину, и притомъ безъ всякой нужды, безъ всякой цѣли — возмутительно, безнравственно. Если бы у него были развиты нравственныя чувствованія,— онъ чувствовалъ бы, что въ его стороны было низко оскорбить Миличъ, если бы даже онъ зналъ, что она—продажная авантюристка.

Можетъ казаться невѣроятнымъ, что Миличъ, совершенно не зная Аратова, такъ серьезно имъ заинтересовалась; дѣйствительно, нормальныя, то есть обыкновенныя, женщины такъ не влюбляются. Но Миличъ и не была нормальная, здоровая дѣвушка. Въ ея наружности уже проявлялось вырожденіе: „лицо смуглое, не то еврейскаго, не то цыганскаго типа, глаза небольшіе, черные, подъ густыми, почти сросшимися бровями, низкій, неподвижный, точно каменный лобъ... лицо задумчивое, почти суровое“. Такое рѣзкое отступленіе отъ національнаго типа есть уже вырожденіе. По словамъ сестры Миличъ, „Клара была несомнѣнно непріятнымъ ребенкомъ, въ дѣвушкахъ... своевольная, вспыльчивая, самолюбивая, она не ладила особенно съ отцомъ, котораго презирала за пьянство и за бездарность“... „Музыкальныя способности въ ней сказались рано“; „сестру обожала, хотя и дралась съ ней, и кусала ее. Правда, она потомъ становилась на колѣни передъ нею и цѣловала укушенныя мѣста“; она была „мстительна и добра, великодушна и злопамятна; вѣрила въ судьбу и не вѣрила въ Бога; любила все красивое, а сама о своей красотѣ не заботилась и одѣвалась какъ попало; терпѣть не могла, чтобы за ней ухаживали молодые люди, а въ книгахъ перечитывала только тѣ страницы, гдѣ рѣчь идетъ о любви“... Она говаривала иногда: „Такого, какъ я хочу—я не встрѣчу, а другихъ мнѣ не надо!—Ну, а если встрѣтишь?—спрашивала сестра.—Встрѣчу... возьму. А если не дастся?—Ну, тогда съ собою покончу. Значитъ—не гожусь“. За двѣ недѣли до свадьбы (ей было всего шестнадцать лѣтъ) „она подошла къ своему жениху (отецъ ее присваталъ, чтобы сбыть съ рукъ), скрестивши руки и играя пальцами по локтямъ (любимая ея поза), да вдругъ какъ хлопъ его по румяной щекѣ своей большой, сильной рукой“. На вопросъ сестры: „что ты это“? Клара отвѣтила: „Коли бы настоящій былъ человѣкъ, прибилъ бы меня, а то курица мокрая! И еще спрашиваетъ, за что? Коли любишь и не отмстилъ, такъ терпи и не спрашивай: за что? Ничего ему отъ меня не будетъ во вѣки

вѣковъ!“—„У ней были предчувствія. Представьте, что она даже, заранѣе, иногда во снѣ, а иногда и такъ видѣла, что съ ней будетъ“. Съ раннихъ лѣтъ она была убѣждена, что она будетъ несчастна.

Итакъ, Клара была дочь пьяницы, съ дѣтства была склонна къ сильнымъ аффектамъ; даже ничтожныя причины вызывали столь сильные аффекты, что она не могла владѣть собою; настроеніе духа у ней преобладало грустное: она считала себя несчастной; въ ея душѣ уживались самыя противоположныя чувствованія; она была неуравновѣшенная натура.

Половая жизнь ея, какъ у почти всѣхъ вырождающихся, была ненормальна; она такъ же, какъ и Аратовъ, избѣгала мужчинъ, но раздражала свою фантазію. Въ ней не было женственности; ея поступокъ съ женихомъ даетъ право предполагать о значительномъ извращеніи ея полового чувства; она хотѣла „взять“ того, кого она полюбитъ.

Тургеневъ, какъ истинный художникъ, лишь цѣломудренно намекаетъ на аномалію половой жизни Клары. Захеръ Мозохъ сдѣлалъ бы изъ Клары героиню своего романа, нашелъ бы и героя, которому доставляло бы большое наслажденіе получать пощечины и быть „взятымъ“ женщиной.

Еще Шекспиръ подмѣтилъ, что психопаты влюбляются въ психопатокъ—Гамлетъ и Офелія, Макбетъ и лэди Макбетъ. Шарко утверждалъ, что невропаты влюбляются въ невропатокъ. Я неоднократно убѣждался, что Шарко правъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что вырождающаяся Миличъ влюбилась въ вырождающагося Аратова, дочь пьяницы влюбилась въ сына чудака. Любовь ея быстро достигла сильной страсти вслѣдствіе неуравновѣшенности ея натуры. Мужественная Миличъ могла влюбиться въ женственнаго, красиваго Аратова: „онъ напоминалъ свою мать, тѣ же тонкія, миловидныя черты“.

Въ повѣсти не объяснены достаточно причины самоубійства Клары; едва ли она умерла отъ безнадежной любви; она вообще тяготилась жизнью вслѣдствіе тяжелаго душевнаго настроенія, обусловленнаго ея невропатической организаціей.

Самоубійство Миличъ должно было поразить Аратова: Клара произвела на него впечатлѣніе; вѣдь это *единственная* молодая, красивая женщина, которую онъ зналъ, которая на него обратила вниманіе, оригинальность которой онъ все-таки, хотя и неясно, но сознавалъ. Даже нормальный человѣкъ былъ бы сильно потрясенъ такимъ событіемъ и могъ бы захворать отъ такого несчастія.

Узнавъ о самоубійствѣ Клары, „слѣдующій день Аратовъ провелъ спокойно. Онъ даже могъ предаться обычнымъ занятіямъ. Одно только: и во время занятій, и въ свободное время онъ постоянно думалъ о Кларѣ". „Къ вечеру Аратовъ затихъ до того, что сыгралъ нѣсколько разъ съ теткой въ свои козыри". Ночью онъ видѣлъ во снѣ Клару: „она остановилась передъ нимъ, скрестила руки—и строго и внимательно смотритъ на него". Когда Аратовъ проснулся, „весь похолодѣлый", ему казалось, что съ нимъ что-то свершилось съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ; что въ него „что-то внѣдрилось... что-то завладѣло имъ". Онъ рѣшилъ ѣхать въ Казань, гдѣ жили родные Клары; „не поѣдешь,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—пожалуй, съ ума сойдешь. Онъ боялся этого, боялся своихъ нервовъ".

Предчувствіе наступающаго заболѣванія бываетъ у нѣкоторыхъ больныхъ; они сознаютъ, что болѣзнь овладѣваетъ ими. Поѣздка въ Казань нѣсколько разсѣяла Аратова; когда онъ узналъ, какъ сильно онъ ошибся относительно Клары, онъ даже увѣрилъ себя, что былъ влюбленъ въ Клару, по крайней мѣрѣ увѣрилъ въ томъ „съ отчаяніемъ" сестру Клары.

Когда онъ вернулся домой, ему казалось „безсмысленнымъ и дикимъ" то, что онъ „въ тотъ порывъ внезапнаго изступленія" сказалъ, „что онъ влюбленъ въ Клару". Онъ почувствовалъ, „что онъ находится во власти" другого существа. „Власть эта сказывалась въ томъ, что ему безпрестанно представляется образъ Клары до малѣйшихъ подробностей, до такихъ подробностей, которыя онъ при жизни ея какъ будто и не замѣчалъ... Онъ вовсе не любовался

всѣмъ этимъ; онъ только не могъ объ этомъ не думать и не видѣть...“

У Аратова появился уже первый симптомъ болѣзни—*навязчивыя идеи*; лучшаго описанія навязчивыхъ идей нельзя себѣ представить. Больной ясно понимаетъ, что идеи чужды, посторонни его сознанію; онѣ не доставляютъ ему удовольствія, но онъ не можетъ вытѣснить ихъ изъ сознанія; онѣ имѣютъ власть вадъ нимъ.

Аратову эти навязчивыя идеи были очень тягостны. „Напряженное состояніе его нервовъ причинило ему утомленіе гораздо болѣе несносное, чѣмъ физическая усталость путешествія и дороги“.

Чтобы вполнѣ оцѣнить, какъ правдиво и живо Тургеневъ описалъ навязчивыя идеи, я приведу описаніе этого патологическаго состоянія въ учебникѣ психіатріи Крэпелина. Этотъ учебникъ считается выдающимся настолько, что былъ переведенъ на русскій языкъ общими усиліями семи русскихъ психіатровъ.

„Мы имѣемъ дѣло при этомъ съ представленіями, неодолимо навязывающимися нашему сознанію противъ нашей воли и даже несмотря на сильное къ нимъ отвращеніе Нѣкоторое понятіе объ этомъ явленіи намъ можетъ дать, помимо уже выше приведеннаго, пожалуй, и то наблюденіе, что мы иногда при извѣстномъ настроеніи не въ состояніи воспрепятствовать появленію въ сознаніи исторій о всякаго рода ужасахъ и привидѣніяхъ, несмотря на полную сохранность нашей способности къ критикѣ. Часто онѣ выступаютъ въ сознаніе тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ сильнѣе мы пытаемся оттѣснить ихъ на задній планъ. Совершенно то же самое наблюдаемъ мы при болѣзненныхъ навязчивыхъ идеяхъ. Процессъ мышленія всегда сопряженъ здѣсь съ рѣзко выраженнымъ чувствомъ неудовольствія, вслѣдствіе ли самаго содержанія идеи, или же только вслѣдствіе ихъ мучительной навязчивости. Именно это недовольство, боязнь ихъ возврата составляетъ, быть можетъ, самыя главныя условія силы навязчивыхъ идей. Подобно тому,

какъ мы бываемъ принуждены неотступно думать о какомъ-либо грозящемъ намъ случаѣ, хотя и желали бы охотно отвлечься, такъ точно самый страхъ передъ навязчивой идеей заставляетъ постоянно ожидать ея появленія и такимъ образомъ всего дѣйствительнѣе способствуетъ ея возврату. На основаніи изложеннаго, навязчивыя идеи наблюдаются почти исключительно на почвѣ явно угнетеннаго душевнаго состоянія“ *).

Перечитывая Клару Миличъ, легко убѣдиться, что Тургеневымъ описаны навязчивыя идеи гораздо яснѣе, чѣмъ Крэпелиномъ; къ тому, что сказано Тургеневымъ, прибавить ничего нельзя. Это неподражаемое описаніе даетъ о навязчивыхъ идеяхъ представленіе болѣе отчетливое, чѣмъ сказанное Крэпелиномъ, и нужно удивляться, какъ Тургеневъ могъ такъ полно и ясно описать патологическое состояніе.

Обыкновенно душевно-больные, по крайней мѣрѣ, въ началѣ болѣзни чувствуютъ себя хуже, страдаютъ безсонницей; такъ и Аратовъ, измученный навязчивыми идеями, долго не могъ ночью заснуть.

Опять-таки, какъ это часто бываетъ, первая галлюцинація была у Аратова ночью, то есть при полной тишинѣ. Галлюцинаціи такъ вѣрно и такъ художественно описаны Тургеневымъ, что чтеніе этихъ страницъ доставляетъ особое наслажденіе психіатру. Мнѣ много разъ приходилось и слышать разсказы больныхъ объ ихъ галлюцинаціяхъ, и читать описаніе галлюцинацій въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, и потому я могу оцѣнить прелесть вполнѣ реальнаго описанія обмановъ чувства въ этой повѣсти.

„Аратовъ продолжалъ лежать безъ сна, съ закрытыми глазами,—и вотъ ему почудилось: кто-то шепчетъ ему на ухо“. Дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ въ началѣ галлюцинація бываетъ неясная, неопредѣленная; галлюцинація состоитъ изъ самыхъ простыхъ и притомъ неясно вос-

*) Крэпелинъ: Психіатрія. Часть первая, стр. 133.

принимаемыхъ ощущеній; Аратову казалось, что *кто-то что-то* ему шепчетъ на ухо.

Затѣмъ обыкновенно элементы, составляющіе галлюцинацію, становятся яснѣе и сложнѣе: „шепотъ перешелъ въ связную рѣчь. Кто-то говорилъ по-русски, торопливо, жалобно, невнятно. Ни одного отдѣльнаго слова нельзя было уловить... Но это былъ голосъ Клары". Галлюцинація еще все-таки не достигла полноты и ясности живого воспріятія; Аратовъ ясно сознаетъ, что все это ему кажется, онъ не можетъ разобрать словъ.

Обманъ чувствъ становится все живѣе и полнѣе. „Чьи-то пальцы пробѣжали легкими арпеджіями по клавишамъ піанино.. Потомъ голосъ опять заговорилъ. Послышались болѣе протяжные звуки... какъ бы стоны... все одни и тѣ же. А тамъ начали выдѣляться слова... Розы... розы... розы. Розы, повторилъ шопотомъ Аратовъ. Ахъ, да это тѣ же розы, которыя я видѣлъ на головѣ той женщины, во снѣ". Хотя галлюцинація достигла значительной ясности, Аратовъ вполнѣ вѣрно оцѣнилъ ее. „Галлюцинація слуха," подумалъ онъ.

Нужно отмѣтить весьма тонкую наблюдательность Тургенева: Аратовъ въ тяжкомъ сновидѣніи передъ отъѣздомъ въ Казань видѣлъ женщину съ розами на головѣ; первыя слова, которыя онъ услышалъ, галлюцинируя, были „розы".

Такъ какъ и въ слѣдующую, послѣ описываемой, ночь Аратовъ видѣлъ также сонъ, имѣвшій отношеніе къ занимавшимъ его мыслямъ, то нельзя думать, что Тургеневъ только случайно, не придавая значенія, описалъ сны Аратова. Тургеневъ настолько понималъ значеніе этихъ сновъ, что нашелъ нужнымъ ихъ описать. Въ сновидѣніяхъ въ началѣ болѣзни у нѣкоторыхъ больныхъ появляются впервые элементы будущихъ идей бреда, навязчивыхъ идей и галлюцинацій, и вотъ Аратовъ, заболѣвъ галлюцинаціями, слышитъ „розы"; розы онъ видѣлъ во снѣ на головѣ женщины еще до отъѣзда въ Казань.

Намъ понятно такое совпаденіе; чуждые сознанію пред-

ставленія и образы впервые появляются въ спящемъ, слѣдовательно, не апперципирующемъ мозгу; только потомъ, когда развивающаяся болѣзнь ослабила организмъ, эти образы и представленія возникаютъ и въ бодрственномъ состояніи, какъ навязчивыя идеи, обманы чувствъ, идеи бреда. Фактъ этотъ уже извѣстенъ въ наукѣ и описанъ *).

Хотя Аратовъ даже радовался галлюцинаціи: „это было бы доказательствомъ, что есть другой міръ, что душа безсмертна“, но неопредѣленность, незаконченность первой галлюцинаціи вызвала у него чувство досады.— „Вѣдь это, наконецъ, глупо“, пробормоталъ онъ и рѣшился заснуть. „Но въ немъ возникло новое ощущеніе. Ему показалось, что кто-то стоитъ посреди комнаты, недалеко отъ него, и чуть замѣтно дышетъ... „онъ сталъ отыскивать спичку на ночномъ столикѣ... и вдругъ ему почудилось, что какой-то мягкій, безшумный вихрь пронесся черезъ всю комнату, черезъ него, и слово: „Я“,—явственно раздалось въ его ушахъ,—„Я... Я“. Когда онъ зажегъ свѣчку, галлюцинація исчезла, и онъ „остался неподвиженъ, опершись головою на руку. Онъ ждалъ“.

Вторая галлюцинація не отличалась отъ первой по формѣ, но по содержанію она была опредѣленнѣе; „розы“ не имѣли особаго значенія для Аратова, но „Я“ значило много,—доказывало присутствіе Клары, слѣдовательно, болѣзнь прогрессировала.

Къ слуховой галлюцинаціи присоединилась великолѣпно описанная зрительная иллюзія. „Раза два глаза слипались... Понемногу они устремились на дверь и остановились на ней. Свѣча нагорѣла и въ комнатѣ стало опять темно... но дверь бѣлѣла длиннымъ пятномъ среди полумрака. И вотъ это пятно шевельнулось, уменьшалось, исчезло... и на его мѣстѣ, на порогѣ двери, показалась женская фигура. Аратовъ всматривается... Клара. И на этотъ разъ она прямо смотритъ на него, подвигается къ нему... На головѣ

*) Tissiè: « Lesrêves», 1892.

у ней вѣнокъ изъ красныхъ розъ. Онъ весь всколыхнулся, приподнялся. Передъ нимъ стоитъ его тетка, въ ночномъ чепцѣ съ большимъ краснымъ бантомъ и въ бѣлой кофтѣ".

Чтобы вполнѣ оцѣнить все достоинство этого описанія иллюзій, я приведу описаніе этого обмана чувствъ Крафтъ-Эбинга.

„Къ важнѣйшимъ элементарнымъ аномаліямъ въ помѣшательствѣ принадлежатъ *обманы чувствъ*, чувственный бредъ, т.-е. обманы или ошибки, происходящія въ сферѣ внѣшнихъ чувствъ и по поводу чувственныхъ впечатлѣній (Гагенъ). Со времени Эскироля который первый занялся болѣе точнымъ изученіемъ этихъ явленій, мы привыкли различать здѣсь двоякаго рода процессы: 1) процессъ галлюцинаціи, 2) процессъ иллюзіи. Различіе обоихъ основывается на томъ, что при галлюцинаціи, „мнимоощущеніи", источникомъ субъективнаго чувственнаго воспріятія не служитъ никакое чувственное раздраженіе или никакой процессъ возбужденія въ периферическомъ чувственномъ аппаратѣ, между тѣмъ при иллюзіи, „ложноощущеніи", процессъ чувственнаго возбужденія, происшедшій обычнымъ образомъ, претерпѣваетъ, на своемъ пути къ органу воспріятія такое измѣненіе, что является сознанію въ несоотвѣтственномъ дѣйствительности, искаженномъ или ложномъ видѣ" *).

Тетка пришла въ спальню Аратова, потому что услышала его крикъ: „Спасите, помогите!" Самъ Аратовъ не помнилъ того, что онъ кричалъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что онъ испугался видѣнія, что вначалѣ это была неясная зрительная галлюцинація, затѣмъ галлюцинація слилась съ дѣйствительнымъ воспріятіемъ тетки и, дополненная этимъ воспріятіемъ, превратилась въ ясную, опредѣленную зрительную иллюзію. И такое объясненіе мнѣ кажется наиболѣе правдоподобнымъ, но я не отрицаю возможности и другого объясненія этой сцены: можетъ быть, очнувшись послѣ испу-

*) Крафтъ-Эбингъ: «Учебникъ психіатріи», 1897 г., стр. 136.

га, вызваннаго зрительной галлюцинаціей, онъ увидѣлъ свою тетку и не могъ ясно разобраться, какъ образъ Клары превратился въ тетку. Первое объясненіе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, потому что *красный* бантъ тетки далъ матеріалъ для ложнаго воспріятія красныхъ розъ на головѣ Клары.

Я потому и цѣню эти строки повѣсти, что Тургеневъ такъ описалъ иллюзію, что ее можно принять за галлюцинацію,—очень часто, по разсказамъ самыхъ интеллигентныхъ больныхъ, мы не можемъ разобраться, что у нихъ была—галлюцинація или иллюзія. Больные такъ бываютъ взволнованы обманами чувствъ, что неясно припоминаютъ пережитое; часто дѣйствительныя воспріятія сочетаны съ галлюцинаціями, послѣднія такъ сочетаны съ первыми, что нельзя рѣшить—иллюзіи или галлюцинаціи были у больного. Весьма естественно, что Аратовъ такъ испугался обмановъ чувствъ, что потерялъ сознаніе, кричалъ о помощи; понятно, что въ такомъ состояніи онъ не могъ помнить, что съ нимъ было, не могъ возстановить въ своей памяти послѣдовательности, съ какой смѣнялись явленія.

„Аратовъ еще разъ пристально вглядѣлся въ тетку—и громко разсмѣялся... Фигура доброй старушки въ чепцѣ и кофтѣ, съ испуганнымъ вытянутымъ лицомъ, была дѣйствительно очень забавна. Все то таинственное, что его окружало, что давило его—всѣ эти чары разлетѣлись разомъ".

Послѣ этого Аратовъ хорошо выспался и днемъ пошелъ къ Купферу, знавшему Миличъ, съ цѣлью разспросить его о Кларѣ; прійдя домой, „онъ опять скоро успокоился — до нѣкоторой степени". Вечеромъ онъ пробовалъ заняться, но не могъ. Однимъ словомъ, днемъ его состояніе было гораздо лучше, какъ это и должно быть. Чувствуя отяжелѣніе тѣла, онъ раньше обыкновеннаго легъ спать, въ полной увѣренности, что скоро заснетъ.

Тургеневъ вполнѣ вѣрно отмѣтилъ, что въ первомъ періодѣ больные чувствуютъ себя дурно; безсонница, потеря аппетита, общее недомоганіе — все это обычныя явленія въ началѣ болѣзни.

Еще до полуночи онъ имѣлъ тяжелое сновидѣніе: лошади на него скалятъ зубы, яблоки, когда онъ на нихъ смотрѣлъ, морщатся и падаютъ, Клара въ театральномъ костюмѣ подноситъ къ губамъ стклянку, въ которой смерть, „чей-то грубый голосъ кричитъ Аратову на ухо: „А! ты думалъ, что все комедіей кончится? Нѣтъ, это трагедія, трагедія!“; онъ самъ думаетъ: „быть худу“. „Весь трепеща, проснулся Аратовъ“.

Тяжелый сонъ былъ первымъ подготовительнымъ явленіемъ въ эту ночь; Аратовъ уже не могъ спокойно спать, его сны сдѣлались тревожными, тяжелыми.

Когда Аратовъ проснулся, онъ уже былъ настолько разстроенъ, что не могъ сообразить, почему въ комнатѣ не темно; лишь вставши и осмотрѣвши комнату, онъ замѣтилъ, что въ комнатѣ ночникъ, заслоненный листомъ бумаги.

Въ такомъ взволнованномъ состояніи „онъ чувствуетъ одно: Клара здѣсь, въ этой комнатѣ... онъ ощущаетъ ея присутствіе“. „Изъ губъ его исторгается крикъ: Клара, ты здѣсь? Да,—раздается явственно среди неподвижно освѣщенной комнаты. Аратовъ беззвучно повторяетъ свой вопросъ... Да, слышится снова.—Такъ я хочу тебя видѣть!—вскрикиваетъ онъ и вскакиваетъ съ постели“.

Въ эту ночь слуховыя галлюцинаціи достигли еще большей опредѣленности; онъ не только явственно слышалъ „да“, но онъ слышалъ отвѣты на свои вопросы, слѣдовательно, галлюцинаціи становятся убѣдительными.

Едва ли нужно объяснять, почему галлюцинація въ формѣ ясно слышныхъ категорическихъ отвѣтовъ убѣдительнѣе, чѣмъ случайно, безъ связи съ нашими мыслями, услышанныя слова.

„Онъ поспѣшно одѣлся. Оставаться въ постели, спать—было немыслимо“. Изъ этого видно, что сновидѣнія, навязчивыя идеи, обманы чувствъ уже вполнѣ подготовили Аратова: онъ ожидалъ появленія Клары, былъ увѣренъ, что, наконецъ, ее увидитъ. „И вотъ онъ заговорилъ не громкимъ голосомъ, но съ торжественной медленностью, какъ произ-

носятся заклинанія: Клара... если ты точно здѣсь, если ты меня видишь, если ты меня слышишь — явись... если ты не хочешь, чтобы я сошелъ съ ума—явись, Клара".

Также какъ и слуховыя галлюцинаціи, зрительныя вначалѣ неопредѣленны, туманны; весьма рѣдко больной въ первый разъ сразу видитъ вполнѣ ясный отчетливый образъ; видѣніе блѣдно; нѣтъ красокъ, тѣлесности. Поэтому описаніе зрительной галлюцинаціи Аратова заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія; такое мастерское описаніе галлюцинаціи даетъ совершенно вѣрное понятіе объ этомъ патологическомъ явленіи.

„Аратовъ не успѣлъ еще произнести это послѣднее слово, какъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то быстро подошелъ къ нему сзади, какъ тогда на бульварѣ—и положилъ ему руку на плечо. Онъ обернулся и никого не увидѣлъ. Но то ощущеніе ея присутствія стало такимъ явственнымъ, такимъ несомнѣннымъ, что онъ торопливо оглянулся".

Итакъ, сначала была слуховая галлюцинація, потомъ неясная осязательная: „кто-то положилъ ему руку на плечо"; это еще болѣе подготовило его къ послѣдующей зрительной галлюцинаціи.

„Что это?! На его креслѣ, въ двухъ шагахъ отъ него, сидитъ женщина, вся въ черномъ. Голова отклонена въ сторону, какъ въ стереоскопѣ. Это она. Это Клара! Но какое строгое, какое унылое лицо".

Нужно прибавить, что Аратовъ послѣ неудачныхъ попытокъ увеличить фотографію Клары, вставилъ эту фотографію, полученную отъ сестры Клары, въ стереоскопъ. Весьма естественно, что первая зрительная галлюцинація именно походила на тотъ образъ, который запечатлѣлся въ его памяти при разсматриваніи карточки въ стереоскопъ. Галлюцинація отличалась туманностью, безжизненностью, отсутствіемъ движенія, красокъ, и даже Аратовъ, при всемъ его волненіи, понималъ, что это не Клара. „Клара,—заговорилъ онъ слабымъ, но ровнымъ голосомъ:—отчего ты не смотришь на меня?...Я знаю, что это ты... но вѣдь я могу

подумать, что мое воображеніе создало образъ, подобный *тому* (онъ указалъ рукой въ направленіи стереоскопа)".

Но вотъ „образъ подобный *тому*" оживаетъ; пораженный болѣзнью мозгъ Аратова понемногу создаетъ изъ него живую Клару.

„Обернись ко мнѣ ,посмотри на меня, Клара!—Рука Клары медленно приподнялась... и упала снова..."

Но, конечно, этого еще очень мало; все-таки это „образъ подобный *тому*", хотя рука и поднимается. Аратовъ въ сильномъ волненіи проситъ: „Клара, Клара! обернись ко мнѣ!—И голова Клары тихо повернулась, опущенныя вѣки раскрылись, темные зрачки ея глазъ вперились въ Аратова". Онъ подался немного назадъ—„и произнесъ одно протяжное, трепетное: А". Только тогда „образъ подобный *тому*" оживился, и Аратовъ увидѣлъ настоящую Клару, то-есть видѣніе по живости и ясности не уступало дѣйствительному реальному воспріятію.

Слѣдующія строки, по моему мнѣнію, однѣ изъ лучшихъ во всей литературѣ.

„Клара пристально смотрѣла на него... но ея глаза, ея черты сохраняли прежнее задумчиво-строгое, почти недовольное выраженіе. Съ этимъ именно выраженіемъ на лицѣ явилась она на эстраду въ день литературнаго утра—прежде-чѣмъ увидала Аратова. И такъ же, какъ въ тотъ разъ, она вдругъ покраснѣла, лицо оживилось, вспыхнулъ взоръ, и радостная, торжествующая улыбка раскрыла ея губы. Я прощенъ! воскликнулъ Аратовъ. Ты побѣдила... Возьми же меня! Вѣдь я твой и ты моя... Онъ ринулся къ ней, онъ хотѣлъ поцѣловать эти улыбающіяся, эти торжествующія губы—и онъ поцѣловалъ ихъ, онъ почувствовалъ ихъ горячее прикосновеніе, онъ почувствовалъ даже влажный холодокъ ея зубовъ, и восторженный крикъ огласилъ полутемную комнату. Вбѣжавшая Платонида Ивановна нашла его въ обморокѣ. Онъ стоялъ на колѣняхъ; голова его лежала на креслѣ; протянутыя впередъ руки безсильно свисли; блѣдное лицо дышало упоеніемъ безмѣрнаго счастія".

Итакъ, Аратовъ увидѣлъ, наконецъ, не только образъ Клары, но самую Клару; однако видѣніе было лишь ожившимъ представленіемъ, уже имѣвшимся въ его памяти; онъ видѣлъ теперь Клару именно такой, какой видѣлъ ее на эстрадѣ. Это было ожившее, получившее чувственный, тѣлесный характеръ, уже имѣвшееся у него представленіе Клары; ничего новаго, не имѣвшагося уже въ сознаніи, его больная фантазія создать не могла. Явившееся, наконецъ, живое видѣніе было лишь воспроизведеніемъ, повтореніемъ видѣннаго.

Видѣніе вызвало любовный, или правильнѣе сказать,—сладострастный, аффектъ, и подъ вліяніемъ этого аффекта, у Аратова, уже истощеннаго продолжительнымъ, сильнымъ волненіемъ, сознаніе сначала потемнѣло настолько, что онъ цѣловалъ кресло, а затѣмъ померкло совершенно.

Какъ правдиво Тургеневъ изобразилъ всю эту сцену, можно судить по тому, что онъ не позабылъ объяснить, какъ Аратовъ могъ ощущать „холодокъ ея зубовъ“. Вполнѣ понятно, что у Аратова отъ сильнаго волненія температура была повышена, и потому онъ могъ почувствовать „горячее прикосновеніе“ губъ Клары, но „холодокъ ея зубовъ“ былъ бы непонятенъ, если бы Тургеневъ не сказалъ, что голова его лежала на креслѣ; холодное дерево, или холодная кожаная или сафьяновая обивка кресла могли вызвать ощущеніе „холода“. Это была иллюзія, присоединившаяся къ галлюцинаціи.

Тетка и прислуга скоро вывели Аратова изъ обморочнаго состоянія; онъ очнулся уже душевно больнымъ, „на разспросы тетки онъ только улыбался—да съ такимъ блаженнымъ видомъ“; тетка догадалась, что онъ боленъ, и „еще пуще перетревожилась и то его крестила, то себя“. Аратовъ такъ былъ утомленъ пережитымъ душевнымъ волненіемъ, что „такую почувствовалъ въ ногахъ, да и во всемъ тѣлѣ слабость, что безъ помощи тетки да служанки не былъ въ состояніи раздѣться“ и скоро заснулъ.

На другой день состояніе Аратова не улучшилось; онъ

былъ настолько слабъ, что оставался въ постелѣ, блѣденъ, не имѣлъ аппетита. „Аратовъ имѣлъ видъ человѣка, который узналъ великую, для него очень пріятную тайну и ревниво держитъ и хранитъ ее про себя“. Именно такой видъ имѣютъ больные, скрывающіе свои идеи бреда; по одному такому виду опытный психіатръ узнаетъ, что у больнаго есть идеи бреда.

У Аратова подъ вліяніемъ обмановъ чувствъ появилась *идея бреда*: „изумляться, недоумѣвать онъ пересталъ; онъ не сомнѣвался въ томъ, что уже вступилъ въ сообщеніе съ Кларой, что они любятъ другъ друга... и въ этомъ онъ не сомнѣвался. Только что можетъ выйти изъ такой любви? Вспоминалъ онъ тотъ поцѣлуй, и чудный холодъ быстро и сладко пробѣгалъ по всѣмъ его членамъ. Такимъ поцѣлуемъ, думалось ему, и Ромео и Джульета не мѣнялись! Но въ другой день я лучше выдержу... Я буду обладать ею. Она придетъ въ вѣнкѣ изъ маленькихъ розъ на черныхъ кудряхъ“... „Вѣдь мы оба не тронутые! О, этотъ поцѣлуй“.

Аратовъ этотъ день всецѣло жилъ своими идеями бреда, онъ не боялся смерти, такъ какъ *тамъ* онъ можетъ быть счастливъ съ ней. Какъ почти всѣ душевно-больные, имѣющіе обманы чувства и идеи бреда, онъ считалъ себя вполнѣ здоровымъ, онъ увѣрялъ тетю: „я теперь самый здоровый и счастливый человѣкъ въ цѣломъ свѣтѣ“.

Умная старушка ясно видѣла, что Аратовъ боленъ, и отправилась за докторомъ, „въ котораго она вѣрила только потому, что человѣкъ онъ не пьющій и женился на нѣмкѣ“. Очень, очень многимъ все нѣмецкое внушаетъ великое уваженіе, и потому даже жена-нѣмка уже является хорошимъ ручательствомъ дѣловитости; но Платоша напрасно довѣряла этому врачу,—онъ не понялъ состоянія Аратова, не опредѣлилъ того осложненія душевной болѣзни, которое уже черезъ нѣсколько дней свело его въ могилу. Въ слѣдующую ночь „страшный, пронзительный крикъ разбудилъ“ старушку. Она нашла Аратова на полу безъ чувствъ. Но онъ не пришелъ въ себя по-вчерашнему, какъ ни бились надъ нимъ.

„Когда его подняли и уложили, въ его стиснутой правой рукѣ оказалась небольшая прядь черныхъ женскихъ волосъ". Эти волосы Клары могли быть въ дневникѣ, полученномъ Аратовымъ отъ сестры Клары; но когда Аратовъ взялъ ихъ—въ прошлую ночь или еще раньше, или въ эту—неизвѣстно.

Отъ какого осложненія начавшейся душевной болѣзни скончался Аратовъ, не выяснено, да это и не имѣетъ значенія; „въ предсмертномъ бредѣ онъ называлъ себя Ромео послѣ отравы, говорилъ о заключенномъ, о совершенномъ бракѣ,—о томъ, что онъ знаетъ, что такое наслажденіе". „На лицѣ умирающаго засіяла та блаженная улыбка, отъ которой такъ жутко становилось бѣдной старухѣ".

Аратовъ умеръ безъ страданія, даже „съ блаженной улыбкой"; меня долго удивляло, какъ спокойно, безъ страданія, безъ страха смерти, безъ сожалѣнія, умираютъ многіе душевно-больные; конечно, душевная болѣзнь величайшее несчастіе, но, можетъ быть, смерть безъ страданія является нѣкоторымъ вознагражденіемъ этимъ несчастнымъ за перенесенныя страданія. Кто видѣлъ много умирающихъ душевно-больныхъ, тому приходила въ голову мысль, что душевная болѣзнь не такъ ужъ страшна: смерть зато легка.

III.

„Разсказъ отца Алексѣя"—это вполнѣ точная и прекрасно разсказанная исторія болѣзни одного больного, страдавшаго первичнымъ сумашествіемъ. Автору разсказываетъ старикъ-священникъ о болѣзни своего сына; къ сожалѣнію, намъ, психіатрамъ, никогда родные больныхъ не сообщаютъ такъ точно о теченіи болѣзни ихъ родственниковъ, какъ разсказалъ Тургеневу простой деревенскій священникъ. Всегда родные вмѣсто сообщенія о дѣйствительно бывшихъ проявленіяхъ болѣзни, разсказываютъ свои предположенія, свои мнѣнія по поводу болѣзни, передаютъ не то, что дѣйствительно было, а то, что, по ихъ мнѣнію, должно было быть. Наши самые настоятельные разспросы даже интелли-

гентныхъ родственниковъ даютъ очень мало матеріала для сужденія о причинахъ болѣзни, ея первыхъ проявленіяхъ и т. п. Напримѣръ, родственники весьма убѣжденно разсказываютъ, что больной заболѣлъ оттого, что онъ дѣлалъ неудачныя торговыя операціи, между тѣмъ какъ этотъ больной дѣлалъ неудачныя торговыя операціи потому, что былъ боленъ.

Какъ всѣ любятъ собственными, ни на чемъ не основанными сужденіями замѣнять наблюденіе дѣйствительности, можно судить потому, что даже Мопассанъ—очень хорошій наблюдатель — писалъ: „Всѣ, кто погибъ отъ размягченія мозга, развѣ не оттого они погибли, что усиленно старались повалить матеріальныя стѣнки, въ которыя втиснутъ человѣческій разумъ?“ Авторъ статьи о Мопассанѣ въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза-Ефрона, вѣроятно, потому приводитъ это сужденіе*) Мопассана, что считаетъ его вѣрнымъ, и прибавляетъ: „Ни свѣтскіе успѣхи, ни сотрудничество въ разборчивой и исключительной „Revue des deux Mondes“, открывающей двери въ Академію, ни успѣхъ на сценѣ Gymnase комедіи „Musotte“, ни полученіе академической преміи за комедію „La Paix du ménage“—ничто не могло возстановить нарушенное спокойствіе Мопассана“. Какъ Мопассанъ, такъ и почтенный авторъ статьи о немъ, высказываютъ совершенно невѣрныя сужденія; слѣдовало бы удивляться—если бы это не было такъ обычно—зачѣмъ это образованные люди говорятъ, да еще такъ увѣренно, о томъ, чего они совсѣмъ не знаютъ. Менѣе удивительно то, что они высказали совершенно невѣрныя сужденія: первый—о причинѣ прогрессивнаго паралича, второй—о вліяніи литературныхъ успѣховъ на теченіе этой болѣзни.

Эти замѣчанія я нашелъ нужнымъ сдѣлать для того, чтобы оттѣнить необычайную неблюдательность Тургенева. Если такіе образованные люди, какъ Мопассанъ и авторъ статьи о немъ, разсуждаютъ совершенно невѣрно о душев-

*) Томъ XIX, стр. 828.

ныхъ болѣзняхъ, можно себѣ представить, что разсказывалъ Тургеневу старый, деревенскій, малообразованный, хотя и умный священникъ. Если Мопассанъ писалъ, что причина прогрессивнаго паралича, т.-е. размягченія мозга,—стремленіе „повалить матеріальныя стѣнки", между тѣмъ какъ причина этой болѣзни—сифилисъ, если ученый думаетъ, что литературные успѣхи могутъ вліять на теченіе прогрессивнаго паралича (авторъ статьи о Мопассанѣ говоритъ, что послѣдній именно отъ этой болѣзни умеръ), между тѣмъ какъ эти успѣхи, какъ и вообще психическія воздѣйствія, на теченіе прогрессивнаго паралича, никакого вліянія имѣть не могутъ, то что могъ сообщить о болѣзни сына малообразованный старецъ? Написать исторію болѣзни—точный снимокъ дѣйствительности—очень нелегко и потому, сколько мнѣ извѣстно, „Разсказъ отца Алексѣя"—единственное произведеніе во всей лиературѣ; это только исторія болѣзни и ничего больше.

Я не думаю, чтобы матеріаломъ для этого произведенія былъ разсказъ отца о болѣзни сына, такъ какъ не допускаю, чтобы обыкновенный наблюдатель могъ такъ много и такъ объективно разсказать о душевно-больномъ. Всего вѣроятнѣе, что Тургеневъ самъ видѣлъ, и притомъ нѣсколько разъ, описаннаго въ этомъ разсказѣ душевно-больного, зналъ его родныхъ и всю его жизнь; менѣе вѣроятно, что Тургеневъ не наблюдалъ самъ больного, но ему посчастливилось встрѣтить *очень* наблюдательнаго отца душевно-больного. Ясно и хорошо поставленными вопросами Тургеневъ заставилъ разсказчика сообщить всѣ проявленія болѣзни и затѣмъ опустилъ всѣ ненужныя разсужденія разсказчика. Но едва ли даже и Тургеневъ могъ, не наблюдая самъ больного, не зная психіатріи, такъ отбросить все не идущее къ дѣлу и не упустить всего важнаго, какъ это сдѣлано въ этомъ разсказѣ. Не наблюдая больного, нельзя вѣрно его описать, и потому я думаю, что Тургеневъ видѣлъ—и не одинъ разъ—больного, описаннаго въ этомъ разсказѣ. Однако, намъ неизвѣстно, чтобы между родственниками или близкими Тургенева кто-

либо страдалъ душевной болѣзнью, чтобы Тургеневъ когда-либо въ своей жизни долго находился въ обществѣ душевно-больного. Поэтому нельзя утверждать, что онъ долго наблюдалъ, основательно изучалъ душевно-больного. Мы должны предполагать, что Тургеневъ только мелькомъ, случайно видѣлъ первично-сумасшедшаго, и удивляться его наблюдательности, благодаря которой онъ могъ такъ вѣрно описать эту болѣзнь.

Отецъ и мать Якова, — такъ звали больного,—были люди здоровые; одинъ его братъ былъ человѣкъ выдающійся, „вышелъ въ архіереи", но умеръ еще при жизни отца; у родителей Якова было „восемь человѣкъ дѣтей, но почти всѣ умерли въ молодыхъ лѣтахъ".

Причина болѣзни Якова, какъ и многихъ душевно-больныхъ, остается неизвѣстной. Нужно замѣтить, что причины душевныхъ болѣзней вообще еще такъ мало извѣстны, что даже такая важная причина, какъ наслѣдственность, понимается весьма различно: одни находятъ эту причину у большинства больныхъ, другіе—у очень немногихъ. Я хорошо помню то недоумѣніе, какое мнѣ приходилось переживать, пока я довѣрялъ учебникамъ: я очень рѣдко находилъ у моихъ больныхъ причины, указанныя въ учебникахъ. Я долго понапрасну ждалъ найти больныхъ, заболѣвшихъ отъ горя, отъ переутомленія и вообще „нравственныхъ причинъ". Двадцатилѣтній опытъ научилъ меня, во-первыхъ, не вѣрить учебникамъ, во-вторыхъ—тому, что намъ пока извѣстны всего три-четыре причины душевныхъ болѣзней, въ-третьихъ—тому, что причины многихъ случаевъ душевной болѣзни намъ неизвѣстны и непонятны, и, въ-четвертыхъ—тому, что эти неизвѣстныя причины рѣшительно не похожи на тѣ, которыя указаны въ учебникахъ. Въ виду спеціальнаго характера этого вопроса, я не могу на немъ останавливаться подробно, тѣмъ болѣе что я уже высказался по этому поводу *). Слѣдовательно, мы не имѣемъ права упрекать автора

*) Кататонія.—„Нейрологическій Вѣстникъ". 1897—1898 гг.

TARTU ÜLIKOOLI RAAMATUKOGU

въ упущеніи свѣдѣній о причинѣ болѣзни; не его вина, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ причины эти недоступны нашему пониманію, что мы можемъ дѣлать только предположенія о причинахъ болѣзни. Авторъ намъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для такихъ предположеній. Шестеро изъ восьми дѣтей отца Алексѣя умерли „въ младыхъ лѣтахъ“, самъ Яковъ „здоровьемъ былъ слабенекъ“. Значитъ дѣти въ этой семьѣ или родились болѣзненными, или заболѣвали въ раннемъ дѣтствѣ; Яковъ или родился больнымъ, или въ раннемъ дѣтствѣ перенесъ какую-нибудь тяжелую болѣзнь, навсегда ослабившую его организмъ, напримѣръ англійскую болѣзнь. Причиной душевной болѣзни у Якова было какое-то намъ неизвѣстное уклоненіе отъ нормы всего организма, слабость организма; его мозгъ былъ съ ранняго дѣтства, также какъ и весь онъ, „здоровьемъ слабенекъ“. Конечно, слабые, болѣзненные люди могутъ пользоваться прекрасныхъ душевнымъ здоровьемъ, потому что мозгъ можетъ развиваться правильно у слабыхъ, болѣзненныхъ лицъ, но у многихъ такихъ субъектовъ мозгъ, какъ и всѣ органы, ненормаленъ. Конечно, все это весьма неопредѣленно, очень мало объясняетъ дѣло, но ненужно забывать, что научная психіатрія возникла только въ нашемъ столѣтіи.

Уже въ отрочествѣ Яковъ не походилъ на здоровыхъ нормальныхъ подростковъ; какъ и многіе болѣзненные отроки, онъ „отличался прилежаніемъ и скромностью; бывало день пройдетъ и не услышишь его, все съ книжкой сидитъ, да читаетъ. Никогда онъ намъ съ попадьей не причинялъ непріятности самомалѣйшей; смиренникъ былъ. Только иногда задумывался не по лѣтамъ“. Уже тогда слѣдовало опасаться самаго печальнаго будущаго; очевидно, у бѣднаго мальчика мозгъ развивался неправильно — очень быстро. Если бъ я видѣлъ этого мальчика, я бы настойчиво посовѣтовалъ прекратить умственныя занятія и укрѣплять его организмъ полевыми работами, гимнастикой, усиленнымъ питаніемъ и т. п.

Раннее развитіе душевныхъ способностей у слабыхъ, бо-

лѣзненныхъ дѣтей, какъ это, впрочемъ, давно извѣстно опытнымъ педагогамъ, часто предсказываетъ печальный исходъ. Родители такихъ дѣтей, также какъ и отецъ Алексѣй, радуются ихъ блестящимъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію и заставляютъ ихъ учиться какъ можно больше, ожидая блестящаго будущаго; понятно, усиленныя занятія окончательно подрываютъ слабое здоровье этихъ несчастныхъ. Когда обнаруживается душевная болѣзнь, родители и знакомые утверждаютъ, что юноша заболѣлъ именно отъ усиленныхъ занятій, не могутъ понять, что юноша оттого и занимался такъ усиленно, что, вслѣдствіе своей болѣзненности, ненормальности, не желалъ играть и лѣниться, какъ его нормальные товарищи. Я никогда не забуду матери одного душевно-больного, съ дѣтства страдавшаго англійской болѣзнью, оставившей тяжелые слѣды; эта дама сохранила всѣ учебныя тетради своего сына и привезла мнѣ ихъ показать, какъ доказательство геніальности своего мальчика: онъ въ семь лѣтъ зналъ дроби и т. п. Тетради эти занимали нѣсколько сундуковъ и заботливо сохранялись матерью, ожидавшей блестящаго будущаго для своего сына

Эта дама старалась меня убѣдить, что сынъ ея всегда былъ вполнѣ здоровъ, „головой здоровѣе всѣхъ сверстниковъ“, и убѣжденно обвиняла гимназію и ея начальство въ болѣзни сына—не поняли ея геніальнаго, нѣжнаго душой сына, съ нимъ дурно обращались и т. п.

У десятилѣтняго Якова былъ какой-то припадокъ душевной болѣзни; насколько можно судить, по словамъ мальчика, у него были галлюцинаціи. Онъ разсказывалъ, что въ лѣсу видѣлъ зеленаго старичка, который далъ ему „вкусные орѣшки“; онъ даже принесъ „ядрышко“ орѣшка; оно „на наши обыкновенные орѣхи не похоже“. Понятно, что невозможно съ точностью опредѣлить этотъ припадокъ болѣзни: разсказъ десятилѣтняго мальчика—очень недостаточный матеріалъ. Отецъ Алексѣй вполнѣ основательно придаетъ значеніе этому происшествію: оно доказываетъ, что Яковъ съ дѣтства былъ болѣзненный ребенокъ.

Въ семинаріи Яковъ „первымъ былъ ученикомъ по всѣмъ предметамъ“ и веселилъ своими успѣхами родителей. „На побывку домой придетъ—любо на него глядѣть: такой благообразный, озорства въ немъ никакого; всѣмъ-то онъ нравится; всѣ насъ поздравляютъ. Только все тѣломъ худенекъ, и въ лицѣ настоящей краски нѣтъ“. Къ сожалѣнію, Яковъ былъ болѣзненнымъ юношей, что доказывается плохимъ питаніемъ его организма и его поведеніемъ; нормальные юноши имѣютъ пороки и увлеченія, свойственные этому возрасту.

Вырождающіеся, какъ мы видѣли, обыкновенно не заканчиваютъ своего образованія, но предрасположенные къ заболѣванію душевными болѣзнями нерѣдко учатся хорошо; многіе первично-сумасшедшіе учились очень хорошо.

На девятнадцатомъ году онъ окончилъ курсъ семинаріи и письменно просилъ у родителей позволенія поступить на медицинскій факультетъ. Отецъ Алексѣй могъ гордиться такимъ сыномъ; насколько можно судить по письму Якова, онъ былъ серьезный, съ чуткой душой юноша. „Не лежитъ сердце мое къ духовному званію, ужасаюсь я отвѣтственности, боюсь грѣха,—сомнѣнія во мнѣ возродились! Безъ вашего родительскаго разрѣшенія и благословенія ни на что не отважусь, но скажу вамъ одно: боюсь я самого себя, ибо размышлять началъ“. Отецъ Алексѣй, какъ умный человѣкъ, разрѣшилъ сыну поступить въ университетъ; ему очень хотѣлось, чтобы Яковъ былъ ему преемникомъ, но „что ужъ за пастырь, коли сомнѣніе въ себѣ допустилъ“. Когда Яковъ пріѣхалъ на каникулы домой, отецъ сталъ его разспрашивать о сомнѣніяхъ, „но и разговоровъ большихъ отъ него не услышалъ: одна мысль затесалась въ голову—и полно! Ближнимъ, говоритъ, хочу помогать“.

Итакъ, до поступленія въ университетъ Яковъ былъ психически здоровъ, хотя и отличался отъ своихъ сверстниковъ; онъ не пожелалъ итти проторенной дорогой и, не имѣя средствъ поступить въ университетъ, въ Москвѣ онъ нашелъ уроки и даже послалъ деньги отцу.

Когда Яковъ пріѣхалъ на первыя вакаціи, отецъ замѣтилъ въ немъ большую перемѣну: „скучный такой сталъ, угрюмый,—слова отъ него не добьешься. И въ лицѣ перемѣнился: почитай на десять лѣтъ постарѣлъ“... „Не робѣетъ онъ, а дичится словно волкъ и глядитъ все исподлобья“... „либо молчитъ, либо огрызается“. Бѣдный отецъ „сталъ думать“, „не запилъ ли онъ“, „либо къ картамъ пристрастья не получилъ“, „насчетъ женской слабости не приключилось ли чего?“ Мы всѣ судимъ по себѣ, и потому родственники и вообще окружающіе несчастнаго, у котораго развивается душевная болѣзнь, замѣчаемую въ немъ перемѣну стараются объяснить тѣми причинами, подъ вліяніемъ которыхъ они сами могутъ перемѣниться подобнымъ образомъ. Вино, карты, женщины—вотъ что мѣняетъ людей, вотъ отчего солидные добродѣтельные люди „сходятъ съ ума“, какъ неправильно выражаются; этимъ выраженіемъ хотятъ сказать, что человѣкъ становится какъ бы сумасшедшимъ, самъ не свой, но не душевно-больнымъ. Нечего и говорить, что Яковъ не могъ влюбиться; „въ юныя лѣта присухи дѣйствуютъ сильно“, какъ вполнѣ вѣрно говоритъ отецъ Алексѣй, но на здоровыхъ; у такого больного, какъ Яковъ, не могло быть нормальныхъ любовныхъ увлеченій и шалостей.

Отецъ Алексѣй замѣтилъ и другія проявленія начинающейся душевной болѣзни: „нѣту въ немъ прежняго довѣрія ко мнѣ,—равнодушіе какое-то проявилось: точно ему все свое опостылѣло. Заведу я бесѣду о наукахъ, объ университетѣ—и тутъ настоящаго отвѣта добиться не могу. Въ церковь онъ, однако, ходилъ, но тоже не безъ странности: вездѣ онъ суровъ, да хмуръ, а тутъ въ церкви-то все словно ухмыляется.“

Скоро странности въ поведеніи Якова объяснились, и бѣдный отецъ понялъ, какое несчастье его поразило. Передъ святками Яковъ пріѣхалъ къ отцу, и на разспросы удивленнаго несвоевременнымъ пріѣздомъ отца заявилъ, что онъ бросилъ „навсегда“ университетъ. Отецъ весьма раз-

умно его спросилъ: „Да ты, Яковъ, боленъ что ли?—Нѣтъ, говоритъ, батюшка, я не боленъ, а только вы, батюшка, меня не разспрашивайте, а то я отсюда уйду—и только вы меня и видали... Говоритъ мнѣ Яковъ: не боленъ, а у самого лицо такое, что я даже ужаснулся! Страшное, темное, не человѣческое стало словно! Щеки этта подтянуло; скулы выкатились, кости да кожа, голосъ какъ изъ бочки, а глаза... Господи Владыко, что это за глаза? Грозные, дикіе, все по сторонамъ мечутся, и поймать ихъ невозможно; брови сдвинуты, губы тоже какъ-то на сторону скрючены... Ужъ не рехнулся ли?—думаю я такъ-то. Скитается, какъ привидѣніе, по ночамъ не спитъ, а то вдругъ возьметъ да уставится въ уголъ и словно весь окоченѣетъ“.

Теперь опытный психіатръ могъ бы понять состояніе Якова. Уже лѣтомъ онъ измѣнился физически, сталъ скрытенъ, неразговорчивъ, странно велъ себя въ церкви, зимой оставилъ университетъ, очень исхудалъ, не спалъ по ночамъ, считалъ себя здоровымъ, оставался подолгу въ одной позѣ. Очевидно, онъ былъ боленъ; его скрытность, убѣжденіе въ томъ, что онъ здоровъ, его позы—указывали, что у него, какъ у Аратова, обманы чувствъ и идеи бреда. Душевныя болѣзни вообще выраженіе не совсѣмъ правильное, такъ какъ всякая душевная болѣзнь есть болѣзнь всего организма; душевная болѣзнь всегда сопровождается измѣненіями во всемъ организмѣ, или, говоря правильнѣе, состоитъ въ заболѣваніи души и тѣла вмѣстѣ. У Якова, также какъ и у Аратова, въ началѣ болѣзни появились физическіе симптомы; у обоихъ была безсонница, у обоихъ рѣзко измѣнилось выраженіе лица; у Аратова было „блаженно-восторженное“ выраженіе лица, у Якова—„страшное, темное“. Часто родные и знакомые не замѣчаютъ этихъ измѣненій въ организмѣ душевно-больныхъ, или же объясняютъ ихъ неправильно; больной,—разсказываютъ родные,—осунулся отъ „усиленныхъ занятій“, отъ „непріятностей“ и т. п. Выраженіе лица Якова свидѣтельствовало, что у него крайне непріятные, угрожающіе обманы чувствъ или идеи бреда;

онъ ихъ скрывалъ. Весьма мѣтко описываетъ отецъ Алексѣй внѣшній видъ галлюцинанта („уставится въ уголъ и словно весь окоченѣетъ“); именно такой видъ имѣютъ эти больные, когда галлюцинируютъ. Когда мы, психіатры, находимъ больного въ такой позѣ, мы предполагаемъ, что онъ галлюцинируетъ, и рѣдко ошибаемся; по выраженію лица можно судить, пріятны или мучительны больному обманы чувствъ.

Такъ же какъ и Аратовъ, Яковъ скрывалъ свои галлюцинаціи; вообще многіе больные, по различнымъ соображеніямъ, скрываютъ свои идеи бреда и галлюцинаціи. Однако при настойчивости и умѣньи, у многихъ больныхъ можно узнать про ихъ обманы чувствъ; иногда наши попытки узнать идеи бреда долго остаются безъ успѣха, но, наконецъ, вдругъ больной высказываетъ свой бредъ. Такъ и отецъ Алексѣй узналъ отъ Якова объ его бредѣ. „Вотъ однажды, улуча время, сталъ я слезно молить Якова, памятью покойницы его матери заклинать его сталъ: скажи, молъ, мнѣ, какъ отцу по плоти и по духу, Яша, что съ тобой?—Ну, батюшка,—говоритъ онъ мнѣ вдругъ (а дѣло было къ ночи),—разжалобилъ ты меня; скажу тебѣ всю правду“. Мягкій, нѣжный Яковъ не могъ устоять противъ просьбъ отца; характеръ человѣка проявляется и въ его болѣзни, въ его поведеніи во время болѣзни. Бѣдному Якову было очень тяжело говорить о своихъ галлюцинаціяхъ, и потому только его природная доброта побудила его не отказать отцу въ его просьбѣ.

„Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ,—началъ онъ... Но вдругъ у него рѣчь оборвалась, и тяжело дышать онъ сталъ...—Четвертый мѣсяцъ какъ я вижу *его*.—Кого его?—Да того, что къ ночи называть неудобно“.

Итакъ, уже четыре мѣсяца Яковъ скрывалъ свои галлюцинаціи; боленъ онъ былъ, значитъ, болѣе полугода, потому что обманы чувствъ появляются уже въ подготовленномъ къ тому болѣзнью мозгу. Разсказчикъ не упустилъ отмѣтить тотъ ужасъ, который вызывался галлюцинаціями; ви-

дѣть черта очень тягостно даже для лицъ, не вѣрующихъ въ адскія силы.

Многимъ можетъ показаться маловѣроятной такая галлюцинація, потому что теперь видятъ чертиковъ, а не чертей, только пьяницы, и я, напримѣръ, давно уже не наблюдалъ больного съ такой галлюцинаціей. Теперь, когда, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ, никто чертей не боится, дѣйствительно душевно-больные не видятъ чертей; ихъ замѣнило электричество, телефоны, нигилисты, жандармы. Но лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ черти играли большую роль, и потому душевно-больные видѣли чертей; галлюцинація Якова была обычнымъ явленіемъ въ то время.

Понятно, какъ такое признаніе подѣйствовало на несчастнаго отца. „Какъ, говорю, ты *его* видишь? Да. И теперь видишь? Да. Гдѣ? А самъ и обернуться не смѣю, и говорили мы оба шепотомъ. А вонъ гдѣ. И глазами мнѣ указываетъ... Вонъ въ углу. Я-таки осмѣлился: глянулъ въ уголъ—ничего тамъ нѣту! Да тамъ ничего нѣтъ, Яковъ, помилуй. *Ты* не видишь, а я вижу“.

Въ этой сценѣ все справедливо до мельчайшихъ подробностей: Яковъ видѣлъ черта въ углу, потому что уголъ наименѣе освѣщенъ; въ углу темно; отецъ пробуетъ убѣдить сына свидѣтельствомъ своихъ органовъ чувствъ; больной вполнѣ послѣдовательно довѣряетъ и правдивости отца, и собственнымъ глазамъ: „ты не видишь, а я вижу“.

Яковъ, страдая пятый мѣсяцъ галлюцинаціей зрѣнія, ясно видитъ черта, а не только его изображеніе: „онъ какъ человѣкъ — только весь черный; онъ ворочаетъ бѣлками, вонъ руку поднимаетъ, зоветъ“.

Якова очень мучила его галлюцинація: „поблѣднѣлъ онъ, какъ мертвецъ, и жмется онъ ко мнѣ со страху; а глаза словно выскочить хотятъ, и глядитъ онъ все въ уголъ“. Яковъ старался избавиться отъ ужасавшаго его видѣнія, но безплодно: „Ни въ ладонъ я твой не вѣрю, ни въ воду святую; не помогаютъ они ни въ грошъ“. Тяжело было бѣдному больному разочароваться въ томъ, во что онъ го-

рячо вѣрилъ; безсиліе этихъ могущественнѣйшихъ средствъ привело его къ слѣдующей идеѣ бреда: „Мнѣ съ нимъ теперь ужъ не разстаться. Какъ пришелъ онъ ко мнѣ нынѣшнимъ лѣтомъ, въ одинъ проклятый день, такъ съ тѣхъ поръ ужъ онъ мой гость неизмѣнный—и выжить его нельзя". Жизнь для бѣднаго больного стала въ тягость: „Мнѣ вѣдь на себя и руку наложить не долго".

Не только отецъ Алексѣй, но и болѣе чѣмъ онъ образованные люди, думаютъ, что больныхъ можно убѣдить въ ихъ заблужденіи; нужно только умѣючи взяться за дѣло, обладать краснорѣчіемъ, діалектикой. Сознавая свое безсиліе, несчастный старикъ обратился за помощью къ богатой, „разсудительной" помѣщицѣ. Эта добрая дама, очевидно, тоже вѣрила въ возможность излѣченія путемъ убѣжденія и „пожелала сына моего видѣть и побесѣдовать съ нимъ". Яковъ не хотѣлъ ѣхать къ этой дамѣ, но, какъ хорошій сынъ, уступилъ; она бесѣдовала съ больнымъ часа два-три. На чуткаго ко всему хорошему, Якова она произвела хорошее впечатлѣніе.

Отецъ рѣшился его спросить: „А навожденіе, говорю, какъ? Глянулъ Яковъ на меня, какъ кнутомъ стегнулъ, и опять ничего не промолвилъ". Однако, въ эту ночь, къ величайшей радости отца, больной хорошо спалъ. Дальнѣйшія бесѣды „разсудительной" молодой помѣщицы нѣсколько повліяли на его состояніе: „вижу: происходитъ въ сынѣ перемѣна—и лицо у него другое стало, и въ глаза глядѣть стало возможно: не отворачивается. Унылость въ немъ вся та же,—да отчаянности прежней, ужаса прежняго нѣтъ". Какъ добрая помѣщица успокоила Якова, отецъ Алексѣй не сообщаетъ; да въ этомъ нѣтъ и надобности, такъ какъ улучшеніе продолжалось всего нѣсколько дней и смѣнилось, какъ это и бываетъ при подобномъ „лѣченіи" первично-сумасшедшихъ, значительнымъ ухудшеніемъ. „Но не успѣлъ я ободриться немножко, какъ опять приступиться къ нему нельзя". Ухудшеніе состояло въ томъ, что галлюцинаціи стали болѣе живыми: „прежде онъ только такъ

торчалъ, а теперь смѣяться началъ, зубы скалитъ". Теперь видѣніе еще болѣе ужасало Якова: „лицо, какъ мѣдь красная, пѣна у рта, голосъ хриплый, словно кто его давитъ".

Отецъ Алексѣй, какъ умный человѣкъ, не даромъ уважалъ „разсудительную" помѣщицу. Это была дѣйствительно разсудительная дама; она сказала отцу Алексѣю: „Никакая тутъ людская помощь дѣйствительна быть не можетъ; молитесь, молъ, батюшка!" То же сказалъ бы бѣдному отцу и психіатръ; только молитва могла помочь несчастному отцу переносить его несчастіе.

Однако, улучшеніе обстановки можетъ значительно вліять на состояніе больныхъ. Наступила весна „красная", „свѣтлая", какую даже старые люди не запоминали; солнышко цѣлый день, безвѣтріе, теплынь; Яковъ больше, чѣмъ зимой, былъ на воздухѣ, что, конечно, должно было благотворно повліять на его здоровье. Ломброзо, а за нимъ многіе наблюдатели, у насъ д-ръ Нижегородцевъ *), подмѣтили весьма немаловажное вліяніе погоды на состояніе вырождающихся душевно-больныхъ. И вотъ подъ вліяніемъ этихъ условій въ теченіи болѣзни Якова послѣдовало нѣкоторое улучшеніе: „выходитъ онъ на крыльцо; постоялъ, посмотрѣлъ, вздохнулъ и прикорнулъ на ступенькѣ, со мною рядышкомъ. И показалось мнѣ, словно умиленіе на него нашло: морщины на лбу разгладились, глаза даже посвѣтлѣли".

Отецъ Алексѣй рѣшилъ просить сына идти на поклоненіе къ Митрофанію, въ Воронежъ. Къ сожалѣнію, ни убѣжденія, ни развлеченіе, ни внушеніе не оказываютъ стойкаго благотворнаго вліянія на душевно-больныхъ. Насколько вѣрующимъ нервно-больнымъ можно совѣтовать такія паломничества, настолько нужно запрещать ихъ душевно-больнымъ. Яковъ страдалъ тяжкой душевной болѣзнью и ничего, кромѣ вреда, отъ этого путешествія нельзя было ожидать. Утомленіе, сильное душевное волненіе, напряженное ожиданіе и затѣмъ разбитая надежда—все это должно очень дурно

*) О вліяніи метеорологическихъ условій на душевное разстройство. Труды V съѣзда Общества русскихъ врачей. 1894.

вліять на больныхъ и бѣдному Якову угрожало значительное ухудшеніе отъ этого паломничества.

Отецъ Алексѣй съ сыномъ пѣшкомъ прошли верстъ полтораста: „все время намъ погода благопріятствовала, даже удивительно... И съ каждымъ днемъ Яковъ мой все въ лучшій видъ приходитъ... Надо вамъ сказать, что на вольномъ воздухѣ Яковъ прежде *того-то* не видалъ, но чувствовалъ его за собой, за самой спиной; а не то тѣнь его сбоку какъ будто скользила, что очень моего сына мутило. А въ этотъ разъ ничего такого не происходило; и на постоялыхъ дворахъ, гдѣ намъ ночевать приходилось, также ничего не являлось".

Путешествіе пѣшкомъ вызывало физическое утомленіе, которое, такъ сказать, отвлекающимъ образомъ подавляло галлюцинаціи,—физически утомленный человѣкъ не можетъ думать такъ много и чувствовать такъ сильно, какъ въ то время, когда онъ мало двигается. Физическое утомленіе подавляетъ, ослабляетъ психическую жизнь и въ томъ числѣ обманы чувствъ и идеи бреда; въ началѣ болѣзни утомленіе можетъ облегчить возникновеніе обмановъ чувствъ, потому что подавляетъ, ослабляетъ критическую дѣятельность ума. Несомнѣнно, что физическій трудъ весьма хорошо вліяетъ на душевно-больныхъ, страдающихъ обманами чувствъ и идеями бреда; лучшаго средства мы не имѣемъ. Путешествіе пѣшкомъ такъ же повліяло на Якова, какъ въ заведеніяхъ для душевно-больныхъ вліяетъ физическій трудъ на этихъ больныхъ.

Кромѣ утомленія, на Якова хорошо вліяли новыя впечатлѣнія: вѣра, ожиданіе, что онъ освободится отъ черта; нужно замѣтить, что вообще душевно-больные любятъ путешествовать и во время дороги чувствуютъ себя лучше. Этимъ объясняется то, повидимому, странное обстоятельство, что перевозка такихъ больныхъ въ заведеніе для душевно-больныхъ или изъ одного заведенія въ другое, происходитъ вполнѣ благополучно; несчастные случаи въ дорогѣ составляютъ величайшую рѣдкость.

Отецъ Алексѣй весьма обрадовался улучшенію въ состояніи сына и переутомилъ бѣднаго Якова. „Цѣлыхъ три дня почти-что не выходилъ изъ храма. Сколько молебновъ отслужили“... Конечно, нельзя обвинять несчастнаго отца за то, что онъ не зналъ, что насколько умѣренное физическое утомленіе полезно, настолько психическое, и притомъ неумѣренное, утомленіе вредно.

Послѣ дороги состояніе больного было удовлетворительно. „Спитъ мой Яша, какъ младенецъ“. Психіатръ можетъ оцѣнить прелесть строкъ, въ которыхъ описана радость отца по поводу улучшенія сына. „Пошли мы на слѣдующій день въ соборъ; исповѣдовался мой Яковъ и такъ передъ тѣмъ молился усердно, а тамъ и къ причастію приступилъ. Я стою такъ-то въ сторонкѣ—и земли подъ собою не чувствую. На небесахъ ангеламъ не слаще бываетъ!“

Бѣдному старику предстояло пережить самое сильное горе. „Причастился мой Яковъ, а не идетъ испить теплоты... Яковъ, говорю, что же ты стоишь? Какъ онъ обернулся вдругъ! Вѣрите ли: я назадъ отскочилъ, до того испугался! Бывало страшное было у него лицо, а теперь какое-то звѣрское, ужасное стало! Блѣденъ какъ смерть, волосы дыбомъ, глаза перекосились... У меня отъ испуга даже голосъ пропалъ; хочу говорить—не могу, обмеръ я совсѣмъ. А онъ какъ бросился вонъ изъ церкви! Я за нимъ, а онъ прямо на постоялый дворъ, гдѣ ночевка наша была, котомку на плечи—да и вонъ“. Когда отецъ нагналъ Якова и разспрашивалъ о причинахъ его поступка, больной глаза въ землю уперъ и губы стиснулъ. И что я ему ни говорю, стоитъ, какъ истуканъ какой, и только и видно, что дышетъ“.

Черезъ нѣсколько дней отецъ Алексѣй „палъ передъ нимъ на колѣни и заплакалъ и горькимъ взмолился моленіемъ“. Больной „заговорилъ, да такимъ голосомъ, что онъ у меня до сихъ поръ въ ушахъ отдается. Слушай, говоритъ, батька!... Когда, ты помнишь, я причастился и частицу еще во рту держалъ,—вдругъ *онъ* (въ церкви-то это, бѣлымъ-то днемъ) всталъ передъ мною, словно изъ земли выскочилъ,

и шепчетъ: выплюнь, да разотри! Я такъ и сдѣлалъ: выплюнулъ и ногой растеръ. И стало быть я теперь навсегда пропащій, потому что всякое преступленіе отпускается, но только не преступленіе противъ Святаго Духа". И сынъ, и отецъ страдали ужасно; „и сказавъ эти ужасныя слова, сынъ мой повалился на полати, а я опустился на избяной полъ. Ноги у меня подкосились".

И такъ подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ причинъ состояніе больного ухудшилось и въ моментъ величайшаго душевнаго напряженія къ зрительной галлюцинаціи присоединилась слуховая; галлюцинаціи были такъ живы и убѣдительны, что вполнѣ подчинили себѣ больного: онъ сдѣлалъ то, что считалъ величайшимъ преступленіемъ. Больной, вполнѣ сознавая преступность, безнравственность даннаго дѣянія, можетъ его совершить подъ вліяніемъ идей бреда и обмановъ чувствъ; какъ бы ни противенъ, ужасенъ былъ для него данный поступокъ, онъ не можетъ противостоять обманамъ чувствъ и идеямъ бреда. Въ немъ происходитъ борьба мотивовъ, какъ и у здороваго человѣка; онъ потомъ сожалѣетъ о содѣянномъ, какъ здоровый. Яковъ, какъ человѣкъ вѣрующій, долженъ былъ сильно сокрушаться, прійти въ отчаяніе: онъ совершилъ величайшій грѣхъ.

Когда Яковъ съ отцомъ пришелъ домой, въ теченіе его болѣзни наступило прогрессирующее ухудшеніе: „онъ нѣсколько дней не пилъ, не ѣлъ — все взадъ и впередъ по комнатѣ бѣгалъ, да твердилъ, что грѣху его не можетъ быть отпущенія, но *его* ужъ онъ больше не видѣлъ. Погубилъ онъ, дескать, мою душу; теперь зачѣмъ же ему больше ходить". Больной умеръ или отъ какого-либо осложненія, или, что болѣе вѣроятно, отъ недостатка спеціальнаго ухода; отказъ отъ пищи, столь частый у такихъ больныхъ, могъ повести къ смерти. Отъ первичнаго сумасшествія больные не умираютъ; при хорошемъ уходѣ эти больные доживаютъ до старости.

Недостатокъ ухода былъ прежде причиной смерти гораздо большаго числа больныхъ, чѣмъ теперь, чѣмъ, конечно,

отчасти и объясняется, почему прежде было меньше душевно-больныхъ. Чѣмъ лучше организовано призрѣніе душевно-больныхъ, тѣмъ меньшее ихъ число умираетъ отъ недостатка ухода.

Въ этомъ разсказѣ Тургеневъ трогательно изобразилъ страданія отца душевно-больного сына; горе отца Алексѣя усугублялось еще оттого, что сынъ его былъ прекрасный, даровитый юноша, подававшій большія надежды. Страданія родителей, родственниковъ и друзей душевно-больныхъ заслуживаютъ изображенія ихъ великимъ художникомъ; но разсказъ этотъ мало оцѣненъ публикой, потому что кто не пережилъ такого горя и не видѣлъ страдающихъ такимъ образомъ людей, тотъ не можетъ вполнѣ понять всю прелесть, весь драматизмъ этого разсказа.

Я увѣренъ, что Тургеневъ, какъ великій художникъ, не имѣлъ въ виду въ этомъ разсказѣ указать на страданія, причиняемыя невѣжествомъ и суевѣріемъ. Разсказъ написанъ въ 1887 г.; авторъ говоритъ, что лѣтъ двадцать тому назадъ онъ слышалъ эту исторію болѣзни отъ весьма „стараго, почти дряхлаго отца Алексѣя"; слѣдовательно, это событіе было лѣтъ 50—70 тому назадъ. Если бы отецъ Алексѣй былъ весьма образованный человѣкъ, ему пришлось бы страдать еще больше: онъ бы понялъ, что его сынъ—душевно-больной, и постарался бы ознакомиться съ тѣмъ, что извѣстно въ наукѣ о душевно-больныхъ. Каково было бы отчаяніе благочестиваго, нравственнаго священника, если бы онъ ознакомился съ произведеніями современныхъ ему корифеевъ психіатріи—Гейнрота (1773—1844) и Иделера (1795—1860). Онъ бы узналъ, изучая произведенія этихъ жестокихъ ученыхъ, что всѣ страданія человѣка, а въ томъ числѣ и душевныя разстройства, происходятъ вслѣдствіе грѣховности. Душа сама себя дѣлаетъ больною. Страсти и грѣхи, т.-е. отпаденіе отъ Бога, суть причины душевныхъ болѣзней. Единственная профилактика помѣшательства—христіанская вѣра.

Къ счастью для себя, отецъ Алексѣй былъ простой, до-

брый священникъ, и потому ему оставалось еще утѣшеніе, подсказанное разумной вѣрой и теплой любовью: „Но не хочу я вѣрить, чтобы Господь сталъ судить его Своимъ строгимъ судомъ“. Въ этихъ простыхъ словахъ болѣе пониманія душевныхъ болѣзней, чѣмъ во всѣхъ произведеніяхъ Гейнрота и Иделера.

Не думаю, чтобы современнымъ образованнымъ родителямъ душевная болѣзнь хорошаго, способнаго сына причинила меньше страданій, чѣмъ отцу Алексѣю: знаніе законовъ наслѣдственности для многихъ родителей должно быть по-истинѣ ужасно,—каково отцу знать или даже подозрѣвать, что онъ причина душевной болѣзни дѣтей!

Всегда глубоко-чувствующіе родители, какъ образованные, такъ и необразованные, страдали и будутъ страдать такъ же, какъ отецъ Алексѣй. Тургеневъ говоритъ: „Я ни на какомъ человѣческомъ лицѣ не видывалъ болѣе грустнаго, вполнѣ безучастнаго, какъ говорится, убитаго выраженія“. Выслушавъ печальный разсказъ отца Алексѣя, Тургеневъ „хотѣлъ сказать отцу Алексѣю слово утѣшенія, но... никакого слова не нашелъ“.

IV.

„Пѣснь торжествующей любви“—разсказъ еще болѣе фантастическій, чѣмъ „Клара Миличъ“. Происшествіе, въ немъ описанное, можетъ казаться не только маловѣроятнымъ, но и просто невозможнымъ. Когда появился этотъ разсказъ (онъ написанъ въ іюнѣ 1881 г.), явленія внушенія и гипнотизма были извѣстны очень мало, и потому многіе находили, что этотъ разсказъ не похожъ на предыдущія произведенія Тургенева: вмѣсто изображенія дѣйствительности, авторъ описалъ невозможное событіе. Теперь, когда мы знаемъ кое-что о гипнотизмѣ и внушеніи, мы должны признать, что и въ этомъ разсказѣ Тургеневъ остался правдивымъ реалистомъ, описывающимъ жизнь такой, какова она есть. Совершенно невозможно, чтобы трезвый реалистъ подъ старость превратился въ писателя, замѣнившаго дѣйствительность образами своей фантазіи.

Въ этомъ разсказѣ описано происшествіе рѣдкое, но развѣ въ „Наканунѣ“ изображено событіе, бывающее часто? Развѣ часто столь изящныя, богатыя вдовы, какъ Одинцова, влюбляются въ грубыхъ, бѣдныхъ, умныхъ лѣкарей? Любовь Одинцовой къ Базарову еще менѣе вѣроятна, чѣмъ колдовство Муція надъ Валеріей, а между тѣмъ никто не считалъ „Отцовъ и дѣтей“ фантастическимъ романомъ.

Самъ Тургеневъ, повидимому, считалъ „Пѣснь торжествующей любви“ разсказомъ фантастическимъ; онъ начинаетъ этотъ разсказъ извѣстнымъ стихомъ Шиллера „Wage Du zu irren und zu träumen“. Авторъ только по поводу оживленія Муція малайцемъ рѣшился „ошибаться“, да и то, какъ мы увидимъ ниже, этого нельзя утверждать съ полною точностью. Также какъ и „Клара Миличъ“, „Пѣснь торжествующей любви“ отличается поэтичностью, юношескою свѣжестью; съ трудомъ вѣрится, что это полное жизни и страсти поэтическое произведеніе написано старикомъ. Я помню, какое обаяніе произвелъ этотъ разсказъ при его появленіи, какъ имъ зачитывалась молодежь, благоговѣвшая предъ авторомъ, на склонѣ жизни воспѣвшимъ несокрушимую силу любви.

Я знаю, что мое личное мнѣніе о художественной цѣнности этого разсказа не можетъ имѣть большого значенія; но, можетъ быть, будетъ не лишнимъ сказать, что „Клару Миличъ“ я читалъ и перечитывалъ съ бо̀льшимъ наслажденіемъ, чѣмъ „Пѣснь торжествующей любви“.

Когда Фабій и Муцій ухаживали за Валеріей, „присутствіе ихъ ей видимо нравилось. Съ Муціемъ она больше занималась музыкой, но разговаривала больше съ Фабіемъ: съ нимъ она меньше робѣла“. Выйдя замужъ за Фабія по совѣту матери, она узнала, что Муцій былъ въ нее страстно влюбленъ, и, чтобы забыть о несчастіи, уѣхалъ въ далекое путешествіе. Очевидно, что Муцій до извѣстной степени импонировалъ Валеріи; женщина не можетъ быть совершенно равнодушна къ человѣку, ее страстно любившему. Когда Муцій послѣ пятилѣтняго путешествія вернулся въ Ферра-

ру, онъ былъ въ глазахъ Валеріи окруженъ ореоломъ таинственности: его продолжительное путешествіе по волшебнымъ странамъ сдѣлало его человѣкомъ необыкновеннымъ. Муцій умѣло воздѣйствовалъ на воображеніе своихъ согражданъ вообще, и Валеріи въ частности; съ помощью нѣмого, но очень понятливаго малайца выложилъ онъ привезенныя рѣдкости: „звѣриныя шкуры, перья невѣдомыхъ птицъ и множество другихъ предметовъ, самое употребленіе которыхъ казалось таинственнымъ и непонятнымъ“. Послѣдующее поведеніе Муція показываетъ, что онъ былъ человѣкъ весьма умный и зналъ людей; впрочемъ, это доказывается и тѣмъ, что онъ благополучно вернулся изъ столь опаснаго въ то время путешествія. Муцій очень умѣло воздѣйствовалъ на фантазію Валеріи, и потому ему сразу удалось *внушеніе* по отношенію къ Валеріи. „Въ числѣ всѣхъ этихъ драгоцѣнностей находилось богатое жемчужное ожерелье, полученное Муціемъ за великую и тайную услугу; онъ попросилъ позволенія у Валеріи собственноручно возложить ей это ожерелье на шею: оно показалось ей тяжелымъ и одареннымъ какой-то странной теплотой... оно такъ и прильнуло къ ней“. Довѣрчивая Валерія повѣрила, что ожерелье получено за *тайную* услугу; поэтому и самое ожерелье ей казалось таинственнымъ, волшебнымъ, и вотъ путемъ внушенія со стороны Муція и самовнушенія (она увѣрила себя, что ожерелье обладаетъ какой-то тайной силой) у нея была вызвана иллюзія: ожерелье показалось тяжелымъ и теплымъ.

„Къ вечеру, послѣ обѣда, сидя на террасѣ виллы“, Муцій окончательно поразилъ фантазію Валеріи, убѣдилъ ее въ томъ, что обладаетъ таинственной силой, въ томъ, что онъ необыкновенный человѣкъ. Онъ долго и краснорѣчиво разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ, показалъ фокусъ, „не только удивившій, но и испугавшій Валерію“. „Ужъ не чернокнижникъ ли онъ? подумалось ей“. Муцій настойчиво продолжалъ подготовлять Валерію къ воспріятію внушеній; послѣ испугавшаго Валерію фокуса „онъ принялся вызывать, насвистывая на маленькой флейтѣ, изъ закрытой кор-

зины ручныхъ змѣй"; „когда, шевеля жалами, показались изъ-подъ пестрой ткани ихъ темныя плоскія головки, Валерія пришла въ ужасъ и попросила Муція спрятать поскорѣй этихъ ненавистныхъ гадовъ".

Самая наружность и манеры Муція импонировали Валеріи, внушали почтеніе: „выраженіе этого лица стало другое: сосредоточенное, важное; оно не оживлялось даже тогда, когда онъ упоминалъ объ опасностяхъ".

Всѣми этими пріемами Муцій очень импонировалъ Валеріи, завоевалъ почтеніе къ себѣ, внушилъ страхъ къ себѣ, увѣренность въ томъ, что онъ обладаетъ таинственной силой, завладѣлъ ея вниманіемъ, приковалъ ея вниманіе къ своей личности. Но все это было въ границахъ, допустимыхъ обычаями; такъ же поступалъ бы всякій, желающій понравиться, порисоваться; ничего, такъ сказать, спеціальнаго, техническаго съ цѣлью загипнотизировать Валерію Муцій пока не сдѣлалъ, но онъ мастерски внушилъ къ себѣ почтеніе, столь необходимое для успѣха внушенія и гипнотизаціи.

Уже подготовивъ весьма искусно Валерію, Муцій приступилъ къ гипнотизаціи ея lege artis, по правиламъ искусства. Такъ какъ авторъ не говоритъ, гдѣ и насколько изучилъ Муцій гипнозъ, то я не буду разбирать этого вопроса. Гипнотизмъ эмпирически былъ извѣстенъ уже давно, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Муцій изучилъ искусство гипнотизаціи гдѣ-либо на востокѣ.

Въ виду того, что ученіе о гипнотизмѣ и внушеніи разработано мало и по поводу этихъ явленій высказываются весьма различные взгляды, даже въ спеціальной литературѣ, я долженъ, хотя и вкратцѣ, высказать мои воззрѣнія по этимъ вопросамъ. Я былъ настолько счастливъ, что могъ изучить гипнотизмъ и въ Нанси, въ клиникѣ Бернгейма, и въ Сальпетріерѣ, въ клиникѣ Шарко, а также въ Льежѣ у Дельбефа.

Не только неспеціалистамъ, но даже ученымъ, писавшимъ о гипнотизмѣ, гипнотизмъ и внушеніе представляютъ-

ся сходными, весьма близкими явленіями, а на самомъ дѣлѣ между ними есть только причинная связь, и они ничего общаго не имѣютъ.

Внушеніе состоитъ въ томъ, что сознаніемъ усвоиваются и реализируются представленія, которыя были введены въ него постороннимъ вліяніемъ; можно говорить о внушеніи только тогда, когда можно съ точностью доказать, что данная мысль или данный поступокъ или вообще опредѣленное проявленіе психической дѣятельности индивидуума обусловлено введеннымъ въ его сознаніе извнѣ представленіемъ. Отдѣльныя лица обладаютъ весьма различною степенью внушаемости; нормальному человѣку въ обыкновенныхъ условіяхъ внушить можно очень немного; его слѣдуетъ убѣждать, но ему нельзя внушать. Если почему-либо одинъ человѣкъ слѣпо вѣритъ другому, то второй можетъ много внушить первому, и, напримѣръ, чародѣи и фокусники довѣрчивымъ людямъ внушали видѣть то, чего въ дѣйствительности не было.

Гипнозъ есть кратковременное патологическое состояніе, заключающееся въ измѣненіи сознанія, похожемъ на сонъ, вызываемое искусственно; въ этомъ состояніи повышена внушаемость субъекта.

Гипнозъ вызывается всѣми условіями, помрачающими сознаніе и измѣняющими дѣятельность сознанія. Сознаніе невозможно безъ перемѣны; когда перемѣна въ сознаніи прекращается, прекращается и сознаніе. Однообразныя, правильно-періодическія раздраженія, сосредоточеніе вниманія на одномъ предметѣ ведутъ къ потерѣ сознанія. Слѣдовательно, ясно, что гипнотическое состояніе можетъ быть вызвано весьма разнообразными пріемами: однообразными поглаживаніями, тиканіемъ часовъ, сосредоточеннымъ разсматриваніемъ блестящей точки, сосредоточеннымъ вниманіемъ на одномъ представленіи и т. п. Гипнозъ можетъ быть вызванъ другимъ лицомъ, но можно загипнотизировать и самого себя, разсматривая блестящую точку, думая объ одномъ представленіи и т. п.

Гипнозъ можетъ быть вызванъ внушеніемъ—внушеніе вызываетъ гипнотическое состояніе, но далеко не у всѣхъ. Гипнотическое состояніе, какъ патологическое, можетъ быть вызвано только у болѣзненныхъ людей; вполнѣ здороваго человѣка нельзя загипнотизировать *противъ его желанія*, но ловкій, опытный гипнозитеръ можетъ въ нѣсколько сеансовъ такъ подготовить даже здороваго человѣка, что онъ станетъ воспріимчивъ къ гипнозу.

Итакъ, какъ для гипноза, такъ и для внушенія необходимо довѣріе, почтеніе; чтобы „внушать“, нужно импонировать, имѣть власть. Для того, чтобы загипнотизировать, также необходимо имѣть довѣріе паціента; очевидно, что если гипнотизируемый не будетъ слушаться гипнотизера, послѣдній никогда его не загипнотизируетъ. Если гипнотизируемый будетъ рѣшать математическія задачи вмѣсто того, чтобы внимательно слушать тиканье часовъ, онъ не впадетъ въ гипнотическое состояніе; если гипнотизируемый не будетъ поддаваться внушенію гипнотизера, приказывающаго ему заснуть, онъ не впадетъ въ гипнотическое состояніе.

Хотя „внушенія безъ гипноза“ (наяву) не подлежатъ сомнѣнію, но они составляютъ столь исключительное явленіе, что только недавно, когда стали изучать гипнотизмъ, на нихъ обратили вниманіе. Загипнотизированныя лица обладаютъ большою внушаемостью; имъ можно внушать галлюцинаціи, боли, потерю чувствительности, различныя психическія состоянія, напримѣръ, страхъ, злобу и т. п. Гипнотическое состояніе можетъ быть вызвано внушеніемъ, но школа Нанси, создавшая теорію внушеннаго происхожденія гипнотическихъ явленій, ошибается, утверждая, что гипнозъ вызывается только внушеніемъ.

Итакъ, гипнозъ можетъ быть вызванъ внушеніемъ, а гипнотическое состояніе усиливаетъ внушаемость; поэтому ловкій гипнотизеръ долженъ „внушить“ къ себѣ довѣріе, затѣмъ „внушать“ гипнотическое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ гипнотизировать какимъ-либо другимъ способомъ и затѣмъ

продолжать внушенія, когда субъектъ будетъ въ гипнотическомъ состояніи.

И внушая, и гипнотизируя, и внушая загипнотизированному, можно заставить сдѣлать субъекта *почти* все.

Эти краткія замѣчанія станутъ вполнѣ ясными, когда мы проанализируемъ „Пѣснь торжествующей любви". Тургеневъ такъ вѣрно описалъ и внушеніе и гипнозъ, что эти явленія становятся вполнѣ ясными при внимательномъ чтеніи этого разсказа; онъ далъ прекрасную иллюстрацію къ ученію о гипнотизмѣ и внушеніи. Кто желаетъ гипнотизировать, долженъ поступать какъ Муцій—это опытный, ловкій гипнотизеръ.

Муцій зналъ, какъ трудно загипнотизировать здоровую женщину,—а Валерія была, повидимому, вполнѣ здорова,—зналъ, что далеко не всѣ впадаютъ въ гипнотическое состояніе; въ этомъ отношеніи онъ обнаруживаетъ болѣе вѣрное пониманіе гипнотизма, чѣмъ школа Нанси. Онъ понималъ, что неудачная попытка загипнотизировать подорветъ довѣріе къ нему, испортитъ все дѣло. Поэтому передъ тѣмъ какъ сыграть пѣснь торжествующей любви, онъ напоилъ Валерію какимъ-то наркотическимъ напиткомъ. „За ужиномъ Муцій попотчивалъ своихъ друзей ширазскимъ виномъ изъ круглой бутылки съ длиннымъ горлышкомъ; чрезвычайно пахучее и густое, золотистаго цвѣта съ зеленоватымъ отливомъ, оно загадочно блистало, налитое въ крошечныя яшмовыя чашечки. Вкусомъ оно не походило на европейскія вина: оно было очень сладко и пряно, и выпитое медленно, небольшими глотками, возбуждало во всѣхъ членахъ ощущеніе пріятной дремоты".

Сколько я знаю, неизвѣстно, когда впервые стали доводить субъектовъ, подлежащихъ гипнотизаціи, до легкой степени наркоза различными усыпляющими веществами. Теперь Шамбардъ употребляетъ для этого хлороформъ, Шренкъ-Нотцингъ—гашишъ, Піеръ Жане—алкоголь, я—амиленъ гидратъ и т. д. Безспорно, что дѣйствіе нѣкоторыхъ наркотическихъ и анестетическихъ средствъ является иногда

моментомъ, способствующимъ гипнотизаціи. Неизвѣстно, какое средство далъ Валеріи Муцій, но оно подѣйствовало прекрасно, такъ какъ вызвало состояніе, весьма похожее на первый періодъ или начало гипнотическаго сна. Вино, не походившее на наше, подготовило Валерію къ гипнотическому сну, ослабило ея волю, критическую дѣятельность ума.

Но наркотическія и анестетическія средства не во всѣхъ случаяхъ бываютъ полезны, то есть подготовляютъ къ гипнотическому сну; иногда они, напротивъ, оказываются вредными, такъ какъ у подлежащаго гипнотизаціи вызываютъ возбужденіе. Наконецъ, у нѣкоторыхъ субъектовъ такой способъ дѣйствія вызываетъ вполнѣ основательное недовѣріе къ гипнотизеру; гипнотизеръ не обладаетъ достаточнымъ умѣніемъ, вполнѣ правильно разсуждаетъ гипнотизируемый. Если такая мысль возникнетъ въ умѣ гипнотизируемаго, всѣ усилія его загипнотизировать остаются безуспѣшны, почему вообще лучше не прибѣгать къ этимъ средствамъ. Муцій, повидимому, зналъ, что всѣ наркотическія средства не надежны, что опасно поселить къ себѣ недовѣріе въ душѣ Валеріи. Поэтому „Муцій заставилъ и Фабія и Валерію откушать по чашечкѣ и выпилъ самъ. Надъ ея чашечкой онъ, наклонясь, что-то прошепталъ, потрясъ пальцами“. Безразлично, вѣрилъ ли самъ Муцій въ свои заклинанія, или продѣлалъ онъ это только для того, чтобы *внушить* Валеріи, что онъ заколдовалъ вино и слѣдовательно дѣйствіе вина будетъ зависѣть не отъ его состава, а отъ тѣхъ чаръ, которыя онъ придалъ ему колдовствомъ. Послѣдующее поведеніе Муція показываетъ, что онъ самъ вѣрилъ въ колдовство, да и странно, если бы итальянецъ XVI вѣка, побывавшій на востокѣ, не вѣрилъ въ чародѣйство.

Нужно отдать справедливость Муцію: нашептываніе надъ чашечкой Валеріи было мастерскимъ пріемомъ. Этимъ онъ внушилъ Валеріи, что ея послѣдующее состояніе обусловлено не виномъ, а таинственной силой Муція, что Муцій околдовалъ ее, что она во власти Муція; дѣйствіе колдов-

ства стало несомнѣннымъ для Валеріи. Слѣдовательно, Муцій воспользовался для гипнотизаціи могущественнѣйшимъ средствомъ—самовнушеніемъ; Валерія, испытавъ несомнѣнную власть Муція, стала внушать себѣ, что Муцій имѣетъ надъ ней власть, что она не можетъ сопротивляться его чародѣйству. Муцій не напрасно колдовалъ надъ чашечкой Валеріи; она это замѣтила.

Уже окончательно подготовивши Валерію къ гипнотизаціи, Муцій приступилъ къ внушенію гипнотическаго состоянія съ помощью музыки.

Я уже говорилъ, что гипнотизировать можно какъ внушеніемъ, такъ и всѣми пріемами, прекращающими или ослабляющими нормальную, сознательную дѣятельность.

„Муцій приказалъ малайцу принести свою индійскую скрипку. Она походила на нынѣшнія, только вмѣсто четырехъ струнъ у нея было три, верхъ ея обтягивала голубоватая змѣиная кожа, и тонкій тростниковый смычокъ имѣлъ видъ полукруглый, а на самомъ его концѣ блисталъ заостренный алмазъ. Муцій сыгралъ сперва нѣсколько заунывныхъ, по его словамъ, народныхъ пѣсенъ, странныхъ и даже дикихъ для итальянскаго уха; звукъ металлическихъ струнъ былъ жалобенъ и слабъ“.

Муцій могъ загипнотизировать Валерію заостреннымъ алмазомъ; если только уже подготовленная и внушеніями и виномъ Валерія смотрѣла на двигающійся блестящій алмазъ, она могла впасть въ гипнотическое состояніе, какъ лица, которыхъ гипнотизировалъ Льюисъ своимъ приборомъ *). Валерія могла быть загипнотизирована и музыкой; можно допустить, что Муцій зналъ, какая комбинація звуковъ хорошо гипнотизируетъ. Я уже говорилъ, что у загипнотизированныхъ внушаемость повышена; въ легкомъ гипнозѣ внушаемость можетъ быть сильна. Насколько была загипнотизиро-

*) Приборъ Льюиса – это освѣщенное солнцемъ маленькое зеркало, приводимое въ быстрое вращательное движеніе особымъ механизмомъ. Я самъ видѣлъ, какъ быстро Льюисъ гипнотизировалъ нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ этимъ приборомъ.

вана Валерія, въ разсказѣ не сказано, но послѣдующее поведеніе ея показываетъ, что она была въ гипнотическомъ состояніи, когда слушала пѣснь торжествующей любви.

Когда Валерія была загипнотизирована настолько, насколько это удается въ первый сеансъ даже очень ловкому гипнотизеру, Муцій приступилъ къ внушенію ей того состоянія влюбленности, котораго онъ желалъ. „Но когда Муцій началъ послѣднюю пѣснь, этотъ самый звукъ внезапно окрѣпъ, затрепеталъ звонко и сильно; страстная мелодія полилась изъ-подъ широко проводимаго смычка, полилась, красиво изгибаясь, какъ та змѣя, что покрывала своею кожей скрипичный верхъ; и такимъ огнемъ, такой торжествующею радостью сіяла и горѣла эта мелодія, что Фабію и Валеріи стало жутко на сердцѣ и слезы выступили на глаза, а Муцій, съ наклоненной, прижатой къ скрипкѣ головой, съ поблѣднѣвшими щеками, съ бровями, сдвинутыми въ одну черту, казался еще сосредоточеннѣе и важнѣе, и алмазъ на концѣ смычка бросалъ на ходу лучистыя искры, какъ бы тоже зажженный огнемъ той дивной пѣсни“... „Эту пѣснь я услышалъ разъ на островѣ Цейлонѣ. Эта пѣснь слыветъ тамъ между народомъ пѣснью счастливой, удовлетворенной любви“.

Очевидно, что этой страстной музыкальной пьесой Муцій внушилъ влюбленное эротическое состояніе, привелъ ее въ любовное настроеніе. Музыка можетъ дѣйствовать безъ помощи гипнотизма весьма сильно, какъ то извѣстно очень давно и какъ то недавно объяснилъ Л. Толстой въ „Крейцеровой Сонатѣ“. Но Муцій и не старался вызвать въ Валеріи сознательную любовь; вѣроятно, какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что это невозможно. Онъ рѣшилъ возбудить къ себѣ любовную страсть, дѣйствуя на ея безсознательную сферу, для чего, конечно, внушеніе съ помощью музыки, въ гипнотическомъ состояніи, было очень ловкимъ пріемомъ.

Едва ли нужно говорить о томъ, что музыкой можно сказать то же, что и словами, но притомъ гораздо удобнѣе; не могъ же Муцій Валеріи внушать словами: воспылай ко

мнѣ страстью, приходи на свиданье и т. п., но сказать почти то же музыкой онъ могъ и сказалъ. Для такого внушенія онъ выбралъ очень хорошо музыкальную пьесу; она должна была вызвать настроеніе удовлетворенной любви; объ этомъ настроеніи, или, правильнѣе сказать, состояніи души и тѣла, очень трудно говорить, не нарушая стыдливости; Мопассанъ, насколько это возможно, не впадая въ цинизмъ, описалъ его въ романѣ: „La vie“ *).

Чтобы Валерія вполнѣ поняла внушеніе, произведенное музыкой, и поняла, по отношенію къ кому она должна воспылать страстью, Муцій достаточно ясно объяснилъ ей свои чувства. „Въ теченіе цѣлаго дня Муцій обращался съ Валеріей почтительно-просто, какъ давнишній другъ; но уходя, онъ пожалъ ей руку крѣпко-накрѣпко, подавивъ пальцами на ея ладонь, и такъ настойчиво заглядывалъ ей въ лицо, что она хоть и не поднимала вѣкъ, однако почувствовала этотъ взглядъ на внезапно вспыхнувшихъ своихъ щекахъ“.

Успѣхъ внушеній и гипнотизаціи Муція за этотъ день былъ неполный; но въ первый сеансъ и нельзя добиться бо̀льшаго. «Валерія не скоро заснула; кровь ея тихо и томно волновалась, и въ головѣ слегка звенѣло отъ страннаго того вина, какъ она полагала, а можетъ быть и отъ разсказовъ Муція, отъ игры его на скрипкѣ. Къ утру она заснула, и ей привидѣлся необычайный сонъ». Извѣстный ученый Дельбефъ подмѣтилъ, что въ состояніи дремоты и въ состояніи просонокъ воспріимчивость къ внушеніямъ бываетъ повышена. Муцій загипнотизировалъ Валерію и дѣлалъ внушеніе, когда она испытывала „ощущеніе пріятной дремоты“; затѣмъ *то же* внушеніе музыкой онъ повторилъ утромъ, то-есть когда сонъ уже слабый. «Бѣдная Валерія видѣла сонъ: въ фантастической обстановкѣ входитъ Муцій, онъ кланяется, раскрываетъ объятія, смѣется. Его жесткія руки обвиваютъ станъ Валеріи; его сухія губы обожгли ее всю.

---

*) Ch. V.

Она падаетъ навзничь...» „Стеня отъ ужаса, послѣ долгихъ усилій проснулась Валерія“ и услышала «со стороны павильона (гдѣ жилъ Муцій) пронеслись сильные звуки, и оба, и Фабій и Валерія, узнали мелодію, которую сыгралъ имъ Муцій, называя ея пѣсней удовлетворенной, торжествующей любви».

Нужно думать, на основаніи описанія поведенія Муція и Валеріи въ слѣдующія ночи, что сладострастное сновидѣніе Валеріи зависѣло отъ внушенія съ помощью музыки. Она видѣла этотъ сонъ именно тогда, когда Муцій игралъ пѣснь торжествующей любви, то есть повторялъ внушеніе, сдѣланное вечеромъ. Какъ это обыкновенно и бываетъ, внушеніе въ первый разъ подѣйствовало слабо, во второй разъ уже сильнѣе—и вызвало, правда во снѣ, то состояніе, котораго желалъ Муцій. Я уже говорилъ, что часто патологическія измѣненія душевной дѣятельности впервые появляются во снѣ; такъ и у Валеріи то болѣзненное состояніе, которое вызвалъ у нея Муцій, началось „необычайнымъ сномъ“.

Извѣстно, что главное разногласіе въ ученіи о гипнозѣ состоитъ въ томъ, что одни, во главѣ съ Шарко, считаютъ гипнозъ патологическимъ состояніемъ организма, искусственно вызваннымъ неврозомъ; другіе, съ Бернгеймомъ во главѣ, считаютъ гипнозъ физіологическимъ состояніемъ, если не тожественнымъ, то весьма близкимъ къ естественному сну. Я видѣлъ опыты Шарко и Бернгейма и вполнѣ раздѣляю взгляды Шарко; для меня поэтому весьма интересно свидѣтельство такого великаго наблюдателя, какъ Тургеневъ. Валерія именно заболѣла искусственно вызваннымъ неврозомъ; первый симптомъ ея болѣзни было сладострастное, чуждое ея *я* сновидѣніе, внушенное музыкой.

„На другое утро Муцій пришелъ къ завтраку; онъ казался довольнымъ—и весело привѣтствовалъ Валерію. Съ замѣшательствомъ отвѣтила она ему—взглянула на него мелькомъ, и страшно ей стало отъ этого довольнаго, веселаго лица, отъ этихъ пронзительныхъ глазъ“ Хотя Муцій и

не имѣлъ основанія быть довольнымъ, но, какъ ловкій гипнотизеръ, онъ долженъ былъ имѣть довольный, веселый видъ, чтобы поддержать въ Валеріи вѣру въ его таинственную силу, а Валерія еще болѣе почувствовала себя во власти этого чернокнижника. Чтобы еще разъ доказать Валеріи, что онъ владѣетъ таинственными силами, Муцій разсказалъ, что онъ видѣлъ такой же сонъ, какой видѣла Валерія. Въ разсказѣ не объяснено, какъ Муцій отгадалъ сонъ Валеріи, но вѣдь и нѣтъ большого труда по выраженію лица отгадать сонъ растерявшейся, плохо владѣющей собою, женщины. Для такого опытнаго человѣка, какъ Муцій, угадываніе мыслей не могло представить особыхъ трудностей. Разсказывая свой сонъ,онъ довольно ясно высказалъ, что любилъ ранѣе Валерію, и теперь опять „загорѣлся весь прежнею любовью“.

Затѣмъ Муцій на цѣлый день уѣхалъ въ Феррару; онъ понималъ, что оставаясь долго съ Валеріей, онъ можетъ потерять свое обаяніе—вѣдь нельзя же постоянно разыгрывать роль таинственнаго кудесника.

У Валеріи ясно проявилось нервное разстройство, искусственно вызванное Муціемъ; Фабій нашелъ ее въ саду „съ опущенной на грудь головой, со скрещенными на колѣняхъ руками, она сидѣла на скамьѣ“. Еще до пріѣзда Муція, Фабій началъ портретъ своей жены, изобразивъ ее съ аттрибутами святой Цециліи; но въ этотъ день, „къ великой своей досадѣ, никакъ не могъ кончить лица такъ, какъ бы онъ того желалъ. И не потому, что оно нѣсколько блѣдно и казалось утомленнымъ... нѣтъ, но того чистаго, святого выраженія, которое ему въ немъ нравилось и которое навело его на мысль представить Валерію въ образѣ святой Цециліи, онъ сегодня не находилъ“. Наконецъ, Фабій посовѣтовалъ женѣ „прилечь, такъ такъ на видъ она кажется не совсѣмъ здоровой“. „Когда Фабій пошелъ къ женѣ въ спальню, она лежала на постели одѣтая, но не спала. Услышавъ его шаги“, она вздрогнула, потомъ опять обрадовалась ему такъ же, какъ въ саду“. Когда Фабій началъ ее разспраши-

вать о сновидѣніи, „Валерія отвернулась и скрыла въ подушки свое пылавшее лицо". „Не весело провели этотъ день оба супруга. Казалось, что-то темное нависло надъ ихъ головами... но что это было, они назвать не могли. Имъ хотѣлось быть вмѣстѣ—словно опасность имъ грозила; а что сказать другъ другу, они не знали".

Тургеневъ очень хорошо обрисовалъ смятеніе души Валеріи, отмѣтилъ, что она обрадовалась мужу—въ немъ она искала защиты и опоры; она неясно сознавала пробужденіе въ себѣ грознаго, животнаго чувства, бороться съ которымъ она не могла; она страдала отъ безсилія бороться съ „властью тьмы", сознавала власть надъ ней Муція. Фабію Муцій внушалъ чувство, „похожее на недовѣрчивость, пожалуй даже на робость".

За ужиномъ Муцій съ большимъ тактомъ „внушилъ" Валеріи, что она уже въ его власти. „Онъ опять предложилъ Валеріи ширазскаго вина и въ отвѣтъ на ея отказъ промолвилъ, словно про себя: „теперь ужъ не нужно".

Очевидно, бѣдная Валерія должна была думать, что она уже вполнѣ околдована и находится во власти Муція.

Въ эту ночь Муцію внушеніе удалось вполнѣ; теперь, то-есть въ третій разъ, пѣснью торжествующей любви онъ вызвалъ гипнотическое состояніе въ формѣ *искусственнаго сомнамбулизма*.

„Вернувшись съ женою въ спальню, Фабій скоро заснулъ и, проснувшись часъ спустя, могъ убѣдиться, что никто не раздѣлялъ его ложа: Валеріи не было съ нимъ. Онъ быстро приподнялся и въ то же мгновеніе увидалъ жену въ ночномъ платьѣ, входившую изъ сада въ комнату..." „Съ раскрытыми глазами, съ выраженіемъ тайнаго ужаса на неподвижномъ лицѣ Валерія приблизилась къ постели и, ощупавъ ее протянутыми впередъ руками, легла поспѣшно и молча... Фабій обратился къ ней съ вопросомъ, но она ничего не отвѣтила; казалось, она спала. Онъ коснулся ея и почувствовалъ на ея одеждѣ, на ея волосахъ дождевыя капли и на подошвахъ ея обнаженныхъ ногъ песчинки". Въ саду

Фабій „увидѣлъ на песку дорожки слѣды двойной пары ногъ—одна пара была босая; и вели эти слѣды къ бесѣдкѣ изъ жасминовъ, находившейся въ сторонѣ, между павильономъ и домомъ. Онъ остановился въ недоумѣніи, и вотъ внезапно словно раздаются звуки той пѣсни, которую онъ слышалъ въ прошлую ночь".

Искусственный сомнамбулизмъ или состояніе сомнамбулизма Валеріи описано достаточно ясно. Шарко слѣдующими признаками характеризуетъ это состояніе: глаза открыты или закрыты; потеря болевой чувствительности, при сохраненіи прочихъ чувствъ; возможность самопроизвольныхъ движеній; возможность всѣхъ видовъ внушенія; измѣненное сознаніе. Остается неизвѣстнымъ, сохранилась ли болевая чувствительность у Валеріи, но вѣдь это измѣненіе и не могло быть отмѣчено; всѣ остальныя указаны.

Что у Валеріи сознаніе было, хотя и измѣненное, видно изъ ея словъ, обращенныхъ къ мужу: „Ахъ, какіе страшные сны я вижу". „Фабій хотѣлъ было ее разспросить... но она только содрагалась..." Нерѣдко загипнотизированные помнятъ о пережитомъ въ гипнотическомъ состояніи, вспоминаютъ какъ о сновидѣніяхъ: имъ кажется, что это было сновидѣніе. Бѣдная Валерія вспоминала о пережитомъ ею въ состояніи искусственнаго сомнамбулизма, какъ о сновидѣніи. „Онъ не скоро ее добудился... но какъ только она увидала его, она бросилась къ нему на шею, обняла его судорожно; все тѣло ея трепетало". Очевидно, что ея сознательному *я* была возмутительна прогулка съ Муціемъ въ жасминовую бесѣдку.

Когда Фабій услышалъ звуки пѣсни, онъ „вбѣгаетъ въ павильонъ. Муцій стоитъ посреди комнаты и играетъ на скрипкѣ. Фабій бросается къ нему. Ты былъ въ саду, ты выходилъ, твое платье мокро отъ дождя. Нѣтъ, не знаю... кажется... не выходилъ, съ разстановкой отвѣчаетъ Муцій, словно удивленный приходомъ Фабія и его волненіемъ". На дальнѣйшіе разспросы Фабія Муцій не отвѣчаетъ, а „бормочетъ нараспѣвъ, какъ бы въ забытьи". Всего вѣроят-

нѣе, что Муцій самъ себя загипнотизировалъ музыкой, какъ это иногда бываетъ съ гипнотизерами; можетъ быть, онъ только притворялся загипнотизированнымъ, чтобы отдѣлаться отъ Фабія. Поведеніе Муція въ слѣдующую ночь указываетъ, что онъ дѣйствительно загипнотизировалъ себя, что болѣе вѣроятно изъ общаго смысла разсказа: авторъ рисуетъ намъ Муція влюбленнымъ; если бы онъ притворился загипнотизированнымъ, поведеніе его было бы ужъ очень низко.

Добродѣтельная Валерія, сознавая свое безсиліе, рѣшилась обратиться къ помощи своего духовника, „къ которому она питала безграничное довѣріе“. „Валерія на исповѣди все разсказала своему духовнику, не столько стыдясь, сколько ужасаясь“. Этотъ „старый степенный монахъ“ про себя подумалъ: „колдовство, чары бѣсовскія... Это такъ оставить нельзя“. Вмѣстѣ съ Валеріей, изъ монастыря онъ прибылъ въ домъ Фабія, что, конечно, встревожило Фабія и Валерію: значитъ, дѣло важное. Оставшись наединѣ съ Фабіемъ, онъ посовѣтовалъ ему отказать отъ дому Муцію, который „могъ даже спознаться съ тайнами магіи“. Валерія обрадовалась рѣшенію Фабія—просить Муція оставить ихъ домъ. Такимъ образомъ этотъ „многоопытный старецъ“ окончательно убѣдилъ супруговъ во всемогуществѣ Муція, въ невозможности противостоять его колдовству; оставалось одно средство—удалить его изъ дома.

Но Муцій вернулся поздно и остался еще одну ночь въ домѣ Фабія; слѣдовательно эту ночь Валерія оставалась во власти Муція: вѣдь самъ же духовникъ находилъ, что единственное средство освободиться отъ власти Муція — это выпроводить его изъ дома.

Страхъ Фабія передъ могуществомъ Муція былъ такъ великъ, что онъ не могъ заснуть. „Точно ли Муцій сталъ чернокнижникомъ и ужъ не отравилъ ли онъ Валерію. Она больна, но какою болѣзнью!“, думалъ Фабій. „Со стороны павильона—или это почудилось Фабію—стало вливаться дуновеніе, подобное легкой пахучей струѣ... вотъ слышится

назойливое, страстное шептаніе... и въ тотъ же мигъ онъ замѣтилъ, что Валерія начинаетъ слабо шевелиться... она приподнимается, опускаетъ сперва одну ногу, потомъ другую съ постели, и какъ лунатикъ, безжизненно устремивъ прямо передъ собою потускнѣвшіе глаза, протянувъ впередъ руки, направляется къ двери сада". Повидимому, у Фабія тоже появилось ненормальное нервное состояніе — ему стало чудиться, но онъ не потерялся; заперъ двери спальни, выбѣжалъ въ садъ и тамъ нашелъ Муція въ такомъ же состояніи, въ какомъ была Валерія. Когда Фабій увидѣлъ, что „окно спальни распахнулось сверху донизу, и, занеся ногу черезъ порогъ, стоитъ въ окнѣ Валерія... руки ея какъ будто ищутъ Муція... она вся тянется къ нему... несказанное бѣшенство залило грудь Фабія внезапно нахлынувшей волной.—Проклятый колдунъ!—возопилъ онъ неистово, и, схвативъ Муція одной рукой за горло, онъ нащупалъ другой кинжалъ въ его поясѣ и по самую рукоятку воткнулъ ему въ бокъ. Пронзительно закричалъ Муцій и, притиснувъ ладонью рану, побѣжалъ, спотыкаясь, назадъ, въ павильонъ".

У Валеріи былъ приступъ или припадокъ сомнамбулизма на почвѣ того нервнаго разстройства, которое было вызвано всѣми преступными пріемами Муція; Муцій тоже находился въ гипнотическомъ состояніи самнамбулизма. Это такъ ясно описано, что не нуждается въ поясненіяхъ.

Нужно только объяснить, насколько вѣроятно оживленіе Муція малайцемъ. Вначалѣ я сказалъ, что въ этомъ разсказѣ можно допустить только одно невѣроятное обстоятельство—оживленіе Муція; но хотя авторъ, повидимому, и хотѣлъ изобразить въ этой сценѣ чудесное, внимательный анализъ обнаруживаетъ, что это оживленіе могло быть самымъ простымъ происшествіемъ.

Едва ли Фабій воткнулъ кинжалъ по самую рукоятку; такъ могло казаться разстроенному, обезумѣвшему отъ злобы Фабію; рана была едва ли очень велика и кровотеченіе обильно: Муцій имѣлъ силы добѣжать до павильона, и „по песку дороги чернѣли капли крови", значитъ кровь не

лилась изъ раны. Муцій даже самъ отперъ наружную дверь павильона—„на ней остался слѣдъ окровавленныхъ пальцевъ“. Если кровотеченіе не было обильнымъ, то нѣтъ ничего чудеснаго въ томъ, что послѣ того какъ малаецъ остановилъ кровотеченіе и возбудилъ дѣятельность нервной системы и сердца мускусомъ, запахъ котораго въ павильонѣ слышалъ Фабій, Муцій могъ переступать ногами, хотя „лицо его было мертвенно и руки висѣли, какъ у мертвеца“.

Нѣтъ надобности останавливаться на описаніи того, какъ малаецъ оживлялъ Муція: колдовство и его пріемы не могутъ насъ интересовать. Можно лишь замѣтить, что распространенная вѣра въ возможность остановить кровотеченіе нашептываніями и колдовствомъ, можетъ быть, и имѣетъ разумное основаніе: нельзя отрицать, что подъ вліяніемъ психическихъ причинъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ кровотеченіе можетъ останавливаться. Я самъ видѣлъ опыты Дельбефа, внушавшаго загипнотизированнымъ, что разрѣзъ ножомъ не вызоветъ ни боли, ни кровотеченія, и дѣйствительно изъ ранъ не было кровотеченія, и загипнотизированные не чувствовали боли. Конечно, разрѣзы были небольшіе. Несомнѣнно, что у нѣкоторыхъ истеричекъ при глубокихъ уколахъ и даже разрѣзахъ не бываетъ ни капли крови.

Вотъ какъ можно объяснить чудесное оживленіе Муція; даже если рана была очень глубокая, то и въ такомъ случаѣ оживленіе Муція можно объяснить безъ помощи чуда: кто же не читалъ, что послѣ самыхъ ужасныхъ ранъ, полученныхъ на полѣ битвы, нѣкоторые храбрецы быстро поправлялись.

Весьма живо и поучительно описана радость Валеріи, когда она освободилась отъ внушеній Муція. Валерія „открыла, наконецъ, глаза, вздохнула глубоко, прерывисто и радостно, какъ человѣкъ, только что спасенный отъ неминучей смерти, увидала мужа и, обвивъ его шею руками, прижалась къ его груди.—Ты, ты, это ты,—лепетала она. Понемногу руки ея разжались, голова откинулась назадъ и, прошептавъ съ блаженной улыбкой: Слава Богу, все кон-

чено. Но какъ я устала!.. она заснула крѣпкимъ, но не тяжелымъ сномъ".

Утромъ Валерія, узнавъ, что Муцій уѣзжаетъ и никогда не вернется, „радостно вздохнула; блаженная улыбка появилась опять на ея губахъ". Какъ умная женщина, она сказала мужу: „Мы не будемъ никогда говорить о немъ, никогда, слышишь, мой милый!" Страхъ Валеріи былъ очень великъ: „Я изъ комнаты не выйду, пока онъ не уѣдетъ. А ты теперь пришли мнѣ моихъ служанокъ... да постой: возьми эту вещь!—она указала на жемчужное ожерелье, лежавшее на ночномъ столикѣ, ожерелье, данное ей Муціемъ,— и брось ее тотчасъ въ самый нашъ глубокій колодецъ".

Я считаю эти строки глубоко вѣрными, и жаль, что ихъ забываютъ врачи, почему-то думающіе, что гипнотическое состояніе и внушенія въ этомъ состояніи безразличны для ихъ паціентовъ и объектовъ ихъ опытовъ. Чувствовать себя во власти другого человѣка *должно* быть очень тягостно, и какъ бы деликатно и умѣло ни внушалъ гипнотизеръ, онъ все-таки совершаетъ насиліе, правда, иногда полезное больному.

Недостаточно внимательное изученіе этого разсказа можетъ привести къ заключенію, что ловкій гипнотизеръ можетъ заставить свою жертву совершить любое преступленіе: вѣдь заставилъ же Муцій добродѣтельную Валерію ходить къ нему на свиданіе. Это вопросъ столь важный, что на немъ слѣдуетъ остановиться.

На основаніи „лабораторныхъ", недостаточно точно обставленныхъ опытовъ, нѣкоторые изслѣдователи утверждаютъ, что съ помощью гипнотизма, то-есть приведя субъекта въ гипнотическое состояніе, можно заставить его совершить любое преступленіе. По порученію секціи судебной медицины VI съѣзда общества русскихъ врачей я представилъ докладъ по этому вопросу *). Въ этомъ докладѣ я доказывалъ, что здороваго человѣка нельзя съ помощью

*) Внушеніе и преступленіе. Дневникъ шестого съѣзда общества русскихъ врачей, 1896 г.

внушенія въ гипнотическомъ состояніи заставить совершить преступленіе; больнымъ же можно въ гипнотическомъ состояніи внушить совершеніе преступленія. Всѣ извѣстныя до сихъ поръ преступленія помощью внушенія состояли въ соблазненіи женщинъ противъ ихъ желанія. Одинъ мой оппонентъ указалъ на Пѣснь Торжествующей Любви, какъ на доказательство возможности заставить совершить преступленіе съ помощью внушенія. Мнѣ остается здѣсь повторить сказанное мною этому почтенному психіатру.

Такихъ окруженныхъ ореоломъ таинственности гипнотизеровъ, какъ Муцій, очень мало, и они дѣйствительно могутъ сдѣлать то, что не всякому по силамъ. Муцій былъ другомъ Фабія, жилъ въ его домѣ, и потому Валерія не могла уклониться отъ его внушеній, но и Валерія, наконецъ, рѣшила удалить Муція изъ своего дома. Въ первый сеансъ загипнотизировать такъ, чтобы можно было внушить преступленіе, никто не можетъ; также всякій здоровый человѣкъ, замѣтивъ попытки гипнотизера гипнотизировать и внушать преступленіе, такъ или иначе отдалится отъ гипнотизера. Муцій, вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ, могъ повторными внушеніями и гипнотизаціей привести Валерію въ болѣзненное состояніе и, воспользовавшись такимъ состояніемъ Валеріи, внушить ей прійти на свиданіе. Но, кромѣ исключительныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ благодаря которымъ Муцій имѣлъ достаточно времени привести Валерію въ болѣзненное состояніе, въ разсказѣ указаны другія причины, объясняющія успѣхъ Муція.

Валерія, проживъ съ Фабіемъ пять лѣтъ, не имѣла дѣтей; черезъ нѣсколько недѣль послѣ посѣщенія ихъ дома Муціемъ она, „въ первый разъ послѣ ея брака, почувствовала внутри себя трепетъ новой зарождающейся жизни... Валерія вздрогнула и остановилась... Что это значило? Неужели же...“ Валерія пять лѣтъ не имѣла дѣтей: послѣ пятилѣтней супружеской жизни Фабій могъ рисовать ея портретъ, „изобразивъ ее съ аттрибутами святой Цециліи“. Фабій былъ хорошій художникъ, и потому, если онъ могъ рисовать

Валерію съ аттрибутами святой дѣвственницы, мы въ правѣ заключать, что Валерія до встрѣчи съ Муціемъ не имѣла страстей... Половая жизнь такъ таинственна, такъ непонятна, что мы не можемъ вполнѣ объяснить, почему Валерія была похожа на дѣственницу, не имѣла дѣтей; что-то въ ея отношеніяхъ къ мужу было ненормально, чего-то недоставало; очевидно, ни она, ни мужъ не догадывались, въ чемъ тутъ дѣло. Но тутъ мы подходимъ къ такому деликатному, чисто физіологическому вопросу, что лучше ограничиться простымъ указаніемъ на ненормальность въ отношеніяхъ Валеріи къ мужу. Муцій могъ вызвать у Валеріи чувствованія, до сихъ поръ не удовлетворенныя, потому что самый ловкій гипнотизеръ, какъ я утверждалъ въ моемъ докладѣ, не можетъ внушить то, чего человѣкъ *не хочетъ*; Валерія *не желала* имѣть взрыва страсти, боялась этого, считала это преступленіемъ, но нельзя утверждать, что она этого *не хотѣла*. Трудно допустить, чтобы послѣ пятилѣтней супружеской жизни, она не хотѣла любить такъ, какъ любятъ всѣ женщины, не похожія на дѣвственницъ и имѣющія дѣтей.

Вышеизложенныя замѣчанія были необходимы, чтобы устранить весьма серьезное недоразумѣніе; въ самомъ дѣлѣ, если всякій ловкій гипнотизеръ можетъ такъ соблазнить всякую женщину, какъ Муцій Валерію, — просто страшно было бы жить. Тургеневъ вполнѣ вѣрно указалъ всѣ обстоятельства и причины, благодаря которымъ Муцій дѣйствовалъ съ успѣхомъ; Тургеневъ объяснилъ въ этомъ разсказѣ, почему такія происшествія крайне рѣдки и почему нѣтъ основанія бояться гипнотизеровъ. Вмѣстѣ съ этимъ Тургеневъ указалъ, какую громадную власть надъ личностью, при нѣкоторыхъ условіяхъ, можетъ имѣть ловкій гипнотизеръ, почему можно только одобрить тѣ мѣры, которыя правительства признали необходимыми для предупрежденія злоупотребленій гипнотизмомъ.

V.

„Пѣснь торжествующей любви“ была написана въ 1881 г., а „Клара Миличъ“ въ 1882 г.; обѣ эти повѣсти имѣютъ много

общаго; въ обѣихъ основная тема—могущество любви; въ обѣихъ описаны ненормальныя проявленія любви. Можно думать, что подъ старость нашъ великій реалистъ обратилъ вниманіе на необыкновенное, таинственное, волшебное. Я осмѣливаюсь предполагать, что, долго наблюдая жизнь, Тургеневъ, наконецъ, дошелъ до пониманія не только обыденной, нормальной жизни, которую онъ такъ ясно понялъ и прекрасно описалъ ранѣе, но и таинственныхъ, ненормальныхъ проявленій человѣческой души. Обыкновенные люди нормальны, и жизнь ихъ—„обыкновенная исторія“; насколько я понимаю, Тургеневъ величайшій поэтъ обыденной жизни, правда — лучшихъ людей. Но подъ старость длинный опытъ жизни научилъ его понимать жизнь необыкновенныхъ, то-есть ненормальныхъ, людей. Ненормальные люди заслуживаютъ вниманія поэта: въ ихъ жизни много необыкновеннаго, великаго, страстнаго, поэтическаго; только они могутъ любить любовью болѣе сильной, чѣмъ смерть; только въ ихъ пѣсняхъ звучитъ торжествующая любовь; они способны и на всякіе подвиги, и на всякія преступленія. Старый, больной поэтъ искалъ могучей, не знающей препятствій любви и, конечно, не могъ ее найти у обыкновенныхъ, то-есть нормальныхъ, людей. Мы, обыкновенные люди, инстинктивно ищемъ поэтическаго, волшебнаго вдали отъ насъ, потому что наша жизнь такъ обыденна, такъ нормальна; мы смутно сознаемъ, что, кромѣ нашей обыденной, скучной жизни, есть другая, волшебная, непохожая на нашу, и посредственные романисты находятъ такую жизнь на востокѣ, въ среднихъ вѣкахъ и т. п. Тургеневъ, какъ великій поэтъ, не могъ находить ее тамъ, гдѣ она представляется намъ, хотя, уступая принятому воззрѣнію, онъ и переноситъ дѣйствіе „Пѣсни торжествующей любви“ въ XVI вѣкъ. И на востокѣ, и въ средніе вѣка, и во дворцахъ большинство жило будничной, обыкновенной жизнью; и тамъ, и у насъ, и тогда, и теперь были необыкновенные, непохожіе на большинство, ненормальные люди съ сильными страстями, ненормально впечатлительные, поступавшіе не такъ, какъ большинство.

Вотъ этихъ-то людей, ихъ жизнь и изобразилъ больной Тургеневъ въ этихъ двухъ разсказахъ, столь мало похожихъ на его предыдущія произведенія. Вѣроятно, больному, старому поэту хотѣлось забыться въ волшебномъ поэтическомъ царствѣ любви, но, какъ великій реалистъ, вмѣсто волшебныхъ сказокъ, какими дарила насъ подъ старость Жоржъ-Зандъ, онъ далъ намъ поразительно точное описаніе патологическихъ, ненормальныхъ явленій.

Я не знаю, что собственно хотѣлъ сказать Тургеневъ разсказомъ „Клара Миличъ". М. М. Стасюлевичъ говоритъ, что сперва Тургеневъ этому разсказу далъ заглавіе „Послѣ смерти", но затѣмъ „отказался отъ этого заглавія, усиливавшаго, противъ его намѣренія, мистическій характеръ пьесы". Въ этомъ разсказѣ описана такая любовь, къ которой нормальные люди неспособны; поэтическія, таинственныя отношенія между Аратовымъ и Кларой обусловлены ихъ вырожденіемъ, ненормальностью. Сила, могущество любви, описанной въ этой повѣсти, зависятъ отъ ненормальностей Аратова и Клары Миличъ; у нормальныхъ людей не можетъ быть такой любви—имъ не являются видѣнія даже страстно любимыхъ ими женщинъ. Поэтическое обожаніе Клары Аратовымъ, его страстное желаніе примириться съ памятью Клары и быть прощеннымъ возбуждаютъ у насъ сочувствіе, и нѣкоторые мои знакомые говорили, повидимому, чистосердечно, что они завидуютъ Аратову: онъ пережилъ мгновенія величайшаго восторга. Въ этомъ чудномъ разсказѣ опоэтизировано происшествіе, если вѣрить разсказамъ, весьма банальное. Настоящая Клара любила женатаго музыканта, напрасно требовала, чтобы онъ разошелся съ женою; чтобы утѣшиться отъ неудачи и возбудить ревность музыканта, она завела интригу съ богатымъ шалопаемъ. Когда она убѣдилась, что музыкантъ ею совсѣмъ не интересуется, а любовникъ относится къ ней, какъ къ содержанкѣ, она отравилась; мнѣ говорили, что она была взбалмошная особа и происходила изъ невропатической семьи; меня поражала ея талантливость. Если мы сравнимъ это хотя и трагическое, но

банальное закулисное происшествіе съ разсказомъ Тургенева, дѣйствительную Клару съ Кларой Тургенева, мы должны будемъ согласиться, что поэтическая, чистая любовь не по плечу обыкновеннымъ людямъ, что Тургеневъ постигъ тайну поэтическаго, надѣливъ Аратова и Клару психопатической конституціей.

Ненормальные, вырождающіеся невропаты пробиваютъ для нормальной массы новые пути, потому что обладаютъ таинственными, непонятными намъ силами, и необычайное, волшебное, таинственное нужно искать у нихъ, а не у насъ. Тургеневъ хотя и поздно, но нашелъ источники вдохновенія для творчества въ иномъ направленіи, чѣмъ онъ творилъ всю жизнь, и доказалъ еще разъ свою геніальность вѣрнымъ пониманіемъ значенія ненормальнаго, патологическаго. Какъ трудно искать новыхъ путей для творчества, какъ трудно возвышаться надъ обыденною жизнью, показываютъ декаденты; они чувствуютъ, что обыденная, нормальная жизнь не можетъ удовлетворить поэта; но гдѣ они ищутъ таинственнаго и поэтическаго?

„Пѣснь торжествующей любви“ значительно уступаетъ „Кларѣ Миличъ“; она меня не приводитъ въ восторгъ. Торжествующая, *удовлетворенная* любовь не заслуживаетъ того поэтическаго ореола, которымъ окружаетъ ее Тургеневъ. Я понимаю состояніе Муція, какъ гипнотическое; думаю, что онъ загипнотизировалъ себя, и при такомъ пониманіи не вижу ничего достойнаго поэзіи въ его чувствахъ и поведеніи. Если же допустить, что Муцій притворялся и дѣйствовалъ сознательно, обдуманно, его поведеніе достойно только презрѣнія. Всемогущество страсти такъ проявляется всюду въ природѣ, что господство ея надъ разумной, сознательной дѣятельностью человѣка ничего отраднаго не представляетъ. „Пѣснь торжествующей любви“—это поэтическое описаніе побѣды животной страсти надъ разумною дѣятельностью человѣка. Тургеневъ, правда, даетъ намъ утѣшеніе въ томъ, что такая возмутительная побѣда можетъ быть только вслѣдствіе болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія;

но, къ сожалѣнію, мы знаемъ, что идеальное здоровье души и тѣла—далеко не заурядное явленіе. Въ этомъ разсказѣ Тургеневъ проявилъ свою геніальность тѣмъ, что примиряетъ насъ съ преступленіемъ Муція; Тургеневъ такъ опоэтизировалъ Муція, что насъ не возмущаетъ его подлое преступленіе; мы прощаемъ его: онъ много любилъ. Я позволяю себѣ думать, что Муцій вовсе не достоинъ участія, и пробужденіе животной страсти вовсе не такое явленіе, чтобы слѣдовало его поэтизировать. Власть тьмы такъ сильна надъ нами, что не нужно ни внушенія, ни гипнотизма для побѣды ея надъ разумомъ. Но если Тургеневъ дѣйствительно думалъ, что побѣда страсти надъ разумомъ заслуживаетъ снисхожденія, когда человѣкъ ослабленъ болѣзнью, то „Пѣснь торжествующей любви“ достойна особаго вниманія, потому что напоминаетъ намъ хотя и о старой, но великой истинѣ.

По вѣрности изображенія, по богатству содержанія эти два разсказа принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній Тургенева; достоинства ихъ очевидны и публикѣ, и психіатру, и я позволилъ себѣ высказать мое сужденіе объ этихъ двухъ разсказахъ потому, что изученіе ихъ возбуждаетъ во мнѣ, и какъ въ психіатрѣ и какъ въ читателѣ, уваженіе къ генію Тургенева; анализъ ихъ со стороны психіатра можетъ только еще разъ обратить вниманіе на ихъ большія достоинства.

VI.

Разсказъ „Странная исторія“ написанъ въ 1869 году и потому заслуживаетъ вниманія психіатра, хотя въ немъ патологическій элементъ играетъ лишь второстепенную роль. Дѣло въ томъ, что въ 1869 году даже спеціалисты имѣли о гипнотизмѣ весьма превратныя представленія, и потому весьма интересно, насколько вѣрно описаны гипнотизмъ и внушеніе въ 1869 г. Тургеневымъ. Научная разработка гипнотизма начата въ 1873 году Прейеромъ, но его изслѣдованія не обратили на себя вниманія, и только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ труды Шарко и книга Бернгейма (1882) ознакомили весь міръ съ явленіями гипнотизма

и внушенія. Если бы „Странная исторія“ была написана двадцатью годами позже, она не имѣла бы большого значенія для психіатра: въ это время явленія, описанныя въ этомъ разсказѣ, были уже извѣстны и объяснены. Кто знаетъ исторію ученія о гипнотизмѣ, тотъ долженъ изумляться, какъ могъ Тургеневъ въ 1869 г. вполнѣ вѣрно описать явленія гипнотизма.

Чтобы было вполнѣ ясно, насколько Тургеневъ опередилъ науку, какъ вѣрно описалъ совершенно непонятныя въ то время явленія, необходимо подробно анализировать нѣкоторыя сцены этого разсказа.

Лакей гостиницы, въ которой жилъ по дѣламъ авторъ, предложилъ ему для развлеченія: „Не желаете ли мертвыхъ видѣть... у насъ есть такой тутъ человѣкъ изъ простыхъ мѣщанъ, и даже безграмотный, и дѣла совершаетъ чудныя. Если, напримѣръ, вы къ нему отправитесь и пожелаете увидать какого ни на есть покойника изъ вашихъ знакомыхъ, онъ вамъ его безпремѣнно покажетъ“. Лакей сказалъ, что и ему онъ мертвецовъ „показывалъ-съ; родителя какъ живого представилъ“. Авторъ заинтересовался разсказомъ лакея и пошелъ къ старухѣ Мастридіи Карповнѣ, у которой жилъ на попеченіи Васенька, показыватель мертвыхъ. Получивъ десять рублей, эта продувная старуха объяснила, что Васенька „по всей губерніи первый постникъ и молельщикъ... А это точно: милость его посѣтила великая. Что жъ, это дѣло не его рукъ. Это, голубчикъ мой, свыше; да“. Старуха назначила автору прійти вечеромъ, въ восьмомъ часу. „Войдешь ты въ пустую комнату и въ той комнатѣ увидишь стулъ; сядь ты на этотъ стулъ и сиди, и, что бы ты ни видалъ, никакихъ словъ не произноси и не дѣлай ничего; и съ сыночкомъ моимъ не изволь разговаривать, потому онъ еще младъ, да онъ же у меня въ падучкѣ. Испугать его очень легко: затрепещется, затрепещется, словно цыпленокъ какой—бѣда“. „А вы, батюшка мой, ваше благородіе, прежде чѣмъ сюда пожалуете, извольте-ка подумать хорошенько, кого вамъ изъ вашихъ покойныхъ сродъ-

ственниковъ или знакомыхъ—царство имъ небесное—увидѣть желательно. Переберите своихъ покойничковъ и котораго выберете, такъ ужъ его въ умѣ держите, все держите, пока сыночекъ придетъ".—„А развѣ я не долженъ сказать вашему сыну, кого именно?"—„Ни-ни, батюшка, ни единаго слова. Онъ самъ въ вашихъ мысляхъ откроетъ, что ему нужно. А вы только знакомца вашего хорошенько въ умѣ держите, да за обѣденнымъ столомъ винца выпейте стаканчика два, три; винцо никогда не мѣшаетъ".

Такимъ образомъ довѣріе къ гипнотизеру—первое условіе успѣха — было внушено автору; лакей въ гостиницѣ — былъ на столько наивенъ, что ему можно было повѣрить; его свидѣтельство внушало довѣріе. Старуха также дѣйствовала очень искусно: отсутствіе таинственности и театральности, полная увѣренность старухи въ способности Васеньки вызывать мертвецовъ, ея поразительная наивность должны были подѣйствовать именно на образованнаго человѣка; вѣроятно, необразованнымъ она говорила нѣсколько иначе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не повѣрить старухѣ, которая даже запрещаетъ называть имя покойника, котораго желаешь видѣть,—дескать, Васенька и такъ вамъ его покажетъ.

Внушивъ автору довѣріе къ Васенькѣ, умная старуха очень ловко подготовила автора къ сеансу; она совершенно вѣрно знала сущность гипнотизма и внушенія. Если Тургеневъ въ этомъ разсказѣ описываетъ дѣйствительное происшествіе, то нужно удивляться геніальности этой старухи, схватившей основную суть столь сложныхъ явленій.

Она *настойчиво* совѣтовала автору *все держать въ умѣ* избраннаго покойника; мало того, что она повторила это приказаніе два раза, она потомъ еще разъ вернулась къ этому приказанію и подчеркнула его: *хороше.....енько въ умѣ держите*. Я уже говорилъ, что гипнотическое состояніе должно наступить, если въ сознаніи долго остается одно представленіе. Кто, даже безъ гипнотизера, будетъ долго „держать въ умѣ" да еще „хороше.....енько" одно представленіе, впадетъ въ гипнотическое состояніе.

Затѣмъ старуха внушила автору, что онъ увидитъ „покойничка“: „милость его посѣтила великая“.

Умная старуха знала, что легко приказывать „держите его въ умѣ хороше.....енько“, но нѣкоторыя лица положительно не могутъ „держать въ умѣ“ одно представленіе, даже если этого требуютъ именемъ Васеньки, дѣлающаго „чудныя дѣла“, и ранѣе ученыхъ, занимавшихся гипнотизаціей, она оцѣнила пользу вина, какъ подготовляющаго къ гипнотическому состоянію, средства. Этотъ совѣтъ долженъ былъ уничтожить всякія сомнѣнія въ душѣ автора: въ самомъ дѣлѣ, какъ не довѣрять старухѣ до того простодушной, что она не понимаетъ несовмѣстимости „великой милости“ съ двумя-тремя стаканчиками винца.

Авторъ, какъ и всякій образованный человѣкъ въ 1869 году, долженъ былъ подумать, что Васенька дѣйствительно что-то можетъ, если при такой наивной обстановкѣ лакею „родителя какъ живого представилъ“. Когда авторъ усомнился такому заявленію лакея, послѣдній „снисходительно, но съ твердостью поглядывалъ на меня“.

Хотя авторъ говоритъ—онъ все думалъ, что его хотятъ одурачить, и любопытство его было возбуждено, но въ тайникахъ души онъ все-таки вѣрилъ и ожидалъ чего-то необычайнаго. Онъ „держалъ въ умѣ“ образъ своего гувернера Дессера и выпилъ бутылку лафита „съ сильнѣйшимъ вкусомъ жженой пробки и съ густымъ осадкомъ сандала на днѣ каждой рюмки“.

Когда авторъ пришелъ въ указанную ранѣе старухой комнату, въ ней никого не было; три четверти часа онъ просидѣлъ одинъ въ комнатѣ, освѣщенной одной сальной свѣчей. „Сердце билось“—значитъ, авторъ ожидалъ чего-то. Старуха умѣло подготовила сеансъ; продолжительное „держаніе въ умѣ“ и ожиданіе видѣнія настолько подготовили къ галлюцинаціи опьянѣвшаго автора, что не нужно было дальнѣйшихъ внушеній со стороны Васеньки. Авторъ уже собирался уйти, когда увидѣлъ незамѣтно вошедшаго въ комнату Васеньку... „росту онъ былъ средняго и довольно

плотенъ. Закинувъ руки за спину и потупивъ голову, онъ уставился на меня... Вошедшій человѣкъ продолжалъ глядѣть на меня; я также глядѣлъ на него и—странное дѣло!—въ одно и то же время я почувствовалъ нѣчто въ родѣ страха, и словно, по приказанію, немедленно принялся думать о моемъ старомъ гувернерѣ".

Оказалось, что авторъ достаточно былъ подготовленъ старухой и лакеемъ: хотя ни въ обстановкѣ, ни въ наружности и пріемахъ гипнотизера ничего не было импонирующаго, онъ испытывалъ страхъ, сразу подчинился гипнотизеру.

Васенька гипнотизировалъ автора тѣмъ, что заставилъ его смотрѣть себѣ въ глаза: „тотъ устремлялся своимъ взоромъ вслѣдъ за моимъ, когда я... пробовалъ отвести глаза въ сторону". „Такъ прошло, не знаю, сколько времени: быть можетъ—минута, быть можетъ—четверть часа. Онъ все глядѣлъ на меня; я все ощущалъ нѣкоторую неловкость и страхъ и все думалъ о французѣ". Итакъ, Васенька загипнотизировалъ автора, фиксируя его взглядъ въ собственныхъ глазахъ настолько, что авторъ потерялъ *чувство времени*; сознаніе было измѣнено и помрачено. „Мною овладѣло какое-то оцѣпенѣніе". „Всякое рѣшеніе во мнѣ тотчасъ „застывало"; я другого слова подобрать не могу". Особенно цѣнно послѣднее наблюденіе. Я придерживаюсь того взгляда, что сущность гипнотическаго состоянія есть ослабленіе воли, но это вопросъ весьма сложный, и я не могу тутъ его затрогивать, такъ какъ это потребовало бы много времени.

„Вдругъ я замѣтилъ, что *тотъ* уже отдѣлился отъ двери и стоялъ на шагъ или на два ближе ко мнѣ; потомъ онъ чуть-чуть подпрыгнулъ, обѣими ногами разомъ, и сталъ еще ближе... Потомъ еще... потомъ еще; и грозные глаза такъ и упирались во все мое лицо, и руки оставались за спиною, и широкая грудь дышала усиленно". Повидимому, Васенька былъ опытный гипнотизеръ: онъ старался упорно, не отводя ни на секунду взгляда, смотрѣть въ глаза автору; онъ

могъ быть хорошимъ гипнотизеромъ, такъ какъ его глаза, ихъ взглядъ приковывали вниманіе гипнотизера. Очевидно, если бы у него были „глядѣлки“, какъ у Сипягина („Новь“), гипнотизируемый не сталъ бы непрерывно смотрѣть ему въ глаза.

Наконецъ, на гипнотизируемаго „сонливость вдругъ начала находить“, „вѣки мои слипались“... Гипнотизеръ „появился, изчезъ опять... появился опять... и все ближе, ближе, ближе... его трудное, почти храпѣвшее дыханіе уже добѣгало до меня. Опять надвинулся туманъ, и вдругъ изъ этого тумана, начиная съ бѣлыхъ, кверху приподнятыхъ волосъ, явственно стала вырисовываться голова старика Дессера. Да: вотъ его бородавки, его черныя брови, его носъ крючкомъ. Вотъ и зеленый фракъ съ мѣдными пуговицами, и полосатый жилетъ, и жабо. Я вскрикнулъ, я приподнялся... Старикъ исчезъ“...

Это—точное описаніе внушенной въ гипнотическомъ состояніи галлюцинаціи; изъ описанія видно, насколько было измѣнено и помрачено сознаніе гипнотизируемаго, какъ моментально было видѣніе, какъ видѣніе исчезло, когда сознаніе прояснилось. Конечно, галлюцинація у автора не была внушена гипнотизеромъ; это была самовнушенная галлюцинація. Намъ нужно удивляться, какъ въ 1869 году Тургеневъ зналъ значеніе самовнушенія, понятое лишь недавно, зналъ, въ чемъ собственно состоитъ роль гипнотизера.

Васенька *только* фиксировалъ зрѣніе гипнотизируемаго; онъ только смотрѣлъ ему въ глаза, не спускалъ своего взгляда съ глазъ гипнотизируемаго; все остальное было сдѣлано лакеемъ и Мастридіей Карповной — косвенно, и непосредственно—самимъ гипнотизируемымъ.

Когда авторъ очнулся, онъ увидѣлъ, что Васенька „подошелъ, шатаясь, къ стѣнѣ, уперся въ нее головой и обѣими руками и, задыхаясь, какъ запаленная лошадь, хриплымъ голосомъ проговорилъ: чаю. Откуда ни возьмись, Мастридія подскочила къ нему и, приговаривая: Васенька, Васень-

ка, принялась заботливо утирать потъ, который такъ и струился съ его волосъ и лица". Когда авторъ хотѣлъ заговорить съ ней, „она такъ убѣдительно, такимъ раздирающимъ голосомъ воскликнула: ваше благородіе, отецъ милостивый, не губите, уйдите, Христа ради!" и посовѣтовала автору напиться чаю.

Одна эта сцена даетъ намъ право утверждать, что Тургеневъ опередилъ науку: дѣйствительно, самый трудный для гипнотизера способъ гипнотизаціи—это заставлять смотрѣть себѣ въ глаза. Прейеръ совершенно вѣрно подмѣтилъ, что при этомъ способѣ гипнотизаціи нѣкоторые гипнотизеры сами впадаютъ въ гипнотическое состояніе. Легко себѣ представить, какъ утомительно долго, не мигая, смотрѣть на одну точку, какъ устаютъ глазныя мышцы. Поэтому утомленіе Васеньки — очень тонко подмѣченная подробность:—онъ долженъ былъ очень утомиться. Понятно, почему Мастридія умоляла автора не говорить и не подходить: она боялась припадка у Васеньки и она, конечно, знала, какъ дурно на его здоровье вліяютъ такіе сеансы. Въ этомъ отношеніи она знала больше тѣхъ современныхъ врачей, которые думаютъ, что гипнотизмъ безвреденъ для здоровья.

Итакъ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ въ губернскомъ городѣ, въ которомъ не было порядочной гостинницы, „старушка почтенная, на мосту мочеными яблоками торгуетъ", и какой-то несчастный больной „въ падучкѣ" своимъ умомъ дошли до умѣнія гипнотизировать и внушать галлюцинаціи. Изъ разсказа не видно, какъ эти простаки дошли до столь хитраго открытія, какъ они научились распредѣлять роли, кто кого училъ—почтенная старушка падучнаго или падучный почтенную старушку, но вдвоемъ они даже высокообразованнаго автора отлично загипнотизировали и гувернера-француза „ему какъ живого представили".

Авторъ, какъ это видно изъ разсказа и какъ это должно было быть, совершенно не понималъ, какъ старуха ему „внушала", какъ падучный его гипнотизировалъ, что еще

болѣе доказываетъ его наблюдательность: не трудно точно описать то, что знаешь и понимаешь; только великій наблюдатель можетъ точно описать то, чего онъ совсѣмъ не понимаетъ. Если бы современный беллетристъ теперь столь же точно описалъ сеансъ гипнотизаціи и внушенную галлюцинацію, какъ Тургеневъ въ „Странной исторіи“, такой разсказъ не имѣлъ бы большой цѣны: въ учебникахъ это уже описано.

Насколько Тургеневъ не понималъ, что съ нимъ произошло, можно судить изъ слѣдующихъ строкъ. „Вернувшись домой... я чувствовалъ усталость — даже слабость... я, наконецъ, добился ея объясненія. Человѣкъ этотъ, несомнѣнно, обладалъ значительной магнетической силой; дѣйствуя, конечно, непонятнымъ для меня способомъ, на мои нервы, онъ такъ ясно, такъ опредѣленно возбудилъ во мнѣ образъ старика, о которомъ я думалъ, что мнѣ, наконецъ, показалось, что я его вижу передъ глазами. Наукѣ извѣстны подобныя „метастазы“ — перестановленія ощущенія“. Тургеневъ былъ очень уменъ и прекрасно образованъ и потому не могъ удовлетвориться такимъ неправильнымъ, хотя и принятымъ въ то время „въ наукѣ“, объясненіемъ и потому долженъ былъ сознаться: „прекрасно; но сила, способная производить такія дѣйствія, все-таки оставалась чѣмъ-то удивительнымъ и таинственнымъ“.

Въ томъ же городѣ авторъ познакомился съ богатой барышней, лѣтъ семнадцати; она была „тоненькая и худенькая“, „лицо у нея было совсѣмъ дѣтское, круглое съ маленькими, пріятными, но неподвижными чертами; голубые глазки... глядѣли внимательно, почти изумленно“; „общее впечатлѣніе, производимое этой дѣвушкой, было не то, чтобы болѣзненное, но загадочное“. Авторъ второй разъ ее видѣлъ на балу и замѣтилъ „нѣсколько странный, нѣсколько даже дикій ея взоръ“; „она рѣдко мигала“ *), въ

*) Еще Осборнъ замѣтилъ, что обыкновенно мы мигаемъ 24 раза въ минуту, но при напряженіи вниманія 4—6 разъ. (Tissié: «La Fatigue», p. 128). Очевидно, что у Софи было сильно развито вниманіе.

глазахъ было „необычное“. За мазуркой эта барышня, Софи, увѣренно заявила автору, что Васенька дѣлаетъ чудеса, что начало вѣры „самоотверженіе... уничиженіе“. „Гордость человѣческая, гордыня, высокомѣріе—вотъ что надо искоренить до тла. Вы вотъ упомянули о волѣ... ее-то и надо сломать“. „Для чистаго нѣтъ ничего нечистаго! Лишь бы учителя найти!.. наставника найти“... „мнѣ нуженъ такой наставникъ, который самъ бы мнѣ на дѣлѣ показалъ, какъ жертвуютъ собой“.

Черезъ два года авторъ узналъ, что Софи „вотъ ужъ три мѣсяца какъ безъ вѣсти пропала“.

Осенью того же года на постояломъ дворѣ авторъ встрѣтилъ юродиваго въ веригахъ съ тщедушной женщиной въ старомъ, мокромъ мѣщанскомъ шушунѣ. Въ нихъ онъ узналъ Васеньку и Софи; конечно, авторъ напрасно умолялъ Софи вернуться къ отцу.

Въ разсказѣ не объяснено достаточно ясно, какъ Софи сблизилась съ Васенькой, но вполнѣ выяснено, что Васенька впалъ въ тяжкое слабоуміе; онъ болталъ: „Древлій врагъ, адамантъ! А...да...мантъ, А...да...мантъ“, повторилъ нѣсколько разъ юродивый со скрежетомъ зубовъ. „Древлій змій! Но да воскреснетъ Богъ! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его. Я всѣхъ мертвыхъ призову! На врага его пойду. Ха-ха-ха! Тьфу!“ На другой день авторъ вышелъ на крыльцо и увидѣлъ юродиваго. „Онъ сидѣлъ на лавочкѣ подъ воротами и, упершись въ нее обѣими ладонями, раскачивалъ направо и налѣво понуренную голову—ни дать, ни взять—дикій звѣрь въ клѣткѣ. Густыя космы курчавыхъ волосъ закрывали ему глаза и мотались изъ стороны въ сторону такъ же, какъ и отвисшія губы... Странное, почти нечеловѣческое бормотаніе вырывалось изъ нихъ“. Когда Софи, не желая слушать просьбъ автора, приказала юродивому идти,—„иду, матушка, иду“, покорно отвѣтилъ юродивый и, перегнувшись всѣмъ тѣломъ, приподнялся съ лавочки“.

Очевидно, что впавшій въ полное слабоуміе, Васенька не

могъ ни *внушать*, ни гипнотизировать Софи; не онъ приказывалъ ей, а она ему. Остается неизвѣстнымъ, какою болѣзнью страдалъ ранѣе Васенька; діагнозу Мастридіи довѣрять нельзя; она могла истерическіе припадки принимать за эпилептическіе. Остается неизвѣстнымъ, отчего болѣзнь Васеньки прогрессировала—естественно или искусственно, вслѣдствіе частыхъ сеансовъ гипнотизаціи, которые утомляли больного настолько, что Мастридія боялась припадка послѣ сеанса. Но несомнѣнно, что когда Софи оставила домъ отца, чтобы быть спутницей юродиваго, онъ былъ тяжко-слабоумный и не могъ *внушать* Софи идти съ нимъ.

Едва ли нужно говорить, что отношенія Софи къ юродивому были вполнѣ чистыя, высоко-нравственныя: она служила безпомощному больному.

Не внушеніе, не гипнотизмъ, а сознательное стремленіе къ подвигу сблизило Софи съ юродивымъ. Особенно теперь въ модѣ непонятные намъ поступки объяснять внушеніемъ и гипнотизмомъ; богатая барышня убѣжала съ бѣднякомъ—говорятъ, онъ загипнотизировалъ и внушилъ ей; дочь съ любовникомъ отравила отца—опять гипнотизмъ и внушеніе. Тургеневъ лучше насъ понималъ людей и мотивы ихъ поступковъ; даже при поверхностномъ знакомствѣ съ Софи авторъ замѣтилъ тѣ особенности ея характера, которыя объясняютъ „странную исторію“. Эта дѣвушка искала подвига, стремилась къ самоотверженію и уничиженію, и она выбрала себѣ дѣйствительно тяжкій подвигъ, требующій величайшаго самоотверженія и уничиженія.

Для меня этотъ разсказъ имѣетъ особую цѣнность: я нахожу въ немъ доказательство, что даже самыя странныя исторіи объясняются сознательными мотивами; этотъ разсказъ мнѣ служитъ однимъ изъ аргументовъ противъ модной теперь теоріи внушенія, какъ объясненія непонятныхъ намъ поступковъ.

Авторъ не даетъ матеріала для сужденія о состояніи здоровья Софи; конечно, это была необыкновенная дѣвушка,

но ея „странная исторія“ не даетъ еще права предполагать, что она была больная или болѣзненная особа. Я далекъ отъ того, чтобы всѣхъ стоящихъ выше меня, непонятныхъ мнѣ лицъ, считать больными. Софи, конечно, была необыкновенная дѣвушка, она была вырождающаяся въ томъ смыслѣ, что, по своей духовной организаціи, рѣзко уклонялась отъ типа, значительно отличалась отъ толпы: но въ ней уклоненіе было кверху, она была много лучше, выше толпы. Чѣмъ больше въ народѣ лицъ съ такимъ уклоненіемъ отъ типа, тѣмъ лучше его судьба.

VII.

Анализъ произведеній Тургеневъ приводитъ насъ къ заключенію, что патологическія психическія явленія играютъ сравнительно небольшую роль въ той картинѣ, которую онъ нарисовалъ. Только въ послѣдніе годы жизни онъ обратилъ вниманіе на эти явленія, оцѣнилъ ихъ важное значеніе. Ранѣе онъ не обращалъ вниманія на патологическія уклоненія душевной жизни, — они его не интересовали. Тургеневъ далъ намъ *относительно* немного описаній патологическихъ проявленій души, но эти описанія поражаютъ своею точностью; ничего выдуманнаго, *вычитаннаго* мы въ этихъ описаніяхъ не находимъ. Эти необычайно вѣрныя изображенія дѣйствительности можно рекомендовать для изученія всѣмъ интересующимся душевными болѣзнями.

Мебіусъ хотя и приходитъ къ заключенію, что Гете невѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія, тѣмъ не менѣе указываетъ, какъ и когда Гете могъ ознакомиться съ этими явленіями. Я не могу послѣдовать примѣру Мебіуса, потому что у насъ нѣтъ полной біографіи Тургенева. Намъ неизвѣстна жизнь Тургенева настолько подробно, чтобы опредѣлить, какъ и когда Тургеневъ наблюдалъ душевно-больныхъ, изучалъ ли онъ душевныя болѣзни, интересовался ли медициной вообще. Было бы весьма интересно знать, гдѣ, когда и какъ Тургеневъ наблюдалъ душевно больныхъ; для меня несомнѣнно, что онъ наблюдалъ тѣ патоло-

гическія явленія, которыя онъ описалъ: нельзя вѣрно изобразить то, чего не наблюдалъ. Но для опредѣленія степени геніальности автора весьма важно знать, много ли онъ наблюдалъ или только видѣлъ мелькомъ; понятно, чѣмъ меньше наблюдалъ Тургеневъ то, что онъ изобразилъ, тѣмъ болѣе мы должны удивляться его геніальности, потому что для такого точнаго описанія патологическихъ явленій, какое намъ далъ Тургеневъ, и привычнымъ наблюдателямъ необходимо многолѣтнее изученіе душевныхъ болѣзней.

Насколько намъ извѣстно, Тургеневъ не интересовался психіатріей; къ такому заключенію меня приводитъ „Казнь Тропмана“; если бы Тургеневъ интересовался вопросами психопатологіи, онъ бы обратилъ вниманіе на аномаліи этого врожденнаго преступника. Тургеневу казались странными разсужденія адвоката, старавшагося доказать, что Тропманъ ненормальный человѣкъ, между тѣмъ этотъ адвокатъ, по существу, былъ правъ.

Я думаю, что Тургеневъ не читалъ сочиненій по психіатріи; если же и читалъ случайно кое-что, то безъ интереса и невнимательно; теоретическихъ свѣдѣній его по психіатріи въ его произведеніяхъ не видно. Сомнѣваюсь, чтобы Тургеневъ много и основательно бесѣдовалъ съ психіатрами о душевныхъ болѣзняхъ и посѣщалъ заведенія для душевно-больныхъ. Въ числѣ его близкихъ друзей ни въ Россіи, ни въ Германіи, ни во Франціи, сколько извѣстно, не было ни одного психіатра. По моему мнѣнію, такое отсутствіе теоретическихъ свѣдѣній по психіатріи у Тургенева дало ему возможность всецѣло довѣряться только собственнымъ наблюденіямъ, не подгонять добытые собственнымъ наблюденіемъ факты подъ теоріи того или другого ученаго. Изображенія такого великаго наблюдателя имѣютъ громадную цѣнность, именно поскольку матеріалъ для нихъ собранъ личными наблюденіями автора. То, что онъ видѣлъ, имѣетъ большую цѣнность, потому что онъ видѣлъ только то, что есть въ дѣйствительности; его свидѣтельству мы должны довѣрять больше, чѣмъ сообщеніямъ обыкновенныхъ наблю-

дателей. Нѣтъ ничего труднѣе какъ точно наблюдать, и потому наблюденія лицъ, одаренныхъ большою наблюдательностью, особенно драгоцѣнны. Только такія наблюденія заслуживаютъ названія „человѣческихъ документовъ“, потому что они дѣйствительно—точныя наблюденія. Тургеневъ, какъ великій наблюдатель, долженъ былъ ограничиться собственными наблюденіями, ему не нужны были сомнительные документы, которые такъ нужны для Золя и которые Золя почему-то называетъ человѣческими.

Было бы странно, если бы Тургеневъ, при его громадной наблюдательности, для своихъ произведеній пользовался сомнительными документами, какъ Золя. Тургеневъ могъ самъ собрать весь матеріалъ: поле для наблюденій безконечно, нужно только умѣть наблюдать. Какую цѣну могутъ имѣть изображенія, матеріаломъ для которыхъ послужили свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, напримѣръ, даже солидныя ученыя сочиненія? Произведенія беллетриста, черпающаго матеріалы изъ книгъ, имѣютъ цѣнность постольку, поскольку сочиненія, имъ изученныя, вѣрны и поскольку онъ ихъ понялъ, уже не говоря о томъ, что такія произведенія не могутъ быть хороши въ художественномъ отношеніи. Для беллетриста крайне опасно вмѣсто собственныхъ наблюденій пользоваться учеными сочиненіями уже потому, что, какъ вполнѣ вѣрно сказалъ Бенедиктъ: „я считаю классической современную книгу, если въ ней только 60% ошибокъ и 40% истины“ *). Можно себѣ представить, сколько ошибокъ должно быть въ произведеніяхъ беллетристовъ, пользующихся не только „классическими“ книгами, и какъ поэтому цѣнны изображенія художника, списанныя имъ самимъ съ природы.

Я думаю, что Тургеневъ для своихъ изображеній патологическихъ душевныхъ явленій пользовался только собственными наблюденіями, потому что эти изображенія не похожи

---

*) Actes du 3-me Congrès international d'Anthropologie criminelle. 1892, p. 267.

на будто бы точныя описанія душевно-больныхъ въ произведеніяхъ второстепенныхъ романистовъ, черпающихъ свой матеріалъ въ учебникахъ. Золя доказалъ, что нельзя изображать природу, пользуясь, вмѣсто собственныхъ наблюденій, документами, и кто самъ наблюдалъ преступниковъ, тотъ согласится съ Ломброзо, сказавшимъ о „Bête humaine“: „Золя не наблюдалъ самъ преступниковъ. Преступники въ „Bête humaine“ мнѣ кажутся фотографіями, снятыми съ портретовъ, написанныхъ масляными красками“ **). Понятно, что эти фотографіи постольку вѣрно изображаютъ природу, поскольку картины написаны вѣрно; да и какая надобность въ фотографіяхъ, если есть уже портреты. Для спеціалиста, изучавшаго не только портреты, но и самую природу, фотографіи Золя, а тѣмъ болѣе фотографіи менѣе его талантливыхъ беллетристовъ, не имѣютъ никакого значенія, а неспеціалистовъ онѣ могутъ ввести въ заблужденіе—въ виду ихъ неясности и неточности портретовъ.

По сравненію съ такими фотографіями изображенія Тургенева, одареннаго великою наблюдательностью и наблюдавшаго то, что онъ описалъ, имѣютъ громадную цѣнность для спеціалиста и для неспеціалиста. Первый можетъ провѣрить свои собственныя и другихъ изслѣдователей свѣдѣнія, второй можетъ учиться по точнымъ и прекраснымъ описаніямъ Тургенева. Анализу и провѣркѣ психіатра доступно сравнительно немногое въ произведеніяхъ Тургенева; только въ пяти разсказахъ психіатръ находитъ изображенія тѣхъ явленій, которыя изучены психіатріей, которыя можно провѣрить на основаніи научныхъ свѣдѣній. Поэтому психіатръ не можетъ много способствовать разъясненію произведеній Тургенева; въ этомъ отношеніи разборъ произведеній Достоевскаго, сдѣланный мною пятнадцать лѣтъ тому назадъ *), имѣлъ другое значеніе: произведенія Достоевскаго не могутъ быть поняты безъ объясненія патоло-

*) Ferri: „Les criminels dans l'art et la littérature“ p. 111.

**) Достоевскій, какъ психопатологъ. «Русскій Вѣстникъ», 1884. Отдѣльное изданіе. Москва, 1885.

гическихъ душевныхъ явленій, въ нихъ описанныхъ, а въ произведеніяхъ Тургенева лишь нѣкоторые разсказы нуждаются въ спеціальномъ объясненіи со стороны психіатра.

Настоящій очеркъ поэтому имѣетъ другую цѣль, чѣмъ вышеназванная моя работа о Достоевскомъ: въ этомъ очеркѣ я имѣлъ болѣе ограниченную задачу—провѣрить данными психіатріи нѣкоторые разсказы Тургенева съ цѣлью установить, насколько вѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія нашъ великій реалистъ.

Такая провѣрка могла привести къ одному изъ слѣдующихъ четырехъ выводовъ: или авторъ далъ намъ вмѣсто изображеній дѣйствительности образы фантазіи, или онъ далъ намъ вѣрныя описанія патологическихъ душевныхъ явленій на основаніи изученія сочиненій по психопатологіи, или онъ вѣрно описалъ эти явленія, изучивъ ихъ путемъ личнаго наблюденія, или же, наконецъ, его изображенія патологическихъ душевныхъ явленій вѣрны отчасти, но содержатъ и ошибки. Очевидно, что такая провѣрка имѣетъ большое значеніе для общей оцѣнки всѣхъ произведеній Тургенева.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы провѣрка этихъ изображеній привела къ послѣднему изъ перечисленныхъ выводовъ, мы имѣли бы право утверждать: если описанія патологическихъ душевныхъ явленій вѣрны лишь отчасти, то нельзя довѣрять и всѣмъ другимъ произведеніямъ Тургенева; если онъ, несмотря на стремленіе къ реализму, не совсѣмъ вѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія, то и нормальныя явленія душевной жизни въ его произведеніяхъ изображены не совсѣмъ вѣрно.

Если бы пришлось прійти къ выводу, что Тургеневъ вѣрно изображалъ патологическія душевныя явленія, потому что пользовался хорошими сочиненіями по психіатріи, мы бы не могли вполнѣ довѣрять Тургеневу: точность его описаній, значитъ, зависѣла бы отъ того, какими сочиненіями онъ пользовался, а такъ какъ совершенно безошибочныхъ сочиненій нѣтъ, то и въ произведеніяхъ Тургенева должны

были бы быть ошибки. Къ счастію, не только нѣтъ основаній предполагать, что Тургеневъ списывалъ изъ учебниковъ, но мы нашли доказательства того, что даже въ чисто-спеціальныхъ вопросахъ Тургеневъ опередилъ науку.

Выводъ, состоящій въ томъ, что для изображенія патологическихъ душевныхъ явленій Тургеневъ прибѣгалъ къ фантазіи, что вмѣсто изображенія дѣйствительности онъ намъ далъ образы фантазіи, не имѣлъ бы значенія для оцѣнки всѣхъ произведеній Тургенева. Мебіусъ пришелъ къ такому заключенію послѣ разбора произведеній Гете; но это не мѣшаетъ намъ поклоняться генію Гете. Тургеневъ такъ же, какъ и Гете, могъ черпать матеріалы для своихъ произведеній и въ собственной фантазіи, и въ собственныхъ наблюденіяхъ. Онъ могъ изображать нормальныя психическія явленія и прибѣгать къ помощи фантазіи въ области, ему неизвѣстной.

Наибольшее значеніе имѣетъ тотъ выводъ, къ которому привело меня изученіе Тургенева: если Тургеневъ съ неподражаемою точностью изображалъ ненормальныя психическія явленія, мы должны вполнѣ полагаться на вѣрность всѣхъ образовъ во всѣхъ произведеніяхъ Тургенева. Если Тургеневъ такъ вѣрно изобразилъ мало ему интересныя, непонятныя ему психопатическія проявленія душевной жизни, - безспорно, что изображенія нормальныхъ психическихъ явленій не менѣе точны. Я вполнѣ понимаю, что произведенія Тургенева уже оцѣнены по достоинству, что не было сомнѣній въ полной правдивости нашего великаго писателя, но еще одно доказательство удивительной точности въ произведеніяхъ Тургенева должно увеличить наше уваженіе къ этому правдивому художнику.

По крайней мѣрѣ, я считалъ своимъ долгомъ, долгомъ русскаго психіатра указать на полную правдивость и удивительную точность описаній патологическихъ душевныхъ явленій въ произведеніяхъ Тургенева.